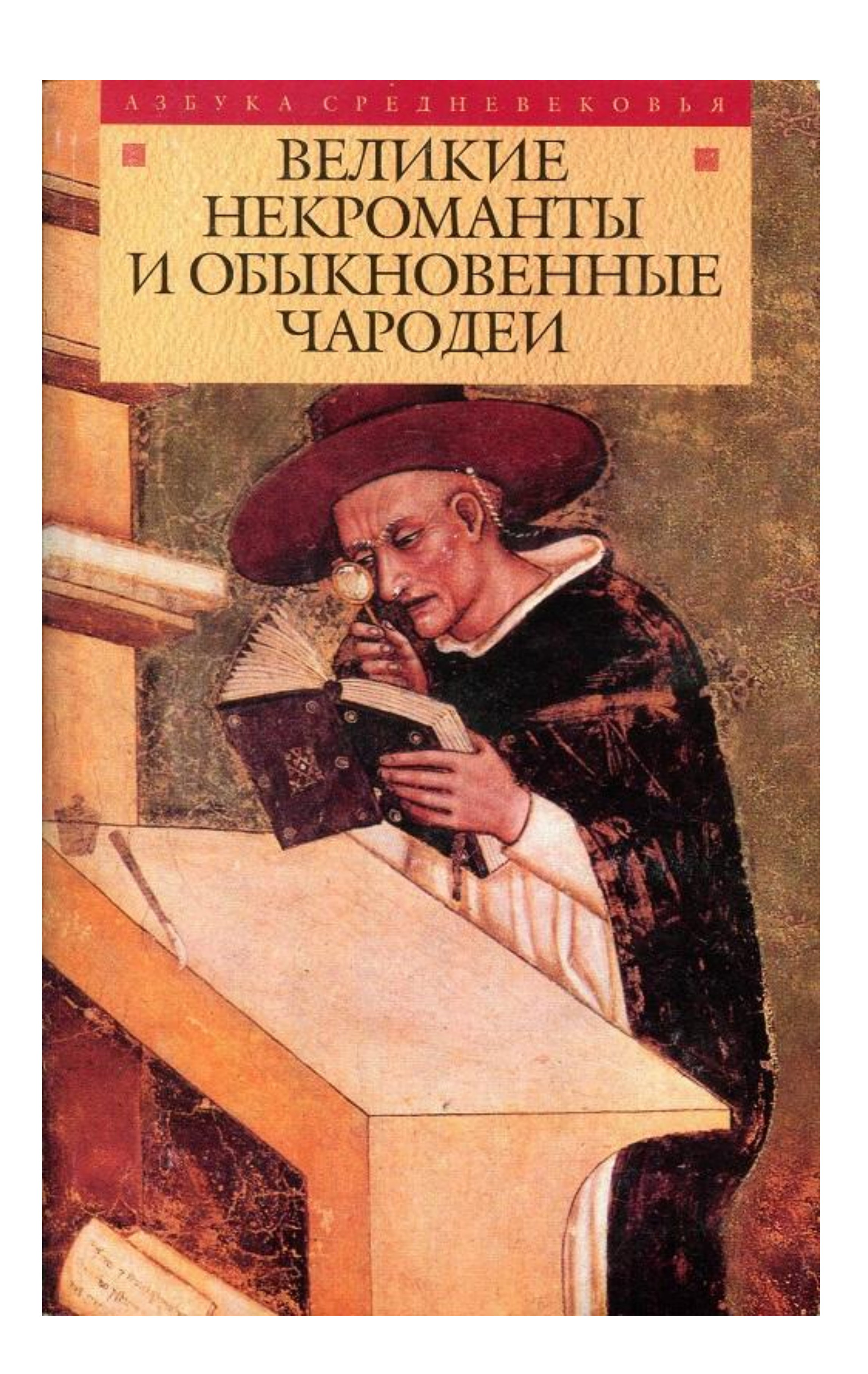

АЗБУКА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
ВЕЛИКИЕ НЕКРОМАНТЫ И ОБЫКНОВЕННЫЕ ЧАРОДЕИ

ЛИТЕРАТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

«Азбука Средневековья» — собрание книг простых и доходчивых, которые вполне могли оказаться на одной полке какого-нибудь европейского монастыря. Серия задумана так, чтобы школяры и студенты, современные наследники вагантов и голиардов, вполне могли прихватить кусочек Средневековья почитать в метро, открыть для себя книги, созданные в героическую эпоху варваров и язычников, во времена крестоносцев и трубадуров, в пору ехидных шутов и изворотливых придворных.

«Мир уже стареет, пламя мудрости в нас едва тлеет, и сегодня не найдется уже никого, кто бы мог сравниться с писателями прошлого. В меру грубого и недалекого разумения здесь изложено то, что удалось почерпнуть в старых книгах, причем сделано это с краткостью, и ежели кто-либо, читающий это, сомневается, то он может обратиться к написанному, и тогда обнаружит, что все изложенное соответствует истине».

Анонимный автор VII века

Какую цену можно заплатить, чтобы обрести тайные знания? Прослыть великим некромантом, всезнающим волшебником? Готовы ли вы отдать душу дьяволу, чтобы погадать на стихах бессмертной «Энеиды»? Если еще не знаете ответов на эти вопросы, то жизнеописания Вергилия и Роджера Бэкона многому вас научат. Одаренность и неординарность исторических персонажей нередко приводит к тому, что их жизнь обрастает самыми невероятными легендами. Экстравагантное поведение таких, как братец Раш и Роберт Дьявол, и подавно убеждает в том, что такой человек мог подружиться с нечистью.

АЗБУКА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ISBN 5-352-00703-0
9 785352 007037

ВЕЛИКИЕ НЕКРОМАНТЫ И ОБЫКНОВЕННЫЕ ЧАРОДЕИ

Санкт-Петербург
Издательство «Азбука-классика»
2006

The Lyfe of Virgilius

The Famoust Historie of Fryer Bacon

The Historie Frier Rush

The Lyfe of Robert the Deuyl

Книга
о жизни Вергилия,
о его смерти

и о многих чудесах, которые он совершил
благодаря колдовству и некромантии
при помощи дьяволов преисподней

Напечатано в городе Антверпене
мною, Джоном Доусборком,
жителем того же порта

Знаменитая история монаха Бэкона,

содержащая также чудеса, совершенные им при жизни, и рассказ о его смерти с описанием жизни и смерти двух волшебников, Банджи и Вандермаста. Чрезвычайно занимательное и поучительное чтение

Напечатано в Лондоне для Франсиса Гроува, продается в его магазине в верхнем конце Сноу-Хилл, против «Головы Сарацина»

История брата Раша

о том, как он пришел в аббатство наниматься на службу, и был принят приором, и назначен поваренком

Книга, полная приятного веселия и наслаждения для юношества. Напечатана в Лондоне Эдвардом Алди, в доме неподалеку от церкви Христа

Жизнь Роберта Дьявола,

прославившегося своими пороками, однако названного впоследствии слугой Господа

Напечатано на Флит-стрит Винкином де Вордом

Сборник

Великие некроманты и обыкновенные чародеи

The Lyfe of Virgilius

The Famoust Historie of Fryer Bacon

The Historie Frier Rush

The Lyfe of Robert the Deuyl

Автор проекта Николай Горелов

Перевод с английского Натальи Масловой;

В каждой стране книгопечатание развивалось по-своему. Ивану Федорову, например, пришлось даже в Польшу уехать, ибо «вновь изобретенный способ распространения рукописей посредством машин» (слова Вальтера Скотта, вложенные в уста Людовика XI) был признан у нас делом бесовским. В Англии начало книгопечатанию положил в конце XV века Уильям Какстон, издавший «Смерть Артура» Томаса Мэлори, а также целую серию рыцарских романов и подборку народных книг, которые пользовались у читателей особым спросом. Занимательность привлекла Какстона и продолжателей его дела в анонимных произведениях — романах на темы не совсем рыцарские, зато доступные широкой публике. Истоки этих романов, между прочим, были в одних и тех же книгах — средневековых энциклопедиях, и в первую очередь — в «Великом зерцале» Винсента из Бовэ, доминиканского монаха, жившего в XIII веке. Его «Зерцало» (хотя над энциклопедией трудился, как принято теперь говорить, коллектив авторов) — неподъемные тома, по объему готовые поспорить с современными энциклопедиями, а по содержанию они были для своего времени абсолютно исчерпывающими. Именно из «Исторического зерцала» Какстон почерпнул немало сведений для книги о Карле Великом (во всяком случае, переводчик и издатель считал нужным так утверждать — «для солидности»). Винсенту из Бовэ и его энциклопедии обязан своим широким распространением и круг преданий, ставший основой романа о Вергилии, который открывает эту книгу.

Почему Вергилию так не повезло? В средневековой литературе он постепенно превратился из великого поэта в некроманта и волшебника, колдуна, творящего разнообразные чудеса. Виной тому, естественно, немалые трудности, встречавшиеся на пути тех школяров, которым приходилось одолевать кряжи «Энеиды» — произведения, прямо скажем, не самого легкого для чтения. Кроме того, сыграла свою роль и репутация Апулея, уже при жизни обвиненного в занятиях магией и вынужденного оправдываться. Понятное дело, если один писатель-классик «привлекался» за ведовство, то, с точки зрения средневековых послушников, зубривших «Энеиду», и другой должен быть ничем не лучше. Так сформировалась легенда. Первые упоминания о том, что Вергилий был не только поэтом, относятся к середине XII века.

Еще Иоанн Солсберийский (1115/20 — 1174) говорил о необычном даре Вергилия. Так, в первой книге «Поликратика» он пересказывает примечательный анекдот: «Мантуанский колдун спросил Марцелла, какой способ он считает более действенным для истребления птиц: предпочел бы он научить одну птицу убивать всех прочих или создать муху для истребления мух. Поведав об этом вопросе своему дяде Августу, он, следуя его совету, предпочел изготовить муху, которая изгонит всех мух из Энеаполя и избавит город от неизлечимой чумы. Так и было сделано: совершенно очевидно, что предпочтение, сделанное ради чьего бы то ни было частного удовольствия, пошло всем на пользу». Итак, муха была создана с конкретной целью и по сути своей стала воплощением того принципа полезности, который с блеском многими веками позже опроверг российский Левша, блоху подковавший. Иоанн Солсберийский также приводил в пример некоего стоика по имени Людовик, который «прожил долгое время в изгнании в Апулии, но даже после многочисленных бдений, продолжительных постов и многих изнурительных трудов, столь несчастных и бесполезных поисков, привез обратно во Францию скорее кости Вергилия, чем его дух».

Александр Некам в книге «О природе вещей» рассказывал про Вергилия: «Матуанскому певцу-пророку обязан Неаполь; оный, едва не погибший из-за множества пиявок, был спасен Мароном, бросившим на дно колодца пиявку золотую. И вот, когда по прошествии многих лет колодец решили почистить и извлекли ее оттуда, город тут же наводнило целое полчище пиявок, и не угомонилась напасть до той поры, покуда золотая пиявка не была помещена обратно в колодец. Известно также, что на рынке Неаполя мясо не могло находиться долгое время и тухло, так что даже мясники были вынуждены поститься. Но мудрость Вергилия избавила от этого неудобства: он закрыл мясной рынок и сдобрил мясо незнамо какой травою, так что и по прошествии пятисот лет оно остается свежим и обладает приятным запахом, сладость которого достойна всяческой похвалы. А что сказать о том, что этот самый поэт садик свой окружил и обнес неподвижным воздухом, словно забором или оградой? А что сказать о том, что он построил воздушный мост, по которому обыкновенно отправлялся в соответствии со своим желанием, куда ему нужно было? В Риме же он возвел знаменитый дворец, в котором стояло деревянное изображение каждой из областей, державшее в руке колокол. И как только какое-нибудь царство решалось поколебать могущество Римской империи, тут же предательское изображение принималось бить в колокол. А медный воин, восседавший на медном коне, находившемся на самой верхушке этого дворца, потрясая копьем, поворачивался в нужную сторону. Эта область, из страха перед римским юношеством, готовым тут же погрузиться на корабли и отправиться по воле сенаторов и родителей воевать против врагов Римской империи, не только отказывалась от задуманного преступления, но и обрушивала свой гнев на тех, кто к нему подталкивал. Когда же прославленного певца спрашивали, до коих пор богами будет сохраняться это знатное строение, он имел обыкновение отвечать: „Простоит, покуда не родит девственница". Слышавшие это философы радовались, рассуждая: „Видно, оно будет стоять вечно". Однако, как утверждают, с рождением Спасителя этот знаменитый дворец внезапно превратился в прах».

В конце XII века отправившийся в Италию Конрад Кверфуртский был уже уверен, что сам город Неаполь построен Вергилием. В письме, посланном из Италии в родной Хильдесгайм, Конрад — человек, не чуждый классической учености, писал: «Видели мы искусное творение Вергилия — Неаполь, ведь пряжа сестер-парок привела к.тому, что стены этого города, заложенные и возведенные этим философом, нам выпало уничтожить по повелению императора. И не помог жителям города тот самый идол, что был с помощью магического искусства помещен сквозь крохотное отверстие этим самым Вергилием в стеклянный сосуд, в целостности которого было заключено такое свойство, что до тех пор, покуда сосуд остается невредимым, город не претерпит никакого урона. Когда и сосуд, и стены оказались в кашей власти, мы стены снесли, хотя сосуд оставался целым. Скорее всего город подвергся разрушению потому, что сосуд был треснутым. В том же самом городе стоит медный конь, сделанный Вергилием с помощью магических заклинаний таким

образом, что до тех пор, пока он остается невредимым, ни одна лошадь не может расседлаться. А все оттого, что земля эта обладала от природы таким свойством: прежде сооружения этого медного коня ни один конь не мог нести всадника, не переломав себе хребет. Там же расположены укрепленные врата, возведенные наподобие замка, с медными створками, которые ныне находятся в руках приверженцев императора, так вот, там соорудил Вергилий медную муху, и до тех пор, покуда она остается невредимой, ни одна муха не может проникнуть в пределы города. В близлежащем замке, на возвышенности, расположенной между городом и морем, находятся кости Вергилия, и если их вынести на солнечный свет, то небеса тут же темнеют, море преображается до самых глубин, поднимается буря и грохочет гром. Это мы видели и проверяли лично.

Поблизости расположено местечко Байи, о котором упоминают многие авторы, это там находятся купальни Вергилия, помогающие от всяких телесных недугов. Среди этих купален одна выделяется своими размерами и значением — в ней стоят статуи, ныне уже пострадавшие от времени, и каждая из них изображает какой-либо телесный недуг. Там стоят и иные гипсовые статуи, каждая из которых указывает на одну купальню, помогающую от определенного недуга. Там же расположен превосходно выстроенный дворец Сивиллы, а в нем купальня, которая ныне называется купальней Сивиллы. Там же находится дворец, откуда, как утверждают, Парис похитил Елену.

Возвращаемся к ходу нашего повествования, так в Неаполе расположены некие ворота, которые называются железными вратами, — это там Вергилий заключил всех змей, в изобилии обитавших в этом крае, потому что в тех местах множество подземных построек и крипт. И единственно этих ворот из всех прочих мы весьма боялись: как бы заключенные змеи не выбрались из своей темницы и не покусали жителей. В том же самом городе есть рынок, построенный Вергилием таким образом, что мясо убитых на нем животных в течение шести недель остается свежим и невредимым; если же унести мясо оттуда, то оно портится и покрывается гнилью.

За городом расположена гора Везувий, из которой каждое десятилетие извергался огонь, приносивший с собой множество зловонного пепла. Вергилий противопоставил ему медного человека, держащего взведенную баллисту со стрелой, приставленной к струне. И вот один крестьянин, удивляясь, что баллиста всегда угрожает и никогда не стреляет, отпустил струну. Освободившаяся стрела поразила жерло горы, откуда стало постоянно подниматься пламя, которое и по сию пору не удается обуздать.

За городом расположен остров, который в народе называется Искла, где постоянно извергается огонь и серный дым. Это постепенно разъело камни кладки расположенного поблизости замка и сам утес, на котором этот замок находился, причем так, что от замка не осталось и следа. Доподлинно утверждают, что там расположено жерло ада и место кары. Еще рассказывают, что в том самом месте Эней сходил в преисподнюю. Там в некой черной долине, обезображенной серными испарениями, в девятом часу субботнего дня появляются птицы, которые отдыхают в той долине по воскресеньям, а вечером с великим и горьким плачем исчезают и не появляются снова до тех пор, покуда не наступит вечер субботы. А исчезают они в пылающем озере. Некоторые считают их заблудшими душами или демонами.

Там же расположена гора Барбаро, куда мы попали по подземной дороге, которая идет прямо посреди огромной горы сквозь адскую тьму, словно спускаясь прямо в преисподнюю. В утробе этой горы расположены огромные подземные дворцы и виллы, подобные большим городам, а также подземные кипящие реки, их видели некоторые из наших, прошедшие под землей не менее двух миль. Утверждают, что там хранятся сокровища семи царей, которые охраняют демоны, заключенные в медные статуи, а статуи эти наводят ужас своим видом: одни держат натянутый лук, другие меч, третьи набрасываются на других. Мы видели это и многое другое, но обо всем по отдельности и не припомнить».

Со временем сюжеты и предания накапливались. Другой писатель, родом из Англии, Гервазий Тильсберийский (конец XII — начало XIII в.), составил сочинение «Императорские досуги», призванное развлекать и образовывать власть имущих, в первую очередь своего

покровителя, императора Оттона IV. В числе прочего, а интересы Гервазия были крайне разнообразными, писатель отметил: «Нам известно, что в Кампаньи, городе неаполитанском, Вергилий с помощью математического искусства поставил медную муху, которая, как было проверено на деле, обладала следующим свойством: пока она оставалась на том месте в целости и сохранности, в этот весьма обширный город ни одна муха не залетала». Гервазий, сам побывавший в Неаполе, рассказывает и о других творениях Вергилия: «В Неаполе, городе Кампаньи, есть рынок, в стену которого Вергилий вделал черепок, обладающий таким свойством, что никакое мясо, покуда оно находится на этом рынке, сколь бы старым оно ни было, не издает дурного запаха и не теряет своего вида, а остается прежним на вкус. В том же самом городе стоят врата Господни, смотрящие в сторону Нолы, города, который прежде входил в Кампанью, при входе в них дорога, искусно выложенная камнями. Под этой дорогой Вергилий запечатал всех вредоносных тварей, отсюда, хотя город не мал и покоится на подземных колоннах, ни в пещерах, ни в подземных ходах или садах, расположенных внутри городских строений, никогда не встретишь смертоносных пресмыкающихся. В-третьих, вот что мне удалось испытать на себе, хотя я об этом не ведал: только счастливый случай подарил мне и знание, и подтверждение на деле. Однако если бы мне не довелось самому избежать опасности, я вряд ли бы поверил подобному рассказу. Так вот, в тот год, когда была осаждена Акра, накануне праздника Иоанна Крестителя я находился в Салерно. И вдруг внезапно ко мне приходит радостный хозяин, с которым я связан узами длительного совместного учения и пребывания при дворе моего господина, светлейшего правителя, короля Англии Генриха, деда Вашего, так что оный хозяин стал мне уже не посторонним, это я в нем видел себя со стороны. Столь редкая привязанность наполнила радостью сердце мое, обрадовали также и вести, которые верный посланец принес мне, о преуспевании наших родственников, которым он приходился самой близкой родней — ежели не по крови, то по силе взаимной любви. Он уже собирался отплыть за море, но моими молитвами задержался дольше. Это был Филипп, сын почившего патриция, графа Солсберийского, чья племянница принесла в качестве приданого Солсберийское герцогство Вашему дяде, господин император. Волей-неволей мой друг был вынужден отправиться в город Нолу, где в то время из-за мятежных палермцев и летнего зноя по повелению моего господина, сиятельного короля Сицилии Вильгельма, находилось мое жилище. Что дальше? По прошествии нескольких дней мы решили отправиться в Неаполь, ибо этот путь был, пожалуй, более безопасным и сулил меньшие издержки. Мы прибыли в город, где воспользовались гостеприимством Иоанна Пинателли, неаполитанского архидьякона, мужа выдающихся знаний, добродетели и веры. Это он был моим наставником в каноническом праве, когда я учился в Болонье. Мы были приняты им с радостью, изложили цель своего прибытия, и он, увидев, сколь горячо наше стремление, покуда накрывали на стол, отправился вместе с нами к морю. Не прошло и часа, как в соответствии с краткостью нашего рассказа нашелся корабль, готовый взять нас за подходящую плату, который по настоянию путников был готов поспешить с отплытием. По дороге в дом хозяина речь зашла о том, благодаря чему нам во всех наших желаниях удалось столь быстро добиться успеха. Мы не ведали и удивлялись, какова могла быть истинная причина, и тогда архидьякон спросил: „А через какие ворота вы прибыли в город?" Когда я рассказал, через какие именно, он — человек проницательный и понимающий — добавил: „Выходит, неспроста вам так скоро стала сопутствовать удача. Молю вас, признайтесь мне по правде, а с какого входа вы вошли — с правого или с левого?" Мы ответили: „Когда мы достигли ворот, левый вход оказался ближе к нам, но вдруг появился осел, груженный поленьями, и поэтому нам пришлось свернуть вправо". Архидьякон сказал: „Да будет вам известно, какое чудо в этом городе сотворил Вергилий. Пойдемте к тому месту, и я покажу вам, что этими воротами Вергилий оставил о себе память на земле". Когда мы добрались, он показал нам, что правая сторона ворот украшена головой, сделанной из паросского мрамора, чей оскал вызывает смех, радость и веселье. С левой стороны находится другая голова, вырубленная из того же мрамора, но она совсем не похожа на первую — взгляд у нее гневный и свирепый, словно она оплакивает ожидающиеся потери

и несчастья. Архидьякон сообщил, что эти два противоположных лика — два лика судьбы, смотрящей на входящих, покуда каждый не отклоняется вправо или влево, и сделано это с умыслом, ибо все смертные и находятся во власти рока и случая. Он сказал: „Всякий, кто входит в город справа, во всех своих предприятиях достигает цели и получает поддержку, постоянно преуспевает и процветает, тот же, кто отклоняется влево, всегда терпит неудачу, разочаровывается во всех своих надеждах. Сами видите, поскольку благодаря появлению осла вам пришлось отклониться вправо, то ваше путешествие оказалось скорым и удачным". Мы это рассказали здесь не в подтверждение учения саддукеев, которые говорили, что „все заключено в Боге и мраморе", то есть зависит от рока и случая. Да только все находится в воле Божией, ведь сказано: „Все находится в воле Твоей, Господи, и нет никого, кто мог бы противиться руке Твоей". Об этом мы вспомнили ради математического искусства Вергилия. Поблизости от города Неаполя или прямо напротив расположена гора Девы, на склоне которой, среди ущелья, куда доступ весьма затруднен, Вергилий развел сад, выращивая там множество трав, и в нем можно обнаружить траву луция, от соприкосновения с которой слепые овцы сразу прозревают. Там же находилась медная статуя, державшая во рту трубу, которая, как только южный ветер попадал туда снаружи, тут же изменяла его направление. Послушайте о том, почему перемена сильного южного ветра была столь благоприятна. Поблизости от города Неаполя стоит высокая, примыкающая к морю гора и вклинивающаяся вглубь земли Лабрии. В месяце мае она извергает ужасный дым, который в это время года заодно с горячим пеплом обрушивается на деревья, выжигая их дотла своим жаром. Утверждают, что там находится отдушина, через которую прорывается пар преисподней. Дуновение южного ветра приносило с собой горячий дождь, от которого гибли плоды и посевы, и таким образом плодородная земля становилась бесплодной. Когда у Вергилия спросили, как поступить, он на горе, что расположена напротив, поставил, как мы уже рассказывали, статую с трубою, чтобы при первом дуновении она извлекала из рога звук и воздух, проходя через рог, благодаря силе магического искусства, отражал и гасил напор южного ветра. Однако вышло так, что статуя эта одряхлела от старости и была повалена из-за козней завистников, а потому прежняя напасть стала часто повторяться. На склонах этой самой полыхающей горы растет трава, которую в народе называют „перевернутый боб", высотой с молодой орешник, высокими, как у ореха, листьями, но более заостренными. Ее плоды, подобно бобам, заключены в стручки, с той только разницей, что свисают вниз и обращены к земле, тогда как бобовые стручки тянутся вверх. Эта трава обладает очень забавным свойством: если ее собираешь с молитвой Господу, трижды преклонив колени, то, отведав ее, будешь вести себя так, как вел при ее сборе. И без сомнения, все оно так и окажется на самом деле. Так, если ее собираешь смеясь, то на смех и надейся: попробовав, до самого заката будешь смеяться без перерыва. Если притворишься плачущим — будешь плакать поддельными слезами, словно от великой печали. Если станешь изображать тошноту или рвоту, трава подействует именно таким образом. Я бы не стал этому верить, если бы не испытал на деле. С превеликими трудами я поднялся на пылающую гору и обнаружил эту самую траву в пещере рядом с укрепленным королевским замком, который местные жители называют „Вершина". В округе Неаполя расположен город Путеолли, где Вергилий для пользы жителей и на удивление [потомкам] соорудил купальни, устроенные таким дивным образом, чтобы способствовать излечению всех внутренних и внешних недугов: на каждой раковине он поместил свою надпись, в которой говорилось о том, от какой болезни какую ванну принимать следует. Однако в наше время, когда в Салерно стала процветать наука физиков, салернцы из зависти испортили надписи, опасаясь, что слава о свойствах купален не даст заработать практикующим. Сами купальни по большей части остаются невредимы, излечивая от самых разных заболеваний. С опаской откосятся только к тем, о свойствах которых не сохранилось ни воспоминаний, ни сведений у местных жителей, а поэтому они могут иногда произвести обратный эффект — не излечить недуг, а, скорее наоборот, усугубить. Неподалеку от тех мест расположена гора, которая выдолблена удивительным образом — наподобие грота, причем настолько длинного, что находящиеся в глубине едва ли

могут видеть его края. С помощью математического искусства Вергилий устроил так, что ежели под сенью этой горы один враг замыслил что-нибудь злое против другого, то никакое зло, предательство или обман не помогут ему совершить там убийство».

Факт удивительный и примечательный: средневековый реестр наук весьма отличался от современного. Врачевателей зачисляли по части физиков, а колдовство и астрология оказывались в разряде математики. За Вергилием упрочилась репутация предсказателя (уже в середине XIII века всерьез обсуждался вопрос о том, предсказал ли Вергилий явление Христа). Стали утверждать, что у него были ученики и последователи. Кости Вергилия многим не давали покоя (соответственно, и пытавшиеся их отыскать не могли оставить непотревоженным прах поэта). Гервазий Тильсберийский рассказывает: «Вот чудо, которое произошло в наши времена. В правление Рожера, короля Сицилии, некий магистр, родом из Англии, отправился к королю, попросив у него какой-нибудь подарок. Считалось, что король на просьбу о подарке отвечал: „Проси дар какой пожелаешь, и я дам тебе". Проситель же был весьма образован, сведущ и силен в тривиуме и квадривиуме, в физике искусен, в астрономии превосходен. Поэтому он сказал королю, что просит не преходящего вознаграждения, а то, чему люди не стали бы придавать значения, то есть кости Вергилия, какие только смогут обнаружить внутри границ его королевства. Король согласился, и тогда магистр, получив королевскую грамоту, отправился в Неаполь, где Вергилий явил многочисленные примеры своих талантов к наукам. Увидев грамоту, народ охотно повиновался ей, ибо считалось, что подобное предприятие неосуществимо. Однако магистр, употребив свое искусство, обнаружил кости в гробнице внутри некой горы, хотя ничто не свидетельствовало о том, чтобы в этой горе что-либо вырубали. В этом месте стали копать и, приложив большие усилия, откопали гробницу, в которой невредимым покоилось тело, а в изголовье лежала книга, где было описано выдающееся искусство вместе с другими свидетельствами его штудии. Прах и кости были извлечены, и магистр достал книгу. Присутствовавший при этом неаполитанский люд, испытывавший особое почтение к Вергилию, стал опасаться, как бы из-за извлечения костей городу не был причинен невосполнимый ущерб. Народ предпочел скорее ослушаться королевского приказа, чем подвергнуть город опасности. Ведь считалось, что Вергилий потому и повелел устроить себе тайное погребение внутри горы, чтобы извлечение костей не привело к уничтожению его творений. Тогда начальник гарнизона и толпа горожан собрали кости, поместили их в кожаный мешок и доставили в Морской замок, находящийся поблизости от этого города, где, накрыв железной решеткой, стали показывать их всем желающим. Когда магистра спросили, что он собирался сделать с костями, он ответил, что с помощью его заклинаний кости смогут раскрыть все содержание искусства Вергилия, так что будет достаточно, если ему предоставят кости на сорок дней. Похитив только книгу, магистр исчез. Благодаря достопочтенному Иоанну Неаполитанскому, который был кардиналом во времена Папы Александра, мы познакомились с выписками из этой книги и на деле смогли проверить подлинность оных».

Магическая книга, хранившаяся в тайнике, весьма волновала умы средневековых мужей. Так, в одной из рукописей XIV века рассказывается: «Во времена короля Фернандо в Толедо один иудей, разрубая скалу, чтобы расширить свой виноградник, обнаружил внутри скалы полость, до которой иначе, кроме как разрубив камень, невозможно было добраться, и в этой полости лежала книга с деревянными листами. Эта книга была написана на трех языках, а именно: на еврейском, греческом и латыни. Размером она была с Псалтырь, и в ней говорилось о троичности мира: от Адама и до Антихриста, причем говорилось о свойствах человека в каждом из миров. Начало третьего мира приходилось на Христа, то есть во времена третьего мира Сын Божий родится от Девы Марии и претерпит во спасение мира. Прочитав, иудей вместе со своими домашними принял крещение. А еще в той книге было написано, что она должна быть найдена во времена короля Фернандо». О другой книге, приписываемой святому Катальду, рассказывалось: «Еще в те времена, когда процветала фортуна Фердинанда, первого короля Арагонского, город Неаполь и королевство не

испытывали на себе сегодняшних тягот войны, святой муж Катальд, который тысячу лет назад был первосвященником Тарента и которого жители Тарента почитают и поныне как своего покровителя, бурной ночью несколько раз явился во сне какому-то священнику, только рукоположенному и воспитанному в священнической среде. Он предупредил, чтобы тот постарался как можно скорее откопать и доставить королю написанную им книгу, которую он еще при жизни спрятал в потайном месте, а в книге этой были изложены вещи сокровенные. Священник не придал этому значения, ибо, почивая, часто видел сны. Но вот, когда в предрассветную пору он находился один в храме, сам Катальд, каким был прежде, когда служил при жизни — в первосвященнических одеждах и облеченный знаком святости, — появился перед этим самым священником ео время ночного бдения и наказал ему, чтобы на следующий день он не мешкая откопал написанную им, Катальдом, книгу, которая спрятана в тайном месте, указанном ему во сне, и без промедления отнес ее королю, а если не сделает, то на него обрушится великая кара. На следующий день во главе торжественной процессии священник вместе с народом отправился к тайнику, где с давних пор была спрятана книга, и обнаружил ее там, запечатанную в свинцовые таблички, запертые на ключ. Доподлинно известно, что в ней было предсказано о гибели королевства, горестях, тяготах, печальных временах и надвигающихся бедах, которые произошли вслед за тем».

В XIII веке доминиканец Винсент из Бовэ в своей энциклопедии записал Вергилия по части алхимиков. Вергилий изобрел Восса della Verita — «Лик правды» (что собой представляло это сооружение на самом деле, остается неизвестным). Предание это появилось в Германии в XIV веке, но жители столичных городов России могут познакомиться с электронной версией Восса della Verita на каждой второй станции метро — это и есть тот самый предсказатель судьбы, в чью пасть следует засовывать руку. В эпоху Вергилия это устройство должно было сообщать, говорит ли женщина правду. Примечательно, что древний детектор лжи имел тендерную спецификацию и предназначался для выявления неверных жен. Вергилию вообще не везло с женщинами (из его поэзии мы знаем, что он не обращал на них особенного внимания). Хотя в литературе поэт и наделялся могуществом волшебника, однако не избежал посрамления от женщины, подвесившей его в корзине между землей и окном спальни. Впервые эта история была описана на страницах одного манускрипта XIII века и за вычетом обильных описок выглядит так: «Среди деяний римлян рассказывается о выдающихся чудесах, совершенных Вергилием, обладавшим всеобъемлющими знаниями в магических искусствах. Он служил Нерону, который в то время был императором города Рима. И вот, проникшись плотской и сердечной любовью к дочери Нерона, прекрасной обликом обладательнице сиятельного титула, он лишь страстностью, без всякого колдовства добился своего: она указала подходящее время и место, где магистр смог бы надлежащим образом осуществить свое стремление. Когда он, распаленный лихорадкой желания, ночью пробрался к жилищу девы, вышло так, что девица, хитрая и злобная, как это водится среди женщин, поместила достопочтенного магистра, расставшегося со всей своей одеждой, в корзину и продержала его подвешенным на полпути — посередине башни — вплоть до самого восхода солнца. Притом он оказался подвешенным столь искусно, что не мог ни подняться, ни спуститься, не рискуя разбиться насмерть. Молва об этом событии разнеслась среди жителей города Рима и достигла ушей самого императора. Он, разгневавшись на столь неподобающий поступок, принял судейское решение о том, что злодеяние, совершенное при подобных обстоятельствах, по существовавшему в те времена в империи обычаю должно караться смертью. Но поскольку Вергилий обвинялся во многих и самых что ни на есть преступных деяниях, он удостоился милости императора — избрать тот способ исполнения смертного приговора, который ему больше всего по душе. Он, притворившись, что ищет легкой смерти, приказал лишить себя жизни в купальне с горячей водой, и вот, оказавшись, согласно своему выбору, в купальне, с помощью магического искусства перенес себя в Неаполь. Избавившись от угрозы со стороны императора, Вергилий наслал на город Рим полную тьму — потушил все огни, да так, что огонь можно было извлечь только из интимных мест Нероновой девицы. А по-другому никто

и никак в городе Риме не мог зажечь огня. Осознав надвигающуюся опасность, [император] приказал подвергнуть скромность девы всеобщему поруганию и, руководствуясь заботой об общественном благе, созвал народ, чтобы объявить всем: каждый, кто приблизится к дочери императора, получит огонь из ее интимных мест. Так с помощью волшебства огонь был добыт оттуда надлежащим образом». Не совсем очевидно, насколько переписчик был сам сведущ в том, о чем писал, поскольку в поздних версиях легенды огонь опалял каждого, кто смел приблизиться к даме, отвергшей Вергилия. Предание это производило на мужчин впечатление: Вергилий в корзине — один из излюбленных сюжетов книжной иллюстрации (кроме душеспасительных картинок, с ним может конкурировать разве что Александр Македонский, поднимающийся на грифах за облака). Оно и понятно, ибо большинство иллюстраторов были мужчины. «Подвешенный» Вергилий оставил заметный след в европейской литературе, породив многочисленные моралистические произведения, раскрывающие истинное коварство женщин. Цикл сюжетов о Вергилии сложился в единое повествование в самом начале XV века, а уже в первой четверти XVI столетия появились французская, голландская и английская версии романа (две последние — наиболее полные). Именно английскую версию мы и предлагаем вниманию читателей.

Призывание дьявола всегда считалось делом небезопасным. Современник Гервазия Тильсберийского и Конрада Кверфуртского, монах-цистерианец Цезарий Гейстербахский собрал в своей книге «Диалоги о чудесах» немало историй о том, как демоны являлись людям: «Жил один рыцарь по имени Генрих, родом он был из замка Фалькенштейн… и поскольку этот рыцарь сомневался в существовании демонов и считал вздором все, что ему о них рассказывали, он пригласил к себе клирика по имени Филипп, знаменитого некроманта, и стал просить показать ему демонов. Тот ответил, что видеть демонов опасно и ужасно, поэтому на них не следует смотреть всякому. Но когда рыцарь стал настаивать, он сказал: „Если ты гарантируешь мне защиту от своих друзей и родственников на тот случай, если будешь схвачен, напуган или покалечен демонами, я удовлетворю твое любопытство". И тот гарантировал ему защиту. И вот в полдень, ибо в это время полуденные демоны обладают большей силой, Филипп отвел рыцаря на распутье двух дорог, начертил мечом круг вокруг него, объяснил тому, кто находился внутри, какими свойствами круг обладает, и сказал: „Если до моего возвращения ты выступишь за пределы круга, то умрешь, ибо будешь тут же вытащен наружу демонами и погибнешь". А еще предупредил, чтобы тот в ответ на просьбы демонов ничего им не давал, и ничего не обещал, и ничем себя не связывал. И добавил: „Демоны станут стращать и соблазнять тебя разными способами, однако они не смогут тебя убить, если ты будешь соблюдать все, что я тебе приказал". С этим и ушел. Рыцарь, сидя в одиночестве внутри круга, вдруг увидел, как на него надвигаются водяные потоки, потом услышал хрюканье свиней, порывы ветра — этими и многими другими наваждениями демоны пытались его испугать. Мало добившись в первый раз, они решили напасть сами. Внезапно в чаще, что была неподалеку, появилось нечто наподобие тени в четыре человеческих роста, возвышавшейся над верхушками деревьев, и рыцарь сразу понял, что это — дьявол. Так оно и было. Дотронувшись до круга, дьявол стал на месте и спросил, чего рыцарь хочет. А был он словно огромный муж, настолько большой и черный, облаченный в черные одежды и столь уродливый, что рыцарь оказался не в силах на него смотреть и сказал: „Хорошо сделал, что пришел, ибо я хотел на тебя поглядеть". А тот: „Зачем?" И он ему: „Много про тебя слышал". Дьявол ответил: „А что ты про меня слышал", — и рыцарь сказал: „Хорошего мало, но много плохого". На это дьявол: „Люди часто судят и проклинают меня без причины. Я никого не убиваю и никому не причиняю вреда, если мне не бросают вызов. Твой магистр Филипп мне — добрый друг, а я — ему: спроси, причинил ли я ему какое зло. Я совершаю то, что ему хочется, и он мне угождает во всем. Призванный им, я пришел сюда к тебе". А ему рыцарь: „Где ты был, когда он тебя позвал?" Демон ответил: „В той части моря, которая находится от этого места на таком же расстоянии, что и от берега. Будет справедливо, если ты как-нибудь вознаградишь меня за мои труды". Рыцарь ему: „Чего хочешь?" Тот ответил: „Хочу попросить тебя отдать мне свой плащ". А рыцарь: „Тебе

не дам". Тогда он попросил перевязь, затем одну овцу из стада. Рыцарь во всем отказывал, и тогда он попросил петуха. Рыцарь спросил: „А зачем тебе мой петух?" Демон ответил: „Чтобы пел мне". — „А как ты его возьмешь?" — „Не заботься об этом, просто дай его мне". И тогда рыцарь: „Ничего я не дам тебе, дьявол, — и добавил: — Скажи мне, откуда ты обо всем знаешь?" Демон ответил: „В мире не совершается такого зла, которое бы от меня укрылось. Могу это доказать. Так, в таком-то доме в таком-то поместье ты расстался со своею невинностью, а там-то и там-то совершал грехи такие-то и такие-то". А рыцарю нечего было возразить, ибо все, что рассказал дьявол, оказалось правдой… Дьявол попросил еще что-то, а он дать отказался и тогда дьявол захотел схватить его и похитить и протянул к нему свои руки, перепугав настолько, что рыцарь упал навзничь и закричал. На этот крик прибежал Филипп при появлении которого призрак тут же скрылся. С этого часа рыцарь все время оставался бледным — к нему так и не возвратился природный цвет кожи, жил исправно и верил в демонов. Да вот скончался совсем недавно. В ту же самую пору один глупый священник заплатил Филиппу за то, чтобы он исполнил его просьбу и показал ему демонов. Он был помещен в круг описанным выше образом и предупрежден, однако испугался, заступил за пределы круга и был сокрушен дьяволом прежде, чем появился Филипп. Умер он три дня спустя, а его имение конфисковал Валерами, граф Лютцелинбург. Я же видел этого самого магистра Филиппа, который, как говорят, погиб от происков наставника и друга своего, дьявола».

Будь то заключивший сделку с демонами император или магистр, показывавший дьявола (за плату!), конец истории всегда печален. Пожалуй, благополучно разорвать договор с дьяволом удалось только изобретателю очков, знаменитому философу и ученому Роджеру Бэкону, который пообещал Повелителю Тьмы свою душу как вне церкви, так и внутри нее. Под старость хитроумный монах приказал построить себе келью в церковной стене — там же и был похоронен. У дьявола не было оснований претендовать на душу Бэкона, ведь тот оказался и не внутри, и не снаружи…

Роджер Бэкон (1214 — 1292) родился в Англии, затем отправился в Париж, посвятив себя разнообразным наукам. Деятельность исторического Бэкона была крайне разносторонней: он изучал оптику и математику, языки и философию, вопросы старения и медицины, даже алхимию (которая, впрочем, в ту пору не была осуждена Церковью). Роджер Бэкон составил обширный комментарий к книге «Тайная тайных» — трактату, который приписывали Аристотелю. Первоначально это была небольшая книга «обо всем сразу» (правильном питании, военном деле, камнях обыкновенных и философском, травах, физиогномике и хиромантии, искусстве разбираться в людях). Но постепенно — и Роджер Бэкон сыграл в этом немалую роль — «Тайную тайных» стали считать сводом зашифрованного учения, в каждом из аспектов которого необходимо подробно разбираться. В общем, если бы не «Тайная тайных» с ее философским камнем, горевать нам сегодня без первой серии «Гарри Поттера». Роджер Бэкон был, пожалуй, одним из передовых ученых своего времени. Иного прославили бы одни очки, но ему удалось сделать куда больше. Бэкон придумал метод: наблюдать и делать последовательные выводы, выстраивая их в цепочку, — дедукцию, о которой нам лучше всего известно из рассуждений Шерлока Холмса. Наиболее практическое приложение этого метода читатель при желании может обнаружить в «Имени Розы» Умберто Эко: его главный герой, Вильгельм Баскервильский, — преданный последователь ученого монаха. Само собой, изыскания по части алхимии и геронтологии не могли вызвать особой радости в среде церковных авторитетов, поэтому высшее начальство в конце концов осведомилось у Бэкона, чем же он все-таки там занимается. Ответом стали три тома — «Великий труд», «Малый труд» и «Третий труд». Не случайно в Книге, представляемой ныне вниманию читателя, Бэкон под конец жизни становится анахоретом и принимается за изучение богословия. Большинство колдовских изобретений, которые впоследствии стали приписывать Роджеру Бэкону, были известны еще раньше — их авторами считали то Вергилия, то Папу Сильвестра II — ученого монаха Герберта, изобретателя диковинных гидравлических устройств. По преданию, Герберт заключил

договор с дьяволом и с его помощью смог добиться папской тиары, а еще он учился чернокнижию и даже создал — первым из литературных персонажей — говорящую голову, предсказывавшую будущее. Впрочем, дьяволу все же удалось обмануть Папу, заключившего с ним договор.

«Знаменитая история монаха Бэкона» появилась почти одновременно с немецкой народной книгой «История о докторе Иоганне Фаусте»; не исключено, что англичане, прознав о том, как много говорят на континенте о немецком чернокнижнике, решили не отставать и прославить своего, доморощенного. В середине XVII века великий скептик и врач сэр Томас Браун поместил в свою книгу «О всеобщих заблуждениях», разоблачавшую сплетни, предубеждения и суеверия, распространявшиеся среди людей, словно эпидемия или поветрие, замечание следующего характера: «В каждом ухе звучит эхо истории монаха Бэкона, который сотворил медную голову, произносившую слова: „Настало время". И хотя здесь не затрагиваются подобные инциденты, в данном случае история истолкована слишком буквально, хотя на самом деле была не чем иным, как мистическим преданием о великом делании философа, которым он в действительности был занят. А медная голова не означает ничего иного, как сосуд, в котором оно совершалось, а слова, которые голова произносила, не что иное, как возможность следить за *Часом зарождения,* или рождением мистического сына, Философского Царя Луллия [1]: восхождением *Лиственной Земли* Арнольда [2], когда земля оплодотворяется водой настолько, что становится белой и излучает сияние. И если этого не соблюдать, то все делание окажется напрасным, так пишет Петр Добрый [3]: *„Здесь заключены совершенство и всего труда, ибо в этот день, в тот самый час появляются элементы в первозданной чистоте, которые тут же нуждаются в соединении — прежде чем улетят от огня".* Читателю остается поверить на слово: сэр Томас Браун был одним из самых скептических и трезвых умов своего времени, а изложенная выше абракадабра — не что иное, как типичный пример истолкования в качестве алхимического рецепта всего, чего угодно. Роджер Бэкон пострадал от того, что проповедовал сам: искать в каждой фразе ученого труда скрытый, космологический смысл.

История брата Раша, сохранившаяся благодаря сравнительно позднему изданию, вышедшему в 1620 году (к XIX веку в Англии осталось всего два экземпляра этой книги), уже в начале XVI века была популярна в Германии, где о ее герое складывали поэмы и баллады. Как и многие другие народные книги, история брата Раша появилась в Дании, и можно сказать, что известное замечание из диалога Гамлета и могильщиков о «датской почве» помимо прямого имело для первых зрителей и читателей еще и переносный смысл. Веселое, забавное, необычное приходило на Британские острова именно с «датской почвы», и бедный шут Йорик тут как нельзя кстати. Епископ Генрих Понтопидан, описавший легендарное морское чудище — кракена, упоминал в одной из своих книг, что ему довелось собственными глазами видеть изображение прославленного брата Раша в монастыре в Эссеруме. Под этим изображением даже красовалась эпитафия, нерифмованная часть которой была написана на «возвышенной» латыни, а рифмованная и смешная — на более прозаическом языке, датском. Оказавшись на английской земле, брат Раш обнаружил себя в приятной компании и, по наблюдению ученых — собирателей фольклора, за несколько десятилетий приобрел немало черт местного и национального героя — Робина Доброго Малого, о котором в Англии и по сей день слагают легенды. Образ Раша, несомненно, сложился в обстановке не слишком благожелательного отношения к монашеской братии в

---

[1] [1] Раймонд Луллий (1235 — 1315) — монах-францисканец и современник Роджера Бэкона.

[2] [2] Арнольд из Виллановы (1235 — 1311).

[3] [3] Петр добрый из Феррары — под этим именем Джованни Лацини в 1546 г. в Венеции опубликовал книгу «Pretiosa margarita novella thesauro, ac pretiosissimo philosophorum lapide».

северных странах Европы. Обжоры, пьяницы, мздоимцы и скупердяи — «воспевать» подобным образом нравы монахов не переставали на протяжении многих веков. Нет ничего удивительного, что демон в этой компании чувствовал себя как в своей тарелке.

Несмотря на суеверный страх перед силами зла, демонов не всегда изображали в черном свете. Как раз в северных странах было распространено представление о том, что демоны, притворившиеся людьми, иногда ведут себя вполне благопристойно. Так, Гиральд Уэльский в начале XIII века поведал одну забавную историю, которую он узнал во время путешествия по Уэльсу: «При дворе архиепископа появился один никому не известный клирик, которого взяли в услужение, ибо он был исправным и усердным, очень хорошо знал и помнил содержание книг и ход истории, и вскоре добился невероятного к себе расположения. Однажды, когда он рассказывал архиепископу о событиях древних и неизвестных, а тот охотно и часто слушал его рассказы, случилось так, что он заговорил о Рождестве Христовом и среди прочего добавил: „До того как Христос явился во плоти, демоны имели большую власть над людьми, но с приходам Его их власть преуменьшилась, так что они повсюду бежали и скрывались от Его Лика, одни бросились в море и укрылись там, другие — в дупла деревьев и каменные расщелины, а я прыгнул в какой-то источник". Сказав это, он раскраснелся, встал со своего места и тут же вышел. Архиепископ и те, кто находился при нем, были изумлены, стали обсуждать друг с другом его слова и гадать, что же это значит. Все думали, что он тут же вернется, но прошло какое-то время, и архиепископ послал одного из своих приближенных за ним, его искали и звали повсюду, но он больше не появлялся. Вскоре после этого возвратились двое клириков, которых архиепископ отправил в Рим. Когда архиепископ и его приближенные рассказали им о случившемся, они спросили о дне и часе, в котором это произошло. И, получив ответ, рассказали, что именно в этот день и час, исчезнув внезапно, он словно из-под земли появился перед ними в Альпах и сказал, что отправлен в Римскую курию с поручением от господина. После этого стало понятно, что это был демон, обманом принявший человеческий облик».

Живший в XIII веке хронист Альберик из монастыря Трех Источников поведал такую историю о Беренгарии Турском, происшедшую в 1050 году. «Случилось так, что попечению этого клирика был вверен мальчик благородного происхождения, который принялся в отсутствие наставника читать книги по некромантии и был убит дьяволом. Беренгарий вынудил демона проникнуть в тело мертвого мальчика, и какое-то время он разгуливал в нем тут и там и даже пел и стоял на хорах вместе с другими — до тех пор, покуда другой некромант не раскрыл обман, а именно обнаружил, что мальчик-то умер. И тогда Беренгарий, приговоренный к смерти, бежал в церковь Справедливого Судии, совершил там покаяние, со слезами снял чары и тем спасся». Предания о демонах, которые подшучивали над людьми, дошли еще от Раннего Средневековья. Автор «Золотой легенды» (самого известного собрания житий святых) Яков Ворагинский рассказывает следующую историю о святом Германе: «Он гостевал в одном месте и вдруг увидел, что после трапезы снова накрывают на стол. Удивившись, он спросил, для кого это накрывают вновь. Ему сообщили, что готовятся встретить добрых женщин, которые странствуют по ночам. Святой Герман не сомкнул глаз этой ночью, и вдруг он увидел множество демонов, собравшихся к столу в облике мужчин и женщин. Он приказал им не трогаться с места и, разбудив всю семью, опросил каждого, знают ли они пришедших. Те ответили, что всё до одного — это их соседи и соседки. Тогда он послал к дому каждого, повелев демонам не трогаться с места, и оказалось, что все ‹соседи› спят в своих кроватях. Под клятвой ‹стоящие› признали себя демонами, которые подобным образом подшучивали над людьми». В конце концов, и проделки брата Раша стали считать вполне безобидными, а истории о нем попали на страницы сказок братьев Гримм.

Завершает книгу история о Роберте Дьяволе, персонаже совершенно иного сословия. Он сын герцога и герцогини, своим рождением обязанный дьяволу. В посвящении ребенка дьяволу нет ничего необычного: если нельзя было договориться с Богом, то пускались во все тяжкие, хотя явление это было не слишком распространенным. В Ирландии сохранилось

предание о трех сыновьях Коналла Рыжего и его жены Кэрдэрг (предание это известно по поздней рукописи XIV века). «Поистине у них не было нужды ни в чем, вот только детей они не нажили, и не то чтобы дети вовсе не рождались у них, но не оставались с ними и умирали сразу после рождения. Как-то ночью, лежа в постели, властитель сказал своей жене: „Жаль, что у нас нет сына, который мог бы стать наследником моих владений после нашей смерти". — „Как же ты собираешься поступить?" — сказала жена. „Вот что я собираюсь сделать, — ответил властитель, — заключить сделку с дьяволом, чтобы он подарил нам сына или дочь в качестве наследника, чтобы владеть этими местами после нас". — „Да будет так“, — ответила жена. Затем они скрепили это с дьяволом, и женщина понесла ребенка и ходила беременной до самого девятого месяца. Тут у женщины начались великие боли и сильные родовые схватки, и она родила сразу троих сыновей, а именно одного сына с приходом ночи, второго — в полночь, а третьего — в предрассветную пору. Они были окрещены по языческому обычаю, и дали им имена — Лохан, Эннэ и Сильвестр. Потом их вскормили и заботились о них прилежно до тех пор, покуда не стали они быстрыми и сильными как на море, так и на суше, да настолько, что всех своих сверстников они опережали в любой игре и в любом занятии, так что те, кто слышал о них или видел их в те времена, широко разевали рот и не переставали удивляться. Как-то раз они расположились, прислонившись к изголовью кровати в доме их матери и отца, соревнуясь в меткости и дальности, и тут люди в доме сказали, что в этих миловидных прославленных сыновьях нет никакого изъяна или недостатка, за исключением того, что они окрещены быть собственностью дьявола. А сыновья говорят: „Раз уж дьявол нам король и повелитель, то для нас очень тяжело не грабить и не преследовать его недругов, то есть не убивать клириков и не разрушать и жечь их церкви". По прошествии времени сыновья Коналла раскаялись, восстановили все, что разрушили, и отправились в далекое плавание — искупать свои грехи. Собственно, раскаянием и искуплением завершается и история Роберта Дьявола.

Роль дьявола в процессе деторождения нередко оказывалась весьма положительной. Роджер Ховенден рассказывает следующую примечательную историю: «Случилось так, что одна беременная девушка носила ребенка в своей утробе, уже пришло время рожать, и она бежала из дома своего отца, не желая, чтобы узнали о ее проступке. Отправившись в бега, она попала в сильную бурю прямо посреди чистого поля, лил дождь и хлестал ветер. И тогда она попросила у Господа помощи и убежища, но поскольку ее молитва не была тут же услышана Господом, она впала в отчаяние и произнесла: „Если Ты, Господь, отвергаешь мою мольбу, дьявол поможет мне!" И тут же перед ней появился дьявол в образе босоногого перепоясанного юноши, который сказал: „Следуй за мной". Они пошли и добрались до овчарни, стоявшей посреди поля. Дьявол отправился вперед, развел в овчарне огонь и устроил лежанку из свежей соломы, девушка последовала за ним и согрелась у огня. Тут она произнесла: „Меня мучат голод и жажда". Дьявол ответил: „Потерпи немного, я принесу тебе хлеба и питья". И пока он ходил, двое мужиков, шедшие дорогой поблизости, увидели в овчарне огонь и, удивляясь, кто бы там мог быть, зашли внутрь и обнаружили беременную, лежавшую возле огня. Они спросили, кто развел огонь, и она ответила: „Дьявол". — „А где он сейчас?" — „Я мучалась от голода и жажды, и он пошел добыть для меня еду и питье". — „Уповай на Господа Иисуса Христа, на Славную Деву Марию, Мать Его, и они избавят тебя от рук недруга". Сказав так, они отправились в деревню, что была расположена неподалеку, и рассказали людям и клиру о том, что видели и слышали по дороге. Между тем возвратился дьявол, который принес хлеб и питье, чтобы поддержать девушку, и она, натужившись, родила сына, которого дьявол воспринял, словно повивальная бабка, и согрел у огня. И тут в овчарне появились священник, вооруженный католической верой, крестом и святой водой, а также народ и клир из близлежащей деревни, обнаружили новорожденного, которого дьявол держал на своих руках. Тогда священник стал брызгать святой водой во имя Святой Троицы, а дьявол этого вынести не смог и бежал, забрав с собою дитятю: больше его и не видели. Девушка же, придя в себя, сказала: „Теперь я точно знаю, что Господь избавил меня от рук недруга"». С точки зрения читателя, дьявол в этой истории показывает себя с положительной

стороны, а вот священник и деревенские жители выступают как деструктивное начало: зачем было суету поднимать?

Считается, что историческим прототипом литературного героя был Роберт II Дьявол, герцог Нормандский (его матерью была герцогиня Бургундская), отец Вильгельма Завоевателя. В Нормандии сохранился лес, где Роберт II совершил немало дел, не слишком угодных Богу, а в трех милях от Руана показывали развалины его замка. Однако по стилю поведения Роберт Дьявол весьма напоминает и одного из сыновей Вильгельма I, и Роберта, короля Сицилии. Всех Робертов сближало имя и норманнское происхождение. «Книга о Роберте Дьяволе» была напечатана в типографии Винкина де Ворде, непосредственного преемника Уильяма Какстона, унаследовавшего от своего учителя книгоиздательское дело. История Роберта Дьявола оказалась настолько популярной, что с книги Винкина де Ворде неоднократно снимались рукописные копии. В мировой литературе Роберту Дьяволу пришлось еще раз сыграть видную роль: персонажи Дюма («Граф Монте-Кристо») оказываются в театре, когда там дают «Роберта Дьявола» — оперу, написанную в 1831 году Джакомо Мейербером по мотивам народной книги, предлагаемой вниманию читателей.

Я. Горелов

КНИГА О ЖИЗНИ ВЕРГИЛИЯ, О ЕГО СМЕРТИ и о многих чудесах, которые он совершил благодаря колдовству и некромантии при помощи дьяволов преисподней

Напечатано в городе Антверпене мною, Джоном Доусборком, жителем того же порта

Пролог

Благоразумие требует рассказать о делах, совершенных Вергилием в городе Риме и в других местах.

Рим во все времена был городом прославленным и великим, а жители его всегда пользовались уважением. Однако Ромул, первый император, из зависти и ненависти убил единокровного брата, несмотря на то что Рем передал и сам город, и окружающие его земли ему во владение. Правда, при этом он забрал с собой в Кампанью все сокровища и там на берегах реки Велен основал богатый город, который окружил высокими крепостными стенами, украсив их каменными изваяниями. Улицы того города всегда оставались чистыми, ибо под ним были устроены специальные канавы, по которым нечистоты стекали в реку Велен. Было время, когда этот город слыл самым прекрасным в мире и к собственному его имени все прибавляли имя Рема.

О том, как Ромул пришел в прекрасный город Рейн, разрушил его и убил своего брата Рема, бывшего правителем Рейна

Ромул, услышав о городе, основанном его братом Ремом, задумался и огорчился. Стены нового города, говорили люди, так высоки, что лучник, стоя на краю окружающего город рва, не сможет послать стрелу через стену. Римские же стены были совсем низкие, так что перепрыгнуть можно, а рвов не было и в помине.

Случилось так, что Рем приехал в Рим навестить своего брата Ромула, взяв с собой свиту, которая подобала его происхождению и положению, а жену с маленьким сыном, тоже Ремом, оставив дома, в Рейне, что в Кампаньи. Когда Рем увидел крепостные стены Рима, то трижды во всеуслышанье повторил, что они слишком низкие, более того, сказал даже, что если разбежится как следует, то сможет через стену перескочить. Раззадоренный

собственными словами, он и впрямь разбежался да и перескочил через стену. Ромул, услышав о поступке брата, рассердился и сказал, что за свой прыжок поплатится он головой.

И вот, как только Рем вошел во дворец, Ромул напал на него и так сильно ударил по голове, что тот упал замертво. Тут же собрал Ромул большое войско и повел его в поход на Кампанью. Там вошел он в город Рейн и сровнял с землей стены, башни, дворец и многие другие постройки, так что камня на камне не осталось. Однако невестку свою, жену Рема, так и не нашел: она, заслышав о его приближении, скрылась из города подземным ходом и отправилась к своим друзьям и родственникам, ибо принадлежала к одной из самых знатных семей, что жили в те времена.

Ромул же, разрушив город Рейн, вернулся с добычей в Рим, где его встречали с почестями.

О том, как сын Рема, также названный Ремом, убил своего дядю Ромула, был провозглашен императором и правил

Жена Рема, узнав о гибели мужа своего и о разрушении прекрасного города Рейна своим деверем, сильно печалилась и горевала. Приказала она строителям и прочим городским ремесленникам отстроить город заново и вновь окружить его стенами, и стал город еще сильнее и прекраснее, чем раньше. Благородная дама ничего не жалела для своего сына, и стал он скоро большим и достаточно сильным, чтобы носить оружие. Тогда молвила ему мать:

— Сын мой, когда же собираешься ты отомстить за смерть отца, погибшего от руки твоего Дяди?

Отвечал ей юноша:

— В течение ближайших трех месяцев. Повелел он своим родичам созывать людей, и когда все собрались, то отправились в поход. Подошел он с войском к Риму и вошел прямо в город, а оказавшись в его стенах, приказал своим воинам, чтобы ни один из них не смел горожан и пальцем трогать. После этого направился он к императорскому дворцу. Император, узнав о его приходе, собрал сенаторов и стал с ними совещаться. Все сенаторы в один голос молвили, что нет у него выхода, кроме смерти, потому как, раз он убил отца Рема, тот должен убить его. И тут прямо в зал совета вошел Рем, и никто слова поперек молвить не посмел. Увидев перед собой Дядю в императорской тоге, рассвирепел он, выхватил меч да и отсек обидчику голову.

Когда с этим было покончено, обратился он к сенаторам и благородным мужам Рима и спросил, хотят ли они войны.

— Нет, — ответили те, отдали ему всю империю и короновали его как законного наследника.

Став императором, послал он за своей матерью, и та приехала к нему.

И был тогда Рим окружен крепкими стенами и глубокими рвами, и стал прославлен среди людей, так что разные племена к нему приходили и строили там свои жилища. Рем, правитель его, был крепок телом, умен, богат и имел в своем подчинении много земель.

И был у Рема один рыцарь, который отличался в бою смелостью и выносливостью невиданной, и женился он на дочери первого сенатора Рима, девице самого что ни на есть благородного происхождения. Но Рем недолго после этого правил, а когда он умер, сын его стал наследником и правителем Рима. А рыцарь из Кампаньи, тот самый, что женился на сенаторской дочери, с ним поссорился и стал воевать и причинил ему много вреда. Был у этого рыцаря и его супруги один сын, которого благородная дама с большим трудом произвела на свет, и назвали его Вергилий, или Вигило, по той причине, что не одну ночь ждали его появления.

О том, как Вергилий пошел в школу

Когда Вергилий родился, земля в городе Риме тряслась и содрогалась. Ребенком он был умным, но слабым, и потому отдали его учиться. Вскоре после этого отец Вергилия умер, а мать не стала снова выходить замуж, так как слишком сильно любила своего господина и повелителя. Вскоре после смерти мужа родственники отказались выдать ей наследство, а состояло оно из многих земель в Риме и за его пределами, в том числе и одного замка, который был прекраснее всех построек в городе и окрест и так хорошо укреплен, что ни одному человеку и не снилось. Тогда пожаловалась она императору, который приходился ее покойному мужу родичем. Но он не стал ее слушать, ибо был гневлив, за что его не любили как благородные люди, так и простолюдины. Вскоре после этого император скончался, а наследником всех земель стал его сын Персид, который и правил империей по своему усмотрению. И забрал он над римлянами такую власть и в такой держал их узде, что все его боялись.

Тем временем Вергилий продолжал прилежно учиться в школе в Толедо, ибо обладал он большим умом. Как-то раз школярам позволили пойти погулять в поля. Был среди них и Вергилий, который тоже гулял по холмам. И вот узрел он в одном из холмов пещеру, вошел в нее и забрался так далеко, что перестал видеть дневной свет. Сделал он еще несколько шагов, увидел какой-то свет впереди и прямо на него и пошел. Немного погодя услышал он голос, который звал его:

— Вергилий, Вергилий!

Огляделся он, но никого не увидел. Тогда мальчик спросил:

— Кто зовет меня?

Снова раздался голос, и снова он никого не увидел.

— Вергилий, — произнес между тем голос, — видишь ли ты дощечку с надписью, что лежит подле тебя?

Вергилий ответил:

— Прекрасно вижу. Тогда голос попросил:

— Подними ее и выпусти меня отсюда.

Но Вергилий, поняв, что голос идет из-под дощечки, задал ему вопрос:

— А кто ты такой? И был ему ответ:

— Я — демон, изгнанный из тела одного человека и заточенный здесь до Страшного суда или до тех пор, пока рука человеческая не освободит меня. Молю тебя, Вергилий, избавь меня от этой тяжкой муки, а в награду я покажу тебе тайные книги по некромантии и научу, как овладеть этой наукой, так что на свете не будет никого, кто смог бы превзойти тебя в ней. Более того, я научу тебя, как получить все, чего ни пожелаешь, и как помогать друзьям и наказывать врагов; думается мне, что в награду за услугу, о которой я тебя прошу это плата более чем щедрая.

Вергилий соблазнился обещаниями и потребовал у врага рода человеческого книги, которые он хотел получить в полное свое распоряжение, чтобы изучать на досуге. Бес отдал их ему. Тогда Вергилий наклонился, взялся за дощечку и потянул ее на себя. Она отделилась от земли, и взгляду мальчика открылась крохотная норка, из которой выскользнул демон и встал перед ним в образе высокого мужчины. Вергилий подивился как это такой большой человек мог скрываться в столь крохотном пространстве, и спросил:

— Неужели ты весь умещался в этой норе?

— Да, целиком, — отвечал демон.

— Спорю на самое дорогое, что у меня есть, второй раз тебе там не уместиться, — заявил мальчик.

— Что ж, — сказал демон, — гляди! — И, сложившись в три погибели, снова втиснулся в нору.

Вергилий, недолго думая, тут же схватил дощечку и положил ее на старое место — и так обманул демона, который не мог больше выйти.

— Что ты наделал? — закричал демон громким голосом.

На что Вергилий отвечал:

— Сиди там и жди, когда придет твой день. Поэтому обманутый демон до сих пор сидит

под землей, а Вергилий стал очень сведущ в черной магии.

Со временем мать Вергилия сильно состарилась и оглохла. Тогда призвала она к себе слугу и приказала ему:

— Поезжай в Толедо и скажи Вергилию, моему сыну, что пришла ему пора бросить школу, воротиться в Рим и вернуть отцовское наследство как в городе, так и за его пределами, ибо по праву должен он быть одним из самых могущественных людей в столице.

Приехал посланник в Толедо и обнаружил, что Вергилий учит благородных мужей как своей страны, так и других земель, которые для этого специально к нему приехали, ибо он давно прославился как человек большого ума, к тому же более других сведущий в тайном искусстве некромантии. Приветствовал слуга Вергилия и передал ему слова матери. Выслушал его молодой человек и опечалился — не из-за отцовского наследства, а из-за матери, ибо денег у него и так было достаточно. Наградил он слугу и послал матери четыре мешка золота и драгоценностей, а также белую лошадь. Простился посланник с Вергилием и уехал, а молодой человек остался в Толедо и принялся размышлять, как ему переправить в Рим остальные сокровища и самому за ними последовать. Наконец, отправив все по частям, поехал и сам следом вместе с учениками. Приехал он в Рим, поздоровался с матерью, и она тоже ответила ему приветствием. Рада была женщина приезду единственного сына, которого не видала перед тем двенадцать лет.

О том, как Вергилий, приехав в Рим, пожаловался императору

Когда Вергилий приехал в Рим, знатные родственники встретили его с большим почетом, богатые же его возвращению отнюдь не обрадовались, ибо все земли, которые по праву принадлежали ему, на деле находились в их руках. И так они на него разобиделись, что отказались есть и пить с ним за одним столом. Тогда настала очередь Вергилия сердиться, и наградил он всех знатных родичей, которые его матери зла не делали, землями, доспехами, лошадьми, серебром, золотом и другими вещами. Соседей, которые в его отсутствие были добры к его матери, Вергилий тоже отблагодарил. После этого жил он в доме матери до тех пор, пока императору не вздумалось ввести новую пошлину или налог. Поехали тогда все лорды, которые держали землю от имени императора, ко двору. С ними отправился и Вергилий, взяв родственников и друзей в провожатые. Придя к императору, он его приветствовал, рассказал о том, как лишился из-за жадных родственников всего отцовского наследства, и земель, и состояния, и выразил желание получить свою собственность назад. Император ответил, что должен сначала посоветоваться с вельможами. Однако те, кого он призвал себе в советчики, были врагами Вергилия и молвили так:

— Думается, что лучше оставить землю в руках тех, кто владеет ею сейчас, ибо их помощь может тебе еще понадобиться. Что тебе за дело до лишенного наследства школьного учителя? Пусть себе занимается делами своей школы, а не суется в Рим.

Вергилию же они сказали подождать года четыре-пять, а тогда они посмотрят, достоин ли он того, чтобы владеть землей, или нет. Рассердился Вергилий, услыхав такой ответ, и пригрозил отомстить. Вернулся он домой и послал за своими бедными родственниками и друзьями, а когда те приехали, поселил их в домах и прочих местах в Риме, которые ему принадлежали, снабдил вином и провизией и велел есть, пить и веселиться до июля, пока не заколосятся хлеба и не созреют плоды. А когда все созрело и заколосилось, Вергилий, пользуясь своими познаниями в черной магии, отвел глаза родичам, отнявшим у него наследство, и все, что выросло на их земле, собрали и понесли в его дома. Таким образом он лишил своих врагов всего добра, которое по праву принадлежало ему. А когда враги

Вергилия поняли наконец, что произошло, они собрали людей и пришли к его дому, желая отсечь ему голову. И даже сам император испугался и покинул Рим, ибо было их двенадцать сенаторов, которые между собой всю страну поделили. А Вергилий по праву рождения должен был быть одним из них, однако они лишили мать его и его самого наследства и состояния. Вергилий, узнав о приближении врагов, обвел все свои земли магическим кругом, через который ни птица, ни человек, ни зверь без его ведома пройти не могли.

О том, как римский император осадил Вергилия в его собственном замке

Когда враги Вергилия пришли к его дому, желая взять его в плен и казнить, наложил он на них такое заклятие, что не могли они сделать шагу ни вперед, ни назад, а только стояли на месте. И обуял их от этого ужас. А Вергилий им и говорит:

— Вы пришли, чтобы отнять у меня мою собственность, но вам это не удастся. Знайте же, что отныне и пока я жив, не видать вам ни колоса и ни единого плода с земли, которая по праву принадлежит мне. И передайте вашему императору, что четыре-пять лет, пока он раздумывает, я подожду. При этом я не буду изображать покорного слугу, а сам возьму принадлежащее мне. Пусть идет на меня войной, если хочет, я его не боюсь.

После этого отправился Вергилий к своим друзьям и бедным родственникам и всех их сделал богатыми. Враги же его, когда Вергилий их отпустил, разошлись по домам и стали думать, как быть дальше. И решили они пойти к императору и сообщить ему, что Вергилий его презирает и нисколько не боится. Император, услышав такие слова, впал в сильный гнев и воскликнул, что предаст огню все владения Вергилия, а самому непокорному вассалу отрубит голову. Недолго думая, приказал он всем лордам, что держали от его имени землю, поднимать своих людей и в определенный день явиться с ними в его распоряжение. В назначенный день император и его войско были готовы. Подошли они к замку, где обитал Вергилий. Замок тот был окружен могучими стенами и колдовской защитой вдобавок. И когда император и все его войско подошли к стенам, вышел Вергилий им навстречу и произнес такое заклятие, что не могли они ни повернуть обратно, ни тронуться вперед, а только стояли на месте как вкопанные. Мало того, он заставил императора поверить, будто вокруг них повсюду, куда ни глянь, глубокая вода, так что ни в какую сторону нельзя сделать ни шагу, а можно только стоять на одном месте. Так обошелся Вергилий и с императором, и со всем его войском, а потом приблизился к нему и молвил:

— Милорд император, при всем твоем могуществе у тебя не хватит сил, чтобы причинить вред мне или моим землям. А потому было бы правильно, если бы ты сделал меня самым могущественным из своих вассалов, как и подобает кровному родственнику, и в случае нужды помощи от меня было бы куда больше, чем от прочих.

Отвечал тогда император Вергилию:

— Ты лжец, и, окажись ты в моей власти, ты получишь то, что заслужил.

Снова заговорил Вергилий:

— Милорд император, я тебя не боюсь; не много пройдет времени, и я возьму над тобой верх, а тогда ты с радостью признаешь меня близким родственником. И захочешь лишить меня наследства, да не сможешь.

После этого приказал он своим слугам приготовить побольше еды прямо на улице, чтобы император и его люди все это видели. Чуяли они и дым, и запах жарившегося мяса, но ни куска им не досталось, ибо стояли они окруженные воздухом, словно глубокой водою. И во всем императорском войске не нашлось человека, который мог бы справиться с той напастью, которую наслал на них Вергилий.

Когда император со своим войском протомился порядочное время перед замком, появился вдруг человек, сведущий в искусстве некромантии, и пообещал сделать так, чтобы все, кто ни был в замке, уснули. Так он и сделал, и даже сам Вергилий едва не уснул. Но он очень испугался и огорчился, когда увидел, что император и его люди освободились от

заклятия и идут к стенам его замка. Заглянул тогда Вергилий в свои книги по черной магии, в которой он был великий искусник, и прочел там, что ему следует делать, дабы людей своих разбудить. А еще он наколдовал, чтобы и император, и его люди, и выручивший их чернокнижник замерли и стояли неподвижно, точно мертвые. Застыли даже солдаты, которые лезли на стены по приставным лестницам: одни на середине пути, другие — еще только поднимая ногу на первую ступеньку, третьи — коснувшись одной ногой стены, и стояли так, пока Вергилию не угодно было их освободить. Рассердился тогда император и спросил у чернокнижника, долго ли еще им так стоять, но тот ему ничего не ответил, а прокричал Вергилию, что обернет против него его же собственную хитрость. А тот отвечал, что пусть старается сколько хочет, он, Вергилий, его не боится. Так продержал он их целый день, а вечером пришел к императору и сказал:

— Негоже благородному человеку останавливаться на середине пути, равно как негоже и брать на себя то, чего не можешь выполнить.

Тогда отвечал император Вергилию:

— Отпусти меня, и получишь все принадлежащие тебе земли и угодья в полное свое владение, и все будет по воле твоей.

А Вергилий отвечал ему так:

— Хорошо, я освобожу тебя, а ты меня отблагодаришь.

— Да, клянусь короной, и признаю тебя своим кровным родственником, и хочу, чтобы ты был моим ближайшим советчиком.

Снял тогда Вергилий заклятие и пригласил всех в свой замок, где золота и других сокровищ было в изобилии, и каждый получил еды и питья вдоволь в соответствии со своим чином и званием, а угощал их хозяин такими яствами и напитками, равных которым они не едали ни до, ни после. Император также нигде не видел такого почетного обращения, как в том замке. А когда трапеза подошла к концу, Вергилий наградил всех своих гостей, каждого соответственно его происхождению, дивными и дорогими подарками.

О том, как император вернул Вергилию наследство и дал ему множество других вещей

Простились они затем с Вергилием и вернулись домой. Император возвратил ему все земли и сделал его главным лордом империи. После этого случилось так, что Вергилий влюбился в одну прекрасную даму, самую красивую во всем Риме. Тогда при помощи своего колдовского искусства он сделал так, что эта дама обо всем узнала. Дама же, узнав, что он в нее влюбился, решила его обмануть и сказала:

— Приходи, как стемнеет, к стене замка.

Она пообещала, что спустит ему корзину на толстых веревках, а когда он в нее усядется, поднимет его наверх, чтобы он мог возлечь с нею. Вергилий, получив такой ответ, очень обрадовался и с радостью согласился.

О том, как благородная дама подняла Вергилия до середины пути и оставила его висеть в корзине между окном и землей, а люди, глядя на него, дивились и над ним насмехались

Выбрали день, когда Вергилий должен был прийти к башне, которая стояла в Риме на торговой площади и выше которой во всем городе не было. В назначенный день Вергилий пришел, а дама его уже наверху поджидала. Увидев его, спустила она корзину. Вергилий в нее уселся, а дама стала поднимать его наверх, да на полдороге бросила, а веревку крепко-накрепко завязала, чтобы он не свалился, и говорит:

— Повиси-ка тут до завтра. Как раз будет базарный день, вот пусть люди на тебя и посмотрят, как ты бесчестно со мной хотел возлечь.

И с этими словами окно захлопнула, а Вергилий остался висеть до утра. Наутро пришло на рынок много народу, все его увидели, и весть о его позоре быстро докатилась, до самого императора. Тот, пристыженный поступком родича, послал за благородной дамой и стал ее просить Вергилия с окна снять. Она его послушалась. Вергилий, когда его отпустили на свободу, пригрозил, что отомстит за этот позор, и отправился домой, в свой сад, славившийся красой и великолепием на весь город Рим. Взял он свои книги и сделал так, что во всем городе погасли огни и никто со стороны не мог пронести в столицу ни искры, как ни старался. Так продолжалось день и ночь. Но для Вергилия этого было достаточно, ибо никто во всем Риме не мог зажечь даже самого крохотного огонька.

О том, как Вергилий погасил все огни в Риме

Император, его лорды и простые люди сначала не могли понять, почему во всем городе нет ни единого огня, а потом догадались, что это дело рук Вергилия. Послал тогда император за ним и стал его спрашивать, как сделать, чтобы у людей опять был огонь. И вот какой совет дал ему Вергилий:

— Прикажи построить посреди рыночной площади большой помост и посади на него женщину, что подвесила меня за своим окном, в одной сорочке. Затем объяви по городу, что всякий, кому нужен огонь, может прийти на площадь и добыть его у той женщины между ног, а иначе никак нельзя ни от чужого факела зажечь, ни за деньги купить.

Люди, услыхав об этом, валом повалили на площадь.

О том, как благородную даму посадили на помост и все жители города пришли получить огонь и зажечь свечки у нее между ног

Император и его лорды, видя, что другого способа помочь беде нет, решили последовать совету Вергилия. Посреди базарной площади соорудили помост и посадили на него благородную даму в одной сорочке. Приходили к ней бедняки со свечками и пучками соломы и их у нее между ног поджигали, приходили и богачи с факелами за тем же самым. И так просидела женщина три дня, поскольку было сказано, что иначе огня не будет. Под конец третьего дня осрамленная дама ушла домой, зная, что во всех ее злоключениях виноват один Вергилий.

Он же некоторое время спустя женился и построил великолепный дворец с четырьмя угловыми башнями. В одной из башен соорудил он устройство, которое позволяло ему слышать все, что говорят люди, живущие в этой части Рима. То же самое сделал он и в остальных башнях. И так, переходя из одной башни в другую, узнавал Вергилий, о чем говорят люди по всему городу. Ни у кого не было от него секретов, даже если люди старались говорить очень тихо.

О том, как Вергилий создал «Спасение Рима»

Спросил как-то император у Вергилия, нельзя ли сделать так, чтобы земли Рима множились и процветали под его властью, а если какая из них начнет бунтовать — чтобы об этом становилось известно заранее. На что Вергилий ответил:

— Скоро у тебя будет для этого все, что нужно. И действительно, поставил Вергилий на Капитолии, римской городской ратуше, резные каменные изваяния и назвал их «Saluacio Rome», то есть «Спасение Рима». Были среди них божества, или, как мы говорим, идолы, каждого народа, что жил под властью Рима, а в руках те идолы держали по колокольчику. Посредине стоял римский бог. И вот, как только в какой-либо земле затевалось восстание

или война против римского владычества, бог той земли немедленно поворачивался к центральной фигуре спиной и начинал звонить в колокольчик. Сенаторы, заслышав звон, приходили, видели, в какой из стран готовится мятеж, поднимали войска и отправляли их в ту сторону бунтарей усмирять. Узнали об этом жители города Карфагена, который понес от Рима большой урон, собрались и стали держать совет, как бы им хитрую штуку изломать. Послали троих, дали им золота и серебра вдоволь. Те пришли в Рим и назвались ясновидящими и толкователями снов. Немного погодя поднялись они на один из холмов города и закопали глубоко в землю большой горшок с деньгами. Потом пошли к мосту через Тибр и бросили в определенном месте в реку большой бочонок с золотыми монетами. Покончив с этими делами, явились они к римским сенаторам и сказали:

— Высокочтимые лорды, этой ночью видели мы сон, будто здесь, в Риме, у подножия одного из холмов зарыт большой горшок с деньгами. Не соблаговолите ли дать нам разрешение его оттуда извлечь?

Подумали лорды и разрешение дали. Взяли тогда карфагеняне землекопов, пошли к холму и деньги из земли вызволили. Во второй раз пришли они к сенаторам и говорят:

— Высокочтимые лорды, снова было нам видение, будто в неком месте в реке Тибр утоплен бочонок с золотыми монетами. Если вы дадите нам свое разрешение, мы пойдем и отыщем его.

И снова сенаторы, не подозревая обмана, дали свое согласие и наказали ясновидящим сделать все возможное для того, чтобы бочонок найти. Те обрадовались, наняли людей и корабли и отправились к тому месту, где лежал бочонок. Придя туда, долго они шарили вокруг, пока наконец не нашли деньги, а найдя, сделали лордам щедрые подарки. После этого настало время делать то, что они задумали. Пришли они снова к сенаторам и говорят. — Высокочтимые лорды, был нам сон, будто под основанием Капитолия, где стоит «Спасение Рима», спрятаны двенадцать бочонков чистого золота. Если вашим милостям угодно будет дать нам разрешение на их добычу, станете иметь от этого большую выгоду.

Лорды, нисколько не сомневаясь, такое разрешение дали, ибо дважды до этого предсказания ясновидящих сбывались. Те обрадовались, наняли землекопов и начали подкапываться под «Спасение Рима». Когда же показалось им, что сделано достаточно, покинули они город, а на следующий день все здание обрушилось и погибла вместе с ним работа Вергилия. Сенаторы поняли, что их обманули, и сильно опечалились, ибо не было им с тех пор такого счастья, как раньше.

О том, как император попросил у Вергилия совета, как очистить улицы от воров и грабителей

Императору часто жаловались, что ночью по улицам не пройти из-за воров и грабителей, а также и убийц. Позвал тогда император к себе Вергилия и сказал:

— Люди жалуются, что ночью на улицах житья не стало от лихих людей, которые грабят и убивают. Посоветуй, как беде помочь?

Отвечал Вергилий императору:

— Прикажи сделать медного коня с медным же всадником и дай ему в руки железный цеп. Пусть поставят статую перед ратушей, да вели объявить, что каждый вечер в десять часов будут звонить с этого места в колокол и всякий, кого после этого застанут на улице, чем бы он там ни был занят, будет убит на месте.

Все было сделано по совету Вергилия, однако воры и разбойники на объявление не обратили никакого внимания и остались на улице. Но вот пробило десять. С последним ударом медный конь сорвался с места и понесся по улицам, да так резво, что вмиг весь город обежал. Всякого, кого заставали вне дома, будь то мужчина или женщина, всадник убивал на месте и порешил так более двухсот человек. Увидев это, стали воры и разбойники думать, как им от такой напасти избавиться, и придумали. Начали они носить с собой веревочную

лестницу с крючьями. Как заслышат, что конь медный по мостовой скачет, так лестницу эту на стену закинут, да по ней на крышу и влезут, где всадник медный их не тронет. И так продолжали они вершить свои темные дела еще некоторое время. Снова начали приходить люди к императору с жалобами, и опять он позвал к себе Вергилия и стал просить у него совета. Молвил тогда Вергилий:

— Прикажи сделать двух медных псов и поставь их по обе стороны от коня, да вели объявить, что всякий, кто выйдет из дому после десяти вечера, живым не вернется.

И снова разбойники не обратили внимания на эти слова, а, услышав конский топот, закинули свои лестницы на дома и сами туда забрались. Но псы прыгнули за ними и разорвали их на куски. Слух об этом прокатился по всему Риму, и никто больше не смел высунуть носа ночью на улицу. Так перевелись в Риме воры и разбойники.

О том, как Вергилий сделал лампу, которая никогда не гасла

Простым людям на пользу изготовил Вергилий мраморный столб и сделал мост, по которому он из своего замка мог подходить к самому столбу. И мост и замок были прямо посреди Рима. А на столб повесил Вергилий лампу из стекла, которая горела и никогда не гасла, и потушить ее тоже никому было не под силу. Лампа та освещала весь город Рим от края до края, и не было в нем ни одной улицы, даже самой маленькой, где бы от ее лучей не было так светло, словно там горели два факела. На стену же замка поставил Вергилий металлического лучника, который целился в лампу, будто хотел своей стрелой погасить ее. Но лампа продолжала гореть и освещать Рим. И вот однажды пришли к замку дочери богатых горожан погулять и посмотреть на железного человека. А одна из них возьми да и спроси шутки ради:

— Почему же он не выстрелит?

Подошла и положила руку на лук. Тут же лучник отпустил тетиву, стрела вылетела из лука, и лампа разбилась. Чудо, что девушки с ума не сошли от страха, ибо стрела с грохотом ударилась о лампу, а железный человек тут же сорвался со своего места и побежал, и больше его никто и никогда не видел. Лампа же, о которой шла речь, продолжала гореть еще триста лет после смерти Вергилия.

О том, как Вергилий разбил около фонтана сад, самый лучший и прекрасный из всех когда-либо виданных на свете

Великие чудеса совершил Вергилий в свое время. Однажды разбил он сад, в котором были все виданные и невиданные прежде фруктовые деревья, а также различные травы. И все они круглый год цвели и плодоносили. Посреди сада бил фонтан, а в кронах деревьев пели самые разные птицы, ибо на сад было наложено такое заклятие, что любая птица могла влететь, но ни одна не могла вылететь. А еще жили там разные животные, полезные для людей. И было в том саду такое устройство, что вода, которая питала фонтан, окружала деревья на манер пруда, и плавали в нем всякие разные рыбы, каких только ни пожелаешь. В общем, богат был тот сад любыми травами, деревьями, птицами и зверями, о которых только человек может подумать. Однако и это еще не все чудеса, ибо был в том саду подвал или погреб, самый прекрасный, какой может вообразить человек, и хранил в нем Вергилий свои деньги и драгоценности. А был он так богат, что и сам своим богатствам счета не знал. И поставил он у входа в погреб двоих медных людей с молотами в руках, и этими молотами били они по наковальне так, что даже птицы, случись им пролетать мимо, падали замертво. Так охранял Вергилий свои богатства.

О том, как Вергилий изготовил для своей жены статую

Сделал однажды Вергилий статую и подвесил ее высоко в воздухе, так что висела она и не падала. И никто из римлян не мог отворить ни дверь, ни окно без того, чтобы статую эту не увидеть. Было у этой статуи одно полезное свойство: любая женщина, раз ее увидев, теряла желание прелюбодейство творить. На это все женщины очень рассердились и стали жаловаться жене Вергилия, что пропали из жизни всякая радость и интерес, и умоляли ее статую эту скинуть и разрушить. Выждала жена Вергилия удобного момента, подошла по воздушному мосту к статуе и скинула ее, и снова настала женщинам воля. Вергилий, найдя свою статую лежащей на земле, сильно разгневался и заявил, что все равно настоит на своем, для чего он сначала поднимет ее в воздух, а уж потом дознается, кто ее сбросил. И он снова поднял статую, а потом приступил к жене с расспросами:

— Ты ли статую сбросила?

— Нет, — отвечала она.

И снова пришли женщины к жене Вергилия и стали жаловаться, что теперь еще хуже, чем раньше, и умолять ее скинуть статую снова. А Вергилий спрятался в уголке и следил оттуда за женой, ибо он и раньше замечал, как женщины ей жаловались. И вот пошла Вергилиева жена и сбросила статую, а муж ее, который все это видел, так разгневался, что готов был и жену свою следом за статуей отправить, но сказал:

— Черт с тобой, я ради твоего же блага старался, но больше я в бабские дела лезть не буду, делайте, как сами знаете. — И начал с тех пор Вергилий свою жену ненавидеть.

О том, как Вергилий развлекался с дочерью султана

Так часто доводилось Вергилию слышать о красе дочери султана, что в конце концов он влюбился, ни разу не видав самой девицы. Тогда сделал он воздушный мост, перешел по нему к султановой дочери и во всем ей открылся. Она, хотя и ни разу до этого Вергилия не видала, отнеслась к его признаниям благосклонно. И вот однажды ночью она ему сказала, что хотела бы отправиться с ним в его страну, посмотреть, что он за человек и как живет. Так ответил ей Вергилий:

— Сделаю, как ты просишь. Путь твой будет лежать через множество стран, но ни в одну из них твоя ножка не ступит.

И повел он ее по воздушному мосту в свою страну, в город Рим. Пришли они домой, а он ее и спрашивает:

— Видела ли ты кого-нибудь по дороге?

— Нет, тебя одного, — ответила девушка. Показал тогда ей Вергилий свой дворец, и сад,

и железных кузнецов, которые в это время как раз перестали бить по наковальне. А еще показал он дочери султана все свои сокровища и даже хотел было подарить их ей, но она отказалась со словами:

— Мне и отцовских девать некуда.

И оставалась она в саду Вергилия так долго, как он того хотел. Тем временем султан, обнаружив отсутствие дочери, опечалился, ибо не знал, что с ней стало. Искали ее повсюду, но нигде не могли найти.

О том, как Вергилий вернул дочь султана домой и ее нашли спящей на кровати

Долго пробыла дочь султана в саду Вергилия, но вот наконец захотела вернуться в дом своего отца. Взял тогда Вергилий ее на руки, поднялся с ней на воздушный мост, принес ее во дворец отца

и положил на кровать в своей спальне. После этого благословил спящую и вернулся в Рим. На следующее утро проснулся султан, который сильно горевал о пропаже дочери, а к нему бежит камергер и объявляет, что дочь его вернулась, лежит на кровати и спи!. Поспешил тогда к ней султан и стал спрашивать, где она была и как назад вернулась.

— Отец, — отвечала она, — пришел ко мне прекрасный принц из чужой земли и перенес меня по воздуху в свой дворец, окруженный чудесным садом. Но я не говорила ни с одним мужчиной и ни с одною женщиной, кроме него, а потому не знаю, в какой стране он находится.

Молвил тогда султан:

— Надо было тебе захватить с собой плоды той земли.

Она сказала, что в следующий раз так и поступит. И вот немного погодя снова пришел Вергилий в Вавилон, взял дочь султана и перенес ее в свой сад, где она оставалась с ним, пока ему того хотелось. Уходя, захватила она с собою горсть орехов и еще кое-каких плодов. Дома показала она их отцу.

— Ха, ха, — рассмеялся тот. — Он уносил тебя в какую-то страну недалеко от Франции.

О том, как Вергилий был взят в плен

Некоторое время спустя пришел султан к своей дочери и молвил:

— Дочь моя, когда в следующий раз придет за тобой тот, кто уносит тебя в дальнюю страну, угости его этим питьем, но сама не пей, ибо он, раз отведав, заснет. А когда он уснет, дай мне знать. Мы его схватим и тогда наверное узнаем, кто он и откуда.

Девушка сделала, как ей было велено. Когда Вергилий пришел, напоила она его зельем, которое дал ей отец, он уснул, и сонным его взяли. Привели Вергилия к султану, его лордам и его дочери. Султан сказал своим рыцарям, что это и есть тот человек, который похищал его дочь, а потом обратился к самому Вергилию:

— За удовольствие, которое ты имел с моей дочерью, заплатишь жизнью.

Отвечал султану Вергилий:

— Лучше бы мне никогда ее не видеть. Отпусти меня, и клянусь, я никогда не приду сюда снова.

Но султан и его лорды молвили:

— Не бывать тому. Ты ее осрамил, отвечай же теперь за свое скверное деяние.

Тут вмешалась дочь султана:

— Если вы его казните, то и я умру вместе с ним.

Отвечал султан:

— Быть посему. Тебя сожгут с ним вместе. Но тут молвил Вергилий:

— Силен ты и могуч, султан, спору нет, но на это твоей власти не хватит.

О том, как Вергилий освободился из плена, увел с собой прекрасную дочь султана и основал город Неаполь

Когда султан пригрозил Вергилию смертью, тот, воспользовавшись своим чудесным искусством, сделал так, что и самому султану, и всем его лордам стало казаться, будто великая река Вавилон вышла из берегов, затопила дворец, а сами они превратились в уток и стали по той реке плавать и нырять. Вергилий же, захватив дочь султана, ступил на воздушный мост, освободил султана и его приближенных от чар и был таков. Султан, видя, как Вергилий уходит вместе с его дочерью по мосту из воздуха, был поражен и опечален и не знал, что делать. Тем временем Вергилий с дочерью султана, в которую он был очень сильно влюблен, перешел через море и оказался в Риме. Стал он размышлять, как бы ему так

устроить, чтобы на той леди жениться, и придумал построить большой город посреди моря и окружить его плодородными землями. И, будучи искусным волшебником, он создал такой город, построив его на основании из яиц, и назвал Неаполем. В этом городе возвел он башню о четырех углах, на верхушке которой укрепил яблоко на железном пруте, и нельзя было яблоко сорвать без того, чтобы оно на две половинки не распалось. А еще через железный прут пропустил он бутылку, на горлышке которой укрепил яйцо. Яблоко подвесил он на цепи, и так оно и висит до сих пор. Каждый раз, когда яйцо качнется, в Неаполе случается землетрясение, а когда то яйцо разобьется, придет всему городу конец и погрузится он обратно в пучину морскую. Покончив с этими Делами, назвал Вергилий свой город Неаполем. В этот город он перенес часть своих сокровищ и поселил в нем свою возлюбленную, прекрасную Дочь султана. Весь город и окружающие его земли он подарил ей и ее детям в полное владение. Немного погодя он выдал ее замуж за некоего испанского лорда или рыцаря.

Еще некоторое время спустя случилось так, что императору очень понравился новый город Неаполь, который слыл прекраснейшим городом того времени. Кроме того, был он богатейшим торговым городом вблизи Рима. Разослал император всем своим вассалам секретные письма и приказал им поднимать людей, собираться в Риме и готовиться к осаде Неаполя. Так они и поступили: собрали большое войско и двинулись на Неаполь, разрушая все на своем пути. Придя под стены Неаполя, император взял город в кольцо. Но рыцарь, женатый на даме — владычице этого города, защищал его от императорских войск с большой отвагой и мужеством. Пока шла осада, послал он к Вергилию гонца с известием о том, что император пришел под стены города и осадил его. Вергилий, узнав об этом, очень рассердился и послал рыцарю такой ответ:

— Не противься императору и его войску, я сам все сделаю.

О том, как император осаждал город Неаполь

Вергилий, узнав об осаде Неаполя императором, превратил всю пресную воду в дождь и сделал так, что у жителей города ее было в достатке, а осаждающие страдали от жажды. Тем временем колдун собрал своих людей и сам двинулся на Неаполь. Но император не мог там дольше оставаться, потому что кони и люди умирали от недостатка воды и он уже потерял больше половины

своего войска. Видя, что делать нечего, император, пристыженный и посрамленный, отправился назад в Рим. На обратном пути он и повстречался с Вергилием и его компанией, которые спешили в Неаполь. Вергилий, увидев императора, подъехал к нему и приветствовал его такими словами:

— О благородный император, как случилось, что столь благородный человек, как ты, снял осаду и со стыдом возвращается домой, не добившись начатого?

Император сразу понял, что Вергилий над ним насмехается, и сильно рассердился. А Вергилий, добравшись до Неаполя, собрал всех благородных мужей этого города и заставил их поклясться, что никогда не допустят они присутствия римлян в своих крепостных стенах.

О том, как Вергилий укрепил Неаполь учеными и купцами

После того как правители Неаполя принесли Вергилию клятву верности, вернулся он в Рим, собрал книги и другое движимое имущество и переехал со всем этим в Неаполь, оставив в прежнем месте только свои сокровища, которые запер в подвале. Дворец свой он поручил заботам друзей, равно как и другие принадлежавшие ему дома, и удалился в Неаполь. Там построил он школу и отвел ей большой участок земли, так что каждый ученый получал от города землю, на которой мог жить. Те же, кто из школы уходил, землю теряли. В

эту школу перебрались многие из прежней школы Вергилия. Кроме школы построил Вергилий в Неаполе бани, где любой желающий мог мыться. Стоят эти бани и по сей день, и это первые бани, которые появились на свете. А еще выстроил он мост, прекраснее которого еще никогда не видывали, и возле него можно было видеть разные прекрасные корабли, которые принадлежали купцам, и другие вещи, имевшие отношение к морю. И был Неаполь в те дни лучшим и прекраснейшим городом в мире. А сам Вергилий преподавал в своей школе магию и некромантию, ибо он был очень сведущ в этих науках, так что могущественнее его ни до, ни после, ни в то время не было. В скором времени умерла его жена, у которой никогда от него детей не было. Превыше всех людей почитал Вергилий ученых, и давал на приобретение книг много денег, и правил своей школой честно и благородно, как ему и подобает, ибо он был одним из величайших людей в мире и могущественнейшим римским вельможей.

О том, как Вергилий сделал в Риме железную змею

После этого Вергилий сделал с помощью своего колдовства в Риме металлическую змею: всякий мог положить ей в пасть руку и поклясться, что его дело правое. Если он лгал, то руку назад было уже не вытащить, если правду говорил, то вынимал руку без труда. Случилось так, что жил в ту пору в Ломбардии рыцарь, который подозревал, что жена изменяет ему с одним из его людей, но уличить ее никак не удавалось. И вот жена согласилась поехать с мужем в Рим и, положив руку змее в пасть, поклялась, что верности своему супругу никогда не нарушала. И отправились в Рим рыцарь, его жена и ее любовник. По дороге женщина научила любовника одеться шутом, как только они приедут в Рим, так чтобы никто его не мог узнать. Он сделал, как ему велела госпожа. В тот день, когда господа пошли к змее, он тоже был там. Вергилий благодаря своему искусству узнал, что затеяла женщина, и попросил ее:

— Возьми свое слово назад и не клянись.

Но она его не послушала и положила руку змее в пасть. И когда ее рука уже лежала там, она, глядя своему мужу прямо в глаза, сказала, что имела с ним не больше сношений, чем вон с тем шутом. Получилось, что она сказала правду и потому смогла вытащить свою руку из пасти змеи Целой и невредимой. Рыцарь, очень довольный, поехал домой и с тех пор всегда и во всем доверял своей супруге. Вергилий же, взбешенный тем, как ловко женщина вывернулась, змею уничтожил и молвил такие слова:

— Что ни умная женщина, то потаскуха, а если добродетельная, то непременно дурочка.

Как умер Вергилий

Немало чудесных и удивительных дел совершил за свою жизнь Вергилий, еще больше пообещал он императору. Так, он пообещал, что деревья станут плодоносить трижды в год, причем на каждом дереве плоды будут соседствовать с цветами, корабли будут плыть по течению так же легко, как и против него, деньги будет зарабатывать так же легко и приятно, как и тратить, а женщины будут рожать детей без всякой боли. И конечно же, все это и многое другое, обещанное императору, Вергилий обязательно исполнил бы, не случись ему безвременно умереть.

Построил Вергилий прекрасный замок, в который вели всего одни ворота, так что внутрь можно было попасть либо через них, либо никак. Кроме того, замок окружал ров с водой, через который ни один человек не мог перебраться. Стоял тот замок в окрестностях Рима, а у входа в него выстроились двенадцать человек с железными цепами в каждой руке, итого двадцать четыре. Этими цепами молотили они по очереди, никогда не останавливаясь.

Никто не мог попасть в замок, потому что для этого надо было пройти между цепами, а это означало верную смерть. Один только Вергилий, когда ему хотелось войти внутрь, мог остановить их, а больше никто. В этом замке скрыл волшебник часть своих сокровищ. После этого принялся он думать, как бы ему снова помолодеть, чтобы прожить еще много лет и совершить много чудес. Пошел тогда Вергилий к императору и попросил дать ему три недели отдыха, но тот не соглашался, ибо хотел, чтобы его советник всегда был при нем. После этого дошли до императора слухи, что Вергилий удалился в свой замок и взял с собой слугу, в котором был уверен. Приблизились они к замку, где стояли люди с цепами и молотили что было сил. Молвил тогда Вергилий своему слуге:

— Ступай ты первым.

Тот отвечал:

— Если я сделаю шаг, они меня убьют.

Тогда Вергилий показал слуге скобы, на которых цепы по обе стороны от входа крепились, остановил цепы, они оба прошли внутрь, и опять Вергилий повернул скобы, и цепы замолотили, как раньше. Обратился тогда хозяин замка к своему провожатому:

— Возлюбленный друг мой, тебе я доверяю превыше всех людей на земле и тебе открою все свои секреты.

И повел его в погреб, где горела неугасимая лампада. Там он спросил его:

— Видишь вон ту большую бочку? Туда ты положишь меня. Сначала тебе придется меня убить и разрубить тело на множество кусков, а голову — на четыре части. Голову посыплешь солью и положишь на дно, потом все остальное, сердце — в середину. Затем пододвинешь бочку под лампу, чтобы день и ночь масло в нее стекало и капало. Так Должно пройти девять дней, но ты каждый день сюда приходи и наполняй маслом лампу, да смотри не пропусти ни одного дня. По прошествии девяти дней выйду я из бочки молодым и здоровым и встречу еще много зим, если будет такое везение.

Слуга, услышав слова хозяина, испугался и говорит:

— Этого я не в силах исполнить, ибо, пока я жив, не смогу поднять на тебя руку.

Но Вергилий возразил:

— Ты должен это сделать, тебе это не принесет вреда.

Наконец после долгих уговоров слуга согласился сделать, как ему велел хозяин. Убил он Вергилия и, как тот ему и велел, расколол голову его на четыре части, посолил и поместил на дно кадки, а потом сложил туда все остальное, и сердце в середину, и хорошенько засыпал солью. Покончив с этим, он повесил над бочонком лампу, чтобы масло туда непрерывно капало. Затем вышел он из замка и повернул за собой скобы, так что железные люди принялись молотить цепами еще пуще прежнего и войти не было никакой возможности. Каждый день слуга возвращался в замок и доливал в лампу масло, как просил Вергилий.

По истечении семи дней император хватился Вергилия и стал гадать, куда тот мог подеваться. А Вергилий, убитый доверенным слугою, лежал тем временем в бочке в замковом подвале. Надумал тут император спросить слугу Вергилия, как поживает его хозяин. Так он и поступил, ибо знал, что этого своего слугу любит Вергилий больше всех людей на свете. Слуга на вопрос императора ответил так:

— Всемогущий господин, прости мою смелость, но я не знаю, где он, ибо вот уже семь дней не видел я моего хозяина. И куда он отправился, я тоже не ведаю, ибо на этот раз он отказался взять меня с собой.

Император, выслушав его ответ, рассердился и сказал:

— Лжешь, окаянный вор, говори сейчас же, где твой хозяин, а не скажешь, так я велю предать тебя смерти.

Слуга испугался и молвил:

— Всемогущий господин, семь дней назад пошел я с ним в его загородный замок, но он вошел туда один, а я отправился назад.

Тогда император приказал:

— Веди меня в тот замок.

И они пошли. Приблизились они к воротам, а внутрь войти не могут: цепы молотят как одержимые. Говорит тогда император:

— Останови их. Слуга отвечает:

— Я не знаю как. Император молвит:

— Тогда готовься к смерти.

Остановил тогда слуга цепы, и император со своей свитой тут же вошел во дворец и приказал обыскать все углы. Долго они искали, прежде чем Добрались до подвала, где над бочкой с телом Вергилия горела неугасимая лампада. Тогда спросил император у слуги:

— Кто осмелился убить хозяина твоего, Вергилия?

Слуга молчал. Великий гнев обуял тогда императора, выхватил он меч и отсек слуге голову. В ту же минуту выскочил из бочки голый младенец, трижды обежал ее кругом, повторяя:

— Проклят будь день и час, когда ты явился сюда, — и исчез, и никто его больше никогда не видел.

А Вергилий так и остался лежать в бочке, мертвый. Очень горевал император о смерти волшебника, горевали и его родные, и ученые, а особенно те, что жили в Неаполе, ибо Вергилий этот город основал и превратил в один из самых известных и почитаемых городов на свете. Хотел было император забрать себе сокровища Вергилия, да не нашлось смельчака, который отважился бы войти в замок, охраняемый медными людьми с железными цепами. Так и остались сокровища Вергилия в подвале. Вергилий сделал и много других вещей, описать которые в этой книге не хватило места. И да не пропустит (Господь) в бесконечной милости Своей наши имена в книге вечного блаженства. Аминь.

Таков был конец Вергилия и всех его многочисленных подвигов.

ЗНАМЕНИТАЯ ИСТОРИЯ МОНАХА БЭКОНА, содержащая также чудеса, совершенные им при жизни, и рассказ о его смерти с описанием жизни и смерти двух волшебников, Банджи и Вандермаста.

Чрезвычайно занимательное и поучительное чтение

Напечатано в Лондоне для Франсйса Гроува, продается в его магазине в верхнем конце Сноу-Хгил, против «Головы Сарацина»

О родителях Бэкона и его появлении на свет, а также о том, как он посвятил себя наукам

Большинство людей придерживаются мнения, что Бэкон родился на западе Англии в семье богатого фермера. Отец отдал мальчика в учение к городскому священнику, но не для того, чтобы он сделался монахом (как впоследствии и произошло), а лишь для того, чтобы ребенок получил меру понимания, необходимую для управления состоянием, которое он должен был со временем унаследовать. Однако юный Бэкон оказался до того пригоден к учению, что священнику вскоре стало нечему его учить. Стал тогда мальчик просить пастыря, чтобы тот уговорил отца отправить его в Оксфорд, дабы те крохи знаний, которые ему удалось собрать, не пропали даром. Учитель с охотой взялся просьбу ученика исполнить. И вот однажды, повстречав фермера, священник заявил, что Господь благословил его мудрым и подающим большие надежды сыном Роджером (таково было имя мальчика) и хочет, чтобы тот теперь тоже исполнил свой долг, воспитав сына так, дабы по всему было видно, как он благодарен Господу. А лучший способ для этого — дать сыну хорошее

образование, ибо он, священник, занимаясь с мальчиком, обнаружил в нем задатки великого служителя Церкви. Старого Бэкона такие слова не очень-то порадовали (он надеялся, что сын его будет ходить за плугом да править лошадьми так же, как он сам всю жизнь делал), но, из уважения к священнику, он удержался от грубых слов, поблагодарил его за заботу и совет, однако же попросил больше с ним об этом деле не заговаривать. Он-де и сам знает, что лучше для него самого и для мальчишки, и так и намеревается поступить. На том они и расстались.

Придя домой, старик велел сыну показать свои книги. Когда ничего не подозревавший мальчик принес книги отцу, тот запер их в шкаф и хорошенько поучил сына кнутом, приговаривая:

— Мальчик, не бывать тебе священником и не годится тебе быть ученее отца. Когда сеять ячмень, а когда пшеницу, когда сажать бобы, а когда горох, можешь ты теперь прочесть в альманахе. Что до продажи зерна и скота, я и сам научу тебя, где и когда выгоднее всего это сделать, ибо я помню все рынки и ярмарки наизусть не хуже, чем сэр Джон, наш священник, помнит мессу. Дайка мне лучше вон тот кнут, да я научу тебя, как с ним обращаться. Это тебе будет полезнее, чем латынь. Молчи и делай, что тебе говорят, а не то раньше, чем начнется следующая месса, узнаешь, как тяжела моя рука в гневе.

Молодой Бэкон решил, что отец поступает с ним несправедливо, но смолчал, однако через несколько дней сбежал из дому и направился в монастырь, находившийся милях в двадцати от его родной деревни. Там мальчика приняли с охотой, и он продолжал учиться и вскоре так прославился, что его послали в Оксфорд, где он много лет изучал тайны природы и искусства, пока не овладел ими настолько, что не только Англия, но и весь христианский мир восхищались им.

О том, как король послал за братом Бэконом, и о чудесах, которые тот явил королю и королеве

Однажды король, будучи в Оксфордшире в гостях у одного благородного человека, изъявил желание увидеть знаменитого монаха, ибо неоднократно доводилось ему слышать о чудесах, которые тот творил благодаря своему искусству. Послал он за ним человека с приказанием явиться ко двору. Брат Бэкон учтиво поблагодарил короля через его посланника и передал, что находится всецело в распоряжении его королевского величества и не замедлит нанести ему визит.

— Но, — добавил он, обращаясь к посланнику, — умоляю вас поторопиться, ибо может случиться, что я окажусь при дворе на два часа раньше вас.

Джентльмен отвечал:

— При всей вашей учености, позвольте мне вам не поверить, ибо ученые, старики и путешественники частенько сочиняют небылицы, пользуясь невежеством остальных.

На что брат Бэкон возразил:

— Для усиления вашего доверия к моим словам мог бы я сейчас показать вам девушку, с которой вы в последний раз делили ложе, но не стану, ибо тороплюсь.

Джентльмен продолжал сомневаться:

— Второе обещание так же лживо, как и первое. Хотел бы я, чтобы вы исполнили хоть одно, просто так, ради забавы.

Монах отвечал:

— Не пройдет и четырех часов, как сбудутся оба, так что поспешите.

— Не сбудутся, — заявил джентльмен, — резвость моего коня тому порукой.

И с тем уехал. Но свернул, как видно, куда-то не туда, ибо пути ему было всего три мили, а скакал он целых три часа, так что брат Бэкон предстал перед королем раньше посланника.

Король принял монаха сердечно и сказал, что давно уже искал с ним встречи, ибо

хочет, чтобы тот предсказал ему его судьбу. На что брат Бэкон отвечал, что молва его оболгала, приписывая ему достижения куда большие, нежели те, которых он добился своими скромными занятиями, и что, по его мнению, у науки есть множество сынов куда более достойных, чем он. Король похвалил его за скромность, сказав, что ничто так не портит человека истинно мудрого, как хвастовство, но попросил не принижать сверх меры значение собственных занятий, а лучше показать ему и королеве свое искусство.

— Я не был бы достоин ни знания, ни искусства, которыми обладаю, — молвил Бэкон, — если бы отказал вашему величеству в этой просьбе. Прошу вас, садитесь поудобнее, а я покажу вам, на что способно мое скромное искусство.

Король, королева и благородные господа заняли свои места. Монах взмахнул жезлом, и тут же зазвучала такая изумительная музыка, равной которой король и его придворные никогда не слыхивали.

— Это, — молвил Бэкон, — для услаждения вашего слуха. Но прежде чем вы покинете этот зал, я равным образом удовлетворю и другие ваши чувства.

Тут он снова взмахнул жезлом, и музыка стала тише, а в зал вошли пять танцоров. Первый был одет королевской прачкой, второй — лакеем, третий — ростовщиком, четвертый — блудным сыном, а пятый — шутом. В этом заключалось великое разнообразие, которое не оставило никого из зрителей равнодушным. Танцоры, исполнив свои танцы, удалились в том же порядке, в каком появились. Так было удовлетворено второе чувство. Тогда взмахнул монах еще раз своим жезлом, и вновь заиграла музыка, но на этот раз совсем иного рода, и перед королем и его свитой появился стол, который ломился от яств. Король и королева захотели отведать редких фруктов, что лежали на столе, и с большим удовольствием это сделали. Когда все насытились, стол и угощение исчезли так же внезапно, как появились. Снова взмахнул чародей жезлом, и такое разлилось по залу благоухание, словно все благовония мира, облагороженные человеческим искусством, предстали перед ними в одночасье. Пока присутствующие наслаждались запахами, монах еще раз взмахнул жезлом, и перед ними потянулась вереница людей из разных стран в одеждах, которые в тех землях носят. Были там русские, поляки, индийцы, армяне и многие другие, и каждый из них держал в руках меха тех зверей, которые в этих странах водятся, и эти меха дарили они королю и королеве. Эти меха были до того приятны на ощупь, что каждый, кто к ним прикасался, испытывал большое удовольствие. Принесшие же их люди тем временем, исполнив свои национальные танцы, удалились. Задал тогда брат Бэкон королю вопрос: желает ли он еще видеть его искусство? Король ответил, что пока его любопытство удовлетворено вполне и единственная его мысль — о том, как наградить человека, который так ему угодил. Бэкон отвечал, что другой награды, кроме доброго мнения его величества, не хочет и будет этим счастлив.

— Об этом, — ответил король, — не беспокойся и в знак моего расположения прими эту драгоценность. — С этими словами снял король с шеи дорогой камень и протянул монаху.

Тот почтительно поблагодарил короля и сказал:

— Верный слуга вашего величества почтет за честь и счастье исполнить любую вашу просьбу, в какой бы день и час вы к нему ни обратились. Но среди вашей свиты не вижу я человека, которого вы посылали за мной. Уж не сбился ли он с пути, или, быть может, что-то его задержало? Я обещал, что буду здесь раньше него, и все присутствующие здесь благородные господа могут подтвердить, что я сдержал слово. Но вот и он, я слышу его шаги.

Тут в зал вошел джентльмен, с ног до головы покрытый грязью, ибо скакать ему пришлось через лужи, канавы и трясину, так что костюм его был в плачевном состоянии. Увидев монаха, он разозлился и пожелал, чтобы чума сожрала тех бесов, которые заманили его в трясину и чуть не утопили.

— Не сердитесь, сэр, — отвечал Бэкон, — здесь вас дожидается старый друг, у которого больше причин сердиться, чем у вас, ибо она прождала вас целых три часа.

С этими словами он отодвинул занавеску, и все увидели за ней кухарку с черпаком в руке.

— Ну вот, теперь я сдержал данное вам слово. Я ведь обещал свести вас с подружкой. Как, довольны?

— О да, — ответил джентльмен, — так доволен, что непременно отплачу той же монетой.

На что брат Бэкон отвечал:

— Не грозитесь, сударь, а не то опозорю вас еще больше, а впредь поостерегитесь называть ученых лгунами. Однако я не знаю, богаты ли вы сейчас деньгами, а потому отправлю-ка лучше девушку домой за свой счет.

И кухарка исчезла. Король, королева и вся компания немало позабавились, наблюдая, как смутился кавалер при виде своей засаленной возлюбленной. Он же ушел из зала, склонив от стыда голову. Брат Бэкон попрощался с королем и королевой и отправился домой, увозя с собой благодарность за продемонстрированное им искусство и различные подарки.

О том, как брат Бэкон заставил своего слугу поститься не за страх, а за совесть

Был у брата Бэкона всего один слуга, да и тот не из самых умных, так что держал его монах больше из милосердия, чем ради пользы. Этот слуга (звали его Майлз) не выносил постов, которые всем духовным особам полагается соблюдать по их сану, и потому всегда припрятывал в каком-нибудь укромном уголке кусочек мясца, которое и жевал в то время, как его хозяин довольствовался одним хлебом или же вовсе ничего не ел. Брат Бэкон, приметив это, решил как-нибудь с ним поквитаться. И вот однажды в четверг вечером, накануне пятничного поста, сунул Майлз себе в карман кольцо кровяной колбасы, надеясь, должно быть, согреть ее таким образом, ибо в постные дни брат Бэкон приказывал не разжигать огня. На следующий день, в пятницу, слуга ходил с видом скромным, словно и не ел ничего. Когда хозяин предложил ему хлеба, он отказался, заявив, что грехи его столь велики, что и одного дня поста в неделю для их искупления мало. Хозяин похвалил его за это, но предостерег, чтобы тот крепился и не отступал от принятого решения, ибо тайное всегда становится явным.

— Да что же я, хуже турка, что ли! — возмутился Майлз и удалился в свою каморку, как будто хотел помолиться в уединении, но молиться-то он собирался не кому иному, как кровяной колбасе.

Вытащил он колбасу (она уже наполовину испеклась от жары) и напал на нее с жадностью, да не тут-то было: сунул он ее в рот, а ни откусить, ни вытащить не может. Испугался он, затопал, забился. Хозяин на шум пришел, взял колбасу за другой конец, повел слугу таким манером в зал, где сидели ученые монахи, и сказал:

— Поглядите, братья, на благочестивого человека, на слугу моего Майлза: совесть не позволяет ему прерывать постный день, так что он не может проглотить эту колбасу. Пусть послужит это нам всем примером, привяжите его к окну.

Привязали бедного Майлза к окну за колбасу, и стоял он там до конца дня, наподобие медведя, привязанного за сворку мордой к столбу, терпя насмешки и издевательства. Ночью хозяин избавил его от наказания, и Майлз дал обет: покуда жив, никогда больше не нарушать поста.

О том, как брат Бэкон спас джентльмена, продавшего душу дьяволу

Жил-был в Оксфордшире джентльмен, который через кутежи и разного рода излишества растратил преизрядное состояние, оставленное ему отцом, и впал в такую жестокую нужду, что не на что ему бывало порой купить куска хлеба, дабы поддержать свою

жалкую жизнь. Воспоминания о растраченном богатстве так его истерзали, что перестал он заботиться не только о теле, но и о душе своей. Этой его слабостью не преминул воспользоваться дьявол.

В минуту, когда горе и заботы совсем одолели бедного джентльмена (горевал он о прошлых безумствах, а беспокоился о том, на что будет жить до конца дней своих), пришел к нему дьявол и спросил, чего он хочет (пришел он, разумеется, не в устрашающем своем обличье, а под личиной старого ростовщика). Джентльмен удивился его внезапному появлению, но, услышав вопрос о том, что ему надобно, расхрабрился и ответил:

— Я хочу все! Мне нужны деньги, чтобы купить себе платье, деньги, чтобы купить еду, деньги, чтобы выкупить мои земли, и еще деньги, чтобы заплатить долги. Можешь ли и хочешь ли ты помочь мне в моем несчастье?

Дьявол отвечал:

— Могу. Дам тебе денег на все твои нужды, и притом немедленно, но при одном условии.

Обрадованный джентльмен воскликнул:

— На любых условиях! Только помоги, и клянусь, я выполню все, что ни потребуешь!

Но дьявол возразил:

— Клятвам я не верю. Мне нужны векселя. Если ты их подпишешь, то приходи завтра поутру на опушку леса, где я буду ждать тебя с деньгами.

— Приду, — согласился джентльмен (он, бедняга, рад был деньгам на любых условиях, как и сказал).

На следующий день пошел он в лес, где дьявол назначил ему свидание. Долго пришлось ему ждать, наконец завидел он дьявола, который приближался в сопровождении двух слуг, тащивших мешки с деньгами. Возрадовался бедный джентльмен, что снова будет жить по-человечески. Дьявол же, подойдя к нему, молвил:

— Сынок, я исполню обещанное, если ты согласишься на условия, которые я вот тут написал.

Джентльменотвечал:

— Охотно. Умоляю, читай.

Тогда дьявол прочел следующее:

— Я даю тебе столько денег, сколько нужно, с условием, что|5ы ты распорядился ими следующим образом. Во-первых, выкупил из заклада земли. Во-вторых, заплатил долги. В третьих, приобрел себе все необходимое. И наконец, как только должник рассчитается с долгами и снова вступит во владение землями, он должен приготовиться поступить в полную собственность заимодавца, когда тот этого пожелает.

Джентльмен под этим подписался и забрал деньги. Вскоре он уже приобрел все, что необходимо для жизни, выкупил земли и раздал все долги, так что не осталось на свете человека, который был бы вправе потребовать с него хотя бы пенни.

Зажил с тех пор джентльмен так добродетельно, что вскоре опять стали верить ему в долг, а состояние его приумножилось и превзошло отцовское. Но недолго длилось счастье: появился однажды в его кабинете дьявол и молвил:

— Земли твои выкуплены, долги оплачены, настало время предоставить себя в мое распоряжение, как сказано в векселе.

Забеспокоился джентльмен и призадумался, как это вдруг он станет рабом человека, которого совсем не знает. (Он еще не догадался, что его заимодавец — дьявол.) Но, понуждаемый к ответу (дьяволом), сказал он, что еще не со всеми долгами рассчитался, а стало быть, по условиям контракта, не обязан пока расплачиваться. Рассвирепевший дьявол принял свое истинное обличье и воскликнул:

— Ах ты, жалкий негодяй, не ищи себе оправданий, я-то знаю, что все это ложь, и завтра утром представлю доказательства, а до тех пор оставляю тебя терзаться отчаянием. — И с шумом улетел, а джентльмен застыл на месте, полумертвый от страха.

Придя немного в себя, джентльмен начал раздумывать над своим бедственным

положением, Жалея, что не дожил век в бедности, и проклиная честолюбивые свои мысли, которые заставили его Добиваться возвращения состояния, растраченного в буйных кутежах. После этого проклял он свою Жизнь блудного сына, которая и была истинной причиной его нынешнего злосчастья. Долго он так терзался, пока не решился наконец покончить с жизнью и не вышел с такими мыслями на улицу в поисках способа отделаться от опостылевшей жизни, где и встретил монаха. Джентльмен уже воткнул свой меч в землю острием вверх и готовился броситься на него, когда монах увидал его и велел ему остановиться, что он и сделал. Брат Бэкон спросил, какова причина отчаяния столь глубокого, что оно заставляет его кидаться очертя голову прямо к черту в пекло?

— О сэр, — ответил несчастный, — причина тому имеется, и пресерьезная, так что я попрошу больше меня не беспокоить, а предоставить моей судьбе.

Такой ответ одновременно и удивил монаха, и заставил его почувствовать сострадание к несчастному. Он продолжал:

— Сэр, если я теперь позволю вам добровольно навлечь на себя вечное проклятие, то недостоин буду не только носить, но даже притронуться к одеянию того святого ордена, которому служу. Вы, без сомнения, знаете, что Святая Церковь обладает властью отпускать грехи, в коих человек добровольно покается. Так не отвергайте же из пустого каприза возможность спасения. Исповедуйтесь мне во всех своих грехах немедленно, — умолял его монах, — и вам тут же полегчает. Джентльмен отвечал:

— Святой отец, я знаю, что вы говорите правду, и множество раз принимал я утешение, протянутое мне Святой Церковью (я не говорю «нашей», ибо, боюсь, никогда она не примет меня в свое материнское лоно), но сейчас я не имею права на благословение. Однако, раз вы просите, будь по-вашему: слушайте и трепещите. Знайте же, что я продал душу дьяволу за богатство и завтра утром в этом лесу он возьмет меня в преисподнюю. Теперь вам ведома моя беда, но как ее избежать, никто не знает.

Брат Бэкон молвил:

— Странная история. Однако утешьтесь, слезы раскаяния на многое способны, так что плачьте, не стыдитесь. Вскоре я навещу вас в вашем доме и принесу вам желанное утешение (надеюсь), и вы снова вернетесь на стезю добра.

Джентльмена эти слова немного подбодрили, и он отправился домой. Ночью пришел к нему брат Бэкон и застал несчастного в слезах, ибо тот надеялся, оплакивая смрадные грехи свои, вымолить себе прощение. Спросил его монах, какой контракт подписал он с дьяволом. Джентльмен ответил, что обязан предаться тому душой и телом, как только рассчитается со всеми долгами. А сейчас не должен он ни единой живой душе ни пенни.

— Что ж, — отвечал брат Бэкон, — продолжайте оплакивать грехи свои, а завтра, не боясь ничего, идите в лес и доверьтесь суждению первого встречного о том, принадлежите вы дьяволу или нет. Не бойтесь и делайте, как я говорю, и можете быть уверенным, что первым встречным окажусь я и дам в вашу пользу такое свидетельство, что Дьявол от вас отстанет. — С этими словами брат Бэкон отправился домой, а джентльмен продолжал молиться.

Наутро джентльмен, благословясь, пошел в лес, где его уже поджидал дьявол. Как только он подошел ближе, дьявол вскричал:

— А, явился, обманщик! Ну, теперь-то я тебе докажу, что все твои долги оплачены, и, стало быть, душа твоя по справедливости принадлежит мне.

На что джентльмен отвечал:

— Нет, это ты обманщик, ты нарочно дал мне денег, чтобы выманить у меня душу, а теперь хочешь сам все дело покончить. Давай-ка лучше найдем человека, который нас рассудит.

Дьявол согласился.

— Хорошо, — говорит, — позови кого хочешь. Джентльмен предложил пригласить в судьи

первого встречного. Дьявол, и на это был согласен. Не успели они договориться, как

видят, идет брат Бэкон, к которому джентльмен и обратился с просьбой рассудить их в одном важном деле. Монах согласился, и обе стороны были довольны. Дьявол объяснил ему, какой у них приключился спор.

— Знай же, монах, что я повстречал этого грешника, когда он погибал от голода, и дал ему денег не только на еду и платье, но и на выкуп из заклада земли и на то, чтобы рассчитаться с долгами, при условии, что, как только он выплатит все свои долги, он отдаст себя мне по доброй воле в полную собственность. И вот момент настал, долги выплачены, и он, по совести, не может этого отрицать. Дело ясное: видишь, он молчит, стало быть, знает, что это так, — закончил дьявол. — Так вынеси же справедливый приговор.

Брат Бэкон отвечал:

— Хорошо. Но скажите мне прежде, — обратился он к джентльмену, — не возвращали ли вы дьяволу хотя бы часть той суммы, которую он одолжил вам, и не пытались ли расплатиться хоть каким-то образом?

Джентльмен молвил:

— Нет, он ничего от меня не получал.

— Ну, так и не давайте ему ничего и никогда — и будете свободны. Враг человечества, — обратился монах к дьяволу, — условия вашей сделки гласят, что ты не можешь требовать от него ничего, пока он должен кому-то хоть пенни. Так как же ты притязаешь на его душу, когда всем, что есть у него, он обязан тебе? Вот когда он вернет тебе твои деньги, тогда и возьмешь, что тебе причитается. До тех пор оставь его в покое. А сейчас сгинь, заклинаю тебя.

И дьявол с великим шумом и страхом удалился, а брат Бэкон утешил джентльмена и отправил его домой с наказом не давать дьяволу ни пенни, если дорожит своей душой. Джентльмен пообещал строго придерживаться этого завета.

О том, как брат Бэкон соорудил говорящую голову из бронзы, чтобы обнести всю Англию бронзовой стеной

Прочел однажды брат Бэкон о многочисленных завоеваниях, которым прежде подвергалась Англия, и задумался, как бы так сделать, чтобы такого не повторялось впредь и обессмертить тем самым свое имя в памяти потомства. Долго он изучал этот вопрос, пока не пришел наконец к выводу, что самый лучший способ это сделать такой: соорудить из бронзы голову, которая могла бы гофрить, и, когда она подаст голос, окружить всю Англию бронзой. Для этой цели взял он себе в помощники брата Банджи, тоже великого ученого и волшебника, но, конечно, с братом Бэконом он сравниться не мог, и вместе они с большими и длительными трудами соорудили бронзовую голову таким образом, что внутриона была точь-в-точь как человеческая. Закончив эту работу, они поняли, что столь же далеки от своей цели, сколь и в начале, ибо надлежало заставить разные части головы двигаться, без чего она не могла заговорить, а как это сделать, они не знали. Много книг они прочли, но ответа на свой вопрос так и не встретили и решили тогда вызвать духа, чтобы он подсказал им то, чего они не знали. Приготовили они все для этого и пошли в ближайший лес, где после долгих церемоний произнесли заклинание, и явился к ним дьявол и спросил, чего они хотят.

— Знай, — отвечал брат Бэкон, — что мы сделали голову из бронзы и хотим, чтобы она заговорила, для этого мы и вызвали тебя и будем держать здесь, пока не скажешь, как этого добиться.

Дьявол ответил, что и сам не знает, как эта сделать.

— Отец лжи, — продолжал Бэкон, — мне известно, что тебе это ведомо, а потому говори, иначе мы оставим тебя тут для забавы.

Испугался дьявол этой угрозы и открыл им секрет: если поддерживать под головой огонь шести жаровен, то она задвигается, а через месяц заговорит, но в какое время дня или месяца сие произойдет, ему неведомо. А еще сказал он им, что если они ее слов не услышат,

то вся их работа пойдет насмарку. Они, удовлетворившись ответом духа, его отпустили.

Пришли монахи домой, зажгли жаровни, напустили дыму и стали ждать, когда голова заговорит. Так ждали они три недели без сна и отдыха и наконец так устали, что больше было невмоготу. Позвал тогда брат Бэкон слугу своего Майлза и сказал, что им с братом Банджи стоило великих трудов только соорудить эту голову, а сколько еще потребуется, прежде чем они услышат от нее хотя бы слово, но если они это слово пропустят, то потерян тогда будет весь их труд, а вместе с тем и вся Англия понесет большую потерю. Наказал он Майлзу смотреть и слушать, пока они будут спать, а если голова заговорит, разбудить их.

— Не тревожьтесь, добрые господа, — отвечал им Майлз, — я не засну, а буду смотреть и слушать, и, если вдруг случится той голове заговорить, я вас тут же позову. А до тех пор ложитесь и отдыхайте, и предоставьте мне следить за головой.

Брат Бэкон еще раз повторил ему, что надо делать, и пошли они с братом Банджи на боковую, а Майлз остался сторожить голову. Чтобы не заснуть, припас он маленький барабанчик и дудку и, будучи в хорошем расположении духа, запел такую песенку на северный манер:

В обычае плодиться
У всех живых существ.
Чего ж мне не влюбиться,
Когда любовь не грех?

Но мне нужна красотка,
Чьи щечки — как заря,
Чтоб запылать восторгом,
Как лягу с нею я.

Не будет пусть она честна,
Была бы лишь богата.
Когда изменит мне жена,
Других найдут деньжата.

Светел волос — вертихвостка,
Коль горда — чернявая.
Найду русую девчонку,
Давай, скрипач, наяривай!

Давай, скрипач, наяривай!
У Пегги волос рус.
Благослови нас с ней Господь
На брачный на союз.

Так он развлекал себя песнями да музыкой и не давал себе заснуть. А голова слушала этот шум, слушала и говорит:

— Время пришло.

Видит Майлз, что голова больше ничего не говорит, и, решив, что хозяин, должно быть, на него рассердится, если он его из-за такой малости разбудит, принялся голову передразнивать:

— Ах ты, наглая медная рожа, мой хозяин столько с тобой возился, и чем же ты ему

отплатила: «Время пришло». Да уж лучше бы он провел столько бессонных ночей с каким-нибудь законником, чем с тобой: по крайней мере слов больше услышал бы, да каких слов! А ты, если уж ничего путного сказать не можешь, так молчи, а то тоже мне: «Время пришло». По мне, так пусть лучше они спят до судного дня, чем слушать такие глупости. Сам знаю, что время пришло, медная твоя башка. Вот ты у меня сейчас услышишь:

Есть время огород сажать,
Есть время в поле сеять,
Есть время наставлять рога,
Как некоторые верят.

Есть время пообедать,
Есть время лечь в кровать,
Есть время посмеяться,
А есть и порыдать.

Есть время песни поорать,
Есть время помолиться,
Есть время к дому отползать
Тем, кто опять напился.

Есть время выдрать сводню,
Есть время шлюх пороть,
Есть время вздернуть вора,
Есть время чушь молоть.

Ты, медный нос, еще будешь нам, ученым, указывать, пришло время или не пришло. Мы и сами знаем, когда пьяным напиваться, когда с хозяйкой целоваться, когда в долг пить, а когда и по счету платить, хотя такое время не часто наступает.

Так миновало еще полчаса, и голова произнесла еще два слова:

— Время прошло.

Майлзу эти слова так же мало показались, как и прежние, и снова он не стал будить хозяев, а продолжал насмешничать, что, мол, вот оловянная башка имела учителем его хозяина, а слов больше никаких не знает, и запел такую песню:

— Было время, когда в котелке том еда
Кипела и ночью и днем.
Но брат Бэкон пришел. Молвил: «Нехорошо,
Мяса нынче не сыщешь ты в нем».

Было время, когда хоть немного стыда
У чиновника всякого было.
Было время, когда чужая беда
Законника не кормила.

Было время, когда лорды и беднота
Из одного были теста.

Было время, когда не держали плута
На службе на королевской.

Было время, когда ключевая вода
Зеркалом людям служила.
Было время, когда девичья красота
С румянами не дружила.

«Время прошло»! Без тебя знаю, какие прежде были времена и что в те времена приключалось с людьми; а ты, медная башка, коли ничего поумнее не скажешь, хозяина моего не увидишь.

Так Майлз пел и разговаривал еще полчаса, когда вдруг голова заговорила снова и произнесла такие слова:

— Время ушло.

Затем она повалилась на пол, раздался страшный грохот, повалил дым и пламя, Майлз сидел ни живой ни мертвый от страха. Тут уж монахи сами проснулись, прибежали на шум, видят — комната полна дыма. Когда дым рассеялся, увидели они голову, что валялась на полу, загоревали и стали Майлза расспрашивать, как такое случилось. Тот, полумертвый от страха, отвечал, что она сама собой рухнула, а он от грохота и пламени чуть рассудка не лишился. Брат Бэкон его спрашивает:

— Говорила она что-нибудь?

— Да, — отвечал Майлз, — говорила, да только бессвязно; по мне, так попугай за то время, что вы на нее потратили, лучше бы научился.

Тут брат Бэкон схватился за голову и воскликнул:

— Ах ты, негодяй! Через тебя нам всем погибель придет. Разбуди ты нас, когда она заговорила, и мы обнесли бы всю Англию бронзовой стеной, к вечной ее славе и нашей чести. Что она сказала?

Майлз отвечал:

— Да почти ничего, и то не самые умные слова, которые мне слыхивать доводилось. Сначала она сказала: «Время пришло».

— Ну почему ты не позвал нас тогда? — простонал брат Бэкон. — Сейчас мы бы уже были в безопасности.

Майлз продолжал:

— Через полчаса она заговорила опять и сказала: «Время прошло».

Тут вмешался Банджи:

— Почему же ты не позвал нас?

— Увы, — сокрушался Майлз, — я надеялся, что она скажет мне что-нибудь подлиннее, и тогда я вас позову. Но она, когда прошло еще полчаса, завопила: «Время ушло» — и с таким грохотом повалилась на пол, что тут уж вы и сами проснулись.

Брат Бэкон, услышав это, так разъярился, что хотел слугу своего прибить, да брат Банджи удержал его. Но все-таки хозяин наказал его, сделав так, что он целый месяц не мог слова молвить. Так великие труды двух ученых мужей сошли на нет (к их глубокому сожалению) из-за мужика-простофили.

О том, как брат Бэкон взял благодаря своему искусству город, перед которым король стоял три месяца и ничего не мог сделать

В те времена, когда монах Бэкон творил свои чудные дела, английским королям принадлежала значительная часть Франции, которой они владели до тех самых пор, пока смуты и волнения в этих самых землях не принудили их уйти оттуда. Случилось однажды

так, что английский король по какой-то причине (ведомой лишь ему одному) отправился во Францию с большим войском. Поначалу одержал он много побед, но потом осадил один большой город, у стен которого простоял полных три месяца и ничего не смог сделать, только сам потерпел урон. И так это короля раззадорило, что решил он во что бы то ни стало добиться сдачи города, хоть силой, хоть хитростью. С этой целью повелел он объявить, что всякий, кто найдет способ подчинить непокорный город, тотчас получит за свои труды десять тысяч золотых монет. Так и было объявлено, однако желающих не нашлось. Со временем весть о награде достигла и Англии. Услышал об этом и монах Бэкон, тут же собрался и поехал во Францию, где предстал перед королем, и молвил ему так:

— Ваше величество, должно быть, не забыли еще своего покорного слугу Бэкона, которому при последней нашей встрече выказали столько доброжелательства, что оно побудило меня оставить мою страну и поспешить к вам на службу. Умоляю ваше величество располагать мною и моим скромным искусством по своему усмотрению.

Король поблагодарил его за добрые слова и ответил, что при настоящем положении вещей больше толку было бы от армии, чем от искусства, и что бравые солдаты сгодились бы ему сейчас куда больше, чем ученые монахи. Бэкон отвечал:

— Ваше величество говорит справедливо. Однако позвольте заметить, что искусством порой можно добиться того, что армии не под силу, и я берусь показать это на примерах. Речь идет лишь о чудесах природы и искусства, ни о какой магии я не говорю. Так, силою искусства возможно построить корабли, которые станут ходить по морю без гребцов, а управлять ими можно будет и в одиночку, двигаться же они при этом будут куда быстрее, чем суда с полной командой. Возможно также построить колесницы, которые будут катиться с неимоверной быстротой без помощи живых существ. Наконец, можно даже создать летательный аппарат, снабженный приспособлением для подъема и опускания крыльев, и если посадить в него человека, который эти крылья будет приводить в движение, то аппарат полетит подобно птице. А при помощи инструмента в три пальца шириной и три пальца высотой человек может освободиться из любого заключения. Можно также сделать инструмент, при помощи которого один человек может притянуть к себе тысячу людей, хотят они того или нет. Искусство способно создать и такой инструмент, с помощью которого человек сможет шагать по дну реки или моря без всякой опасности для жизни. Александр Великий пользовался им (сообщает древний философ), чтобы проникнуть в тайны моря. Однако еще более странные возможности предоставляет физика: например, при помощи системы зеркал можно сделать так, что один человек будет казаться армией, а солнце или луна начнут двоиться. Перспективу можно выстроить и таким образом, что предметы далекие станут казаться близкими, или наоборот. Именно так Юлий Цезарь наблюдал с французского берега за тем, что происходило в одном из английских замков. Можно устроить так, что самые крупные части тел будут казаться самыми мелкими, высокие — низкими, а потаенные — открытыми, или наоборот. Так Сократ узнал, что дракон, который своим ревом и смрадным дыханием испепелил целый город и окружающую его местность, обитал в логове между гор. Точно так же можно узнавать обо всем, что происходит в стане врага. Можно устроить так, что яд и зараза будут поражать именно те тела, какие нужно. Этому научил Александра Аристотель: яд василиска подняли на городскую стену, отчего зараза по городу распространилась и жители его погибли. При помощи перспективы можно заставить человека поверить в то, чего на самом деле не существует, например будто он видит несметные сокровища, хотя перед ним нет абсолютно ничего. Однако куда больше искусства требуется для того, чтобы, собрав в пучок лучи и пропустив их через вогнутые и выпуклые стекла, поджечь то, что находится перед или между ними. Самое же высокое искусство требуется для описания небесных тел, их вида, размера, а также направления движения по небесному своду. Такие познания для истинно мудрого человека дороже королевства. Думаю, этих примеров достаточно для того, чтобы показать, на что способно искусство, о мой августейший повелитель. И все это, а также многое другое, еще более странное, я могу исполнить. Поэтому не раздумывайте больше о

том, как взять этот город, ибо благодаря моему искусству ваше желание вскоре сбудется.

Король слушал его речь с большим восторгом; когда же ученый дошел до того, что сможет взять город, не удержался монарх и разразился такой речью:

— Ученейший Бэкон, сделай, как говоришь, и я дам тебе любые богатства и любые почести, каких только пожелаешь, так же незамедлительно, как сейчас обещаю.

— Расположение вашего величества — вот все, чего я желаю, — отвечал монах. — Даруйте мне его, и для меня не будет большей чести; что до богатства, то я, как мудрец, ищу его лишь в том случае, когда есть для него конкретное применение. Пусть ваши люди сложат гору высотой с крепостные стены, даже, пожалуй, побольше, тогда и сами увидите перспективу, о которой я рассказывал.

Через два дня гору подняли. Монах с королем взошли на гору, и тогда Бэкон показал королю весь город в зеркале как на ладони. Король сильно удивился, а Бэкон ответил, что время удивляться настанет завтра к полудню. К этому времени велел он поднять всю армию и приказать ей лезть на стену, как только он, Бэкон, подаст сигнал с вершины горы. Король пообещал сделать так, а сам вернулся в свой шатер, довольный, что непокорный город вот-вот падет. Наутро поднялся Бэкон на гору и установил свои зеркала и прочие инструменты. Тем временем король собрал армию и отдал солдатам приказ готовиться к атаке: она должна была начаться после условленного взмаха флажком. В девять часов Бэкон поджег ратушу и некоторые другие строения, используя только свои математические зеркала. В городе поднялся страшный переполох, никто не мог понять, как такое приключилось. Пока жители тушили пожары, Бэкон подал сигнал флажком. Король, увидев сигнал, повел армию в атаку и легко взял город. Так при помощи ученого человека король покорил город, который до этого не могла сломить вся его армия.

О том, как брат Бэкон одержал победу над немецким колдуном Вандермастом и приказал вызванному им духу отнести его в Германию

Король Англии, взяв город, выказал его жителям большую милость: одних отпустил на свободу бесплатно, других — за золото. Город же сделал своим, заставив именитых граждан присягнуть ему на верность. Вскоре от короля французского к королю английскому прибыл посол вести мирные переговоры. Король этого посла радушно принял, щедро (как и положено особам королевской крови) угощал лучшими яствами, развлекал как мог. Посол, видя, как обильно английский король осыпает его милостями, решил в долгу не оставаться, а отплатить ему тем же и с этим намерением послал за одним своим слугой, немцем по имени Вандермаст, великим колдуном. Когда тот прибыл, посол сказал, что в благодарность за все те милости, которые явил ему его величество, он покажет королю (при помощи своего слуги) чудеса, равных которым он не видал. Король поинтересовался, какого рода будут эти чудеса. Посол ответил, что творят их благодаря магическому искусству. Король, это услыхав, немедленно послал за братом Бэконом, который тут же явился вместе с братом Банджи.

Когда окончился праздничный обед, Вандермаст спросил короля, желает ли он увидеть дух человека, давно покинувшего этот мир. И если такое желание король имеет, то он, Вандермаст, берется вызвать упомянутого духа в том самом обличье, которое этот человек имел при жизни. Король ответил, что желает видеть Помпея Великого, не знавшего себе равных при жизни. Вандермаст вызвал его в том самом виде, в каком он сражался в битве при Фарсалии, где и был убит. Все были очень довольны. Тогда брат Бэкон вызвал дух Цезаря, выше которого не было при жизни и который убил Помпея при Фарсалии. При виде его все, кроме короля, который посылал за монахом, страшно удивились, а Вандермаст сказал, что среди присутствующих есть великий маг, и пожелал его увидеть. Показался брат Бэкон и сказал:

— Это я, Вандермаст, вызвал дух Юлия Цезаря, отчасти для того, чтобы выполнить королевскую волю, но в основном для того, чтобы победить Помпея, что он уже сделал в

битве при Фарсалии и что сейчас повторит вновь.

И тут же между Помпеем и Цезарем разгорелась великая битва, которая продолжалась долгое время, к удовольствию всех, и в особенности Ван-дермаста. Наконец Помпеи был побежден и убит Цезарем, после чего оба пропали.

— Милорд посол, — молвил король, — думается мне, что мой англичанин обставил твоего немца. Не найдется ли у того других фокусов, получше?

На что Вандермаст отвечал:

— Да, ваше величество, сейчас вы увидите, как я обставлю вашего англичанина прежде, чем мы все выйдем отсюда. Готовься, монах, собери все свои силы, чтобы противостоять мне.

— Увы, — молвил брат Бэкон, — чтобы противостоять тебе, много сил не надо. Здесь со мной Мой подчиненный, — и он указал на брата Бандой) — потягайся-ка с ним, ну а уж если его одолеешь, то и я в дело вступлю, но не раньше.

Начал брат Банджи свое искусство показывать. Полистал он книжку и вырастил вдруг у всех на глазах дерево Гесперид, на котором зрели золотые яблоки. Яблоки те охранял дракон, свернувшись в кольцо у корней дерева. Сделав это, обратился кудесник к Вандермасту и попросил его найти того, кто эти яблоки с дерева сорвать сможет. Тогда Вандермаст вызвал дух Геркулеса, в той самой одежде и с той самой дубиной на плече, которую он носил при жизни.

— Вот тот, — молвил Вандермаст, — кому под силу сорвать с дерева яблоки. Это Геркулес, который при жизни рвал эти плоды и заставлял дракона корчиться от страха. Вот и теперь он соберет их, какие бы ни чинили ему препятствия.

Но, как только Геркулес шагнул к дереву, взмахнул брат Бэкон своим волшебным жезлом, и Геркулес остановился, словно испугавшись. Вандермаст потребовал, чтобы он сорвал плод, иначе ждут его страшные кары. Геркулес на это отвечал:

— Я не могу и не смею, ибо великий Бэкон запрещает мне, а его чары куда могущественнее твоих, о Вандермаст.

Тут немец обругал Геркулеса и продолжил запугивать его. Но Бэкон рассмеялся и сказал, что не над чем тут трудиться, путешествие его подошло к концу.

— Видя, — продолжал он, — что Геркулес не повинуется твоим приказам, я попрошу его оказать тебе одну услугу. — И велел Геркулесу унести его домой в Германию.

Дух повиновался ему, взвалил Вандермаста на закорки и вместе с ним пропал из виду.

— Подожди, монах! — вскричал посол. — Я не расстанусь с Вандермастом и за половину своих земель.

Бэкон отвечал:

— Успокойтесь, милорд. Я всего лишь отправил его домой повидаться с женой и детишками, в скором времени он вернется.

Король поблагодарил брата Бэкона и дал ему подарки, которые тот не хотел принимать, да пришлось, очень уж монарх настаивал. Монах Бэкон так мало ценил деньги, что никогда не брал их у короля.

О том, как брат Бэкон мудростью своей спас жизнь трем братьям

После того как между французским и английским королями был установлен мир, король Англии вернулся в свою страну, где все подданные встретили его с большой радостью. Однако в его отсутствие случился между тремя братьями раздор, равного которому никто никогда не видел. Было это так. Умер богатый джентльмен, и осталось после него три сына. По какой-то причине (лишь ему одному ведомой) покойный не разделил между ними наследство, как полагается, а сказал так:

— Все вы мои сыновья, и люблю я всех вас троих одинаково. Всю мою жизнь старался я поступать с вами по справедливости, никого не выделяя и не обижая, и вот теперь хочу

оставить мои земли и состояние тому из вас, кто любит меня больше других. — Таковы были последние его слова касательно земных дел.

Когда отец умер и был похоронен, начались между братьями споры и раздоры: никак они не могли поделить между собой наследство, каждый доказывал, что любил отца больше других. Даже самые ловкие законники королевства ничего не могли с их случаем поделать, так что обратились братья к королю с просьбой позволить им решить дело поединком, ибо делить между собой землю и деньги они отказывались, каждый хотел получить или все, или ничего. Король, не видя другой возможности разрешить спор, дал согласие на поединок. Было условлено, что сначала два старших брата станут биться между собой, а потом победитель сразится с младшим, и тот, кто останется в живых, получит все.

Назначенный для поединка день настал, и все три брата явились в полном вооружении. Случилось там быть брату Бэкону. Увидел он трех здоровых молодых людей, двоим из которых суждено было вскоре погибнуть, да еще и от руки кровного родственника, опечалился и пошел к королю просить, чтобы тот отложил поединок, и пообещал, что найдет способ покончить это дело без кровопролития. Король, услышав эти слова, очень обрадовался, приказал, чтобы привели к нему братьев, и сказал им так:

— Джентльмены, я нашел способ решить ваш спор без кровопролития и ко всеобщему удовлетворению. Согласны ли вы подчиниться решению судьи, которого я назначу?

Братья ответили, что согласны. Тогда король велел им ехать домой и возвращаться через три дня. За это время по приказу брата Бэкона труп их отца подняли из могилы, принесли на королевский двор и привязали там к столбу. Монах приказал снять с трупа одежду до пояса и приготовить три лука со стрелами. Все эти приготовления велись в строгой тайне.

На третий день приехали братья, которым Бэкон в присутствии короля дал луки и стрелы, сказав:

— Не обижайтесь на то, что я сейчас сделаю, нодругого способа разрешить ваш спор нет. Вот перед вами мертвое тело вашего отца, стреляйте ему в грудь; чья стрела пройдет ближе других к сердцу, тому и быть наследником.

Двое старших тут же прицелились, выстрелили, и оба попали отцу в грудь. Тогда пришла очередь младшего, но тот отказался, сказав:

— Лучше я потеряю все, чем буду стрелять в тело, которое так любил при жизни. Будь в вас хоть половина той любви к отцу, которую испытываю я, вы бы скорее дали растерзать собственные тела, чем позволили так обращаться с его мертвым телом. А вы не только позор терпите, но еще и сами в нем участвуете. — И, промолвив это, заплакал.

Брат Бэкон, видя это, решил дело в его пользу, ибо из троих сыновей младший любил отца больше всех, он и стал наследником. Двое старших ушли, пристыженные тем, что натворили. Все люди очень хвалили брата Бэкона за этот поступок, ибо он не только вынес мудрое решение, но и уберег братьев от кровопролития, которое неизбежно свершилось бы, сойдись они в поединке.

О том, как брат Бэкон обошелся с ограбившими его ворами и как его слуга Майлз позабавился с ними

Прошел по стране слух, будто король одарил Бэкона несметными сокровищами. Достиг он и ушей трех воров, которые решили дом Бэкона ограбить, и сделали они это так. Постучали в дверь, и, как только слуга монаха Майлз отпер, они его скрутили и втащили в дом. Потом нашли самого брата Бэкона и заявили ему, что пришли за деньгами и до тех пор, пока желаемое не получат, покидать его дом не намерены. Он ответил им, что как раз сейчас с деньгами у него туговато, и попросил зайти как-нибудь в другой раз. Они же отвечали, что, как им известно, денег у него предостаточно, и потому пусть *лучше* отдаст по-хорошему и не заставляет их применять к нему те меры, о которых сам впоследствии сильно пожалеет.

Он, видя, как решительно они настроены, отдал им все, что у него на тот момент было: по сотне фунтов на брата. Воры этим удовлетворились и хотели было идти восвояси, как вдруг брат Бэкон им говорит:

— Нет, дорогие господа, задержитесь еще чуть-чуть, послушайте, как мой слуга играет: думается, после того, как я удовлетворил ваше желание, вы не откажете мне в столь ничтожной просьбе.

Воры отвечали:

— Нет, не откажем.

Тут Майлз понял, что настала пора ему с ворами поквитаться, взял свою дудку и барабанчик и заиграл веселую мелодию. Услышав его игру, воры (без всякого своего на то желания) пустились в пляс, да такие замысловатые коленца принялись выкидывать, что скоро утомились (мешки-то с деньгами они по-прежнему в руках держали). Но брату Бэкону этого показалось мало, и он велел Майлзу заставить их плясать, сколько сочтет нужным. Майлз вышел в поле, воры за ним, все так же буйно выплясывая на старинный манер. Провел он их через широкую канаву, полную воды, и опять они пошли за ним, да только не тем путем, какой он избрал (он-то пошел по мосту, а они из-за того, что не могли перестать плясать, на мосту не удержались и свалились в воду, но и там продолжали отплясывать). Завел он их в такое место, где лошади было по брюхо, а они за ним, перепачкались, как свиньи, которые в канаве целый день валяются. Иногда давал он им передохнуть, но лишь для того, чтобы потешиться над ними вдоволь. А они до того устали, что всякий раз, как он переставал играть, падали наземь и засыпали. Но он начинал снова, и опять воры подскакивали и следовали за ним. Так прошла почти целая ночь. Наконец Майлз сжалился, перестал играть и дал им отдых. Воры тотчас упали на землю и заснули, а он взял у них мешки с деньгами и, приготовившись идти восвояси, спел им на прощание песню на мотив «Не обижай меня, незнакомец»:

Вы, воры лихие, ребята шальные,
Сводни и сутенеры,
Трех бедных плутов оплачьте случай,
К огню пустите их споро.

В грязи лежат, как свиньи храпят,
Но вовсе им не тепло:
Так славно начавшись, грабеж не удался,
Разбойничкам не повезло.

Уж были денежки в руках, да утекли, увы и ах,
Чудная вышла штука:
Когда бы всяк, кто красть пришел, такой прием везде нашел,
Была б ворам наука.

Как только встанут поутру, придется им не по нутру
Нежданная потеря:
И станут думать да гадать, куда могли добро девать,
Глазам своим не веря.

Подружки ждут их с кошельком
На золотой подкладке,

Они же явятся ни с чем:
Придется им несладко.

Быть щедрою должна рука
Того, кто шлюху любит.
Но, промышляя грабежом,
Он жизнь свою загубит.

Вряд ли эта песня их чему научила, потому что они крепко спали, пока Майлз пел. Так он их и оставил, а они продолжали спать, хотя были с ног до головы мокрые. Майлз отдал хозяину его деньги и рассказал всю историю веселого путешествия. Хозяин посмеялся и пожелал, чтобы все воры и мошенники подвергались такому наказанию. Воры на следующее утро проснулись, обнаружили, что лежат на голой земле, мокрые с головы до ног и без денег, и решили, что это, должно быть, Божественное провидение наказало их за то, что они посмели ограбить монаха. Они тут же поклялись впредь никогда не поднимать руку ни на одного церковника.

О том, как Вандермаст, желая отомстить за позор, который заставил его претерпеть брат Бэкон, послал солдата убить его, но Бэкон не только смерти избежал, но и солдата из безбожника в доброго христианина превратил

Сидел однажды брат Бэкон в своем кабинете и изучал опасности, которые грозили ему в текущем месяце, как вдруг увидел, что на вторую неделю этого самого месяца, на часы между рассветом и закатом, падает великая опасность, угрожающая, если он не остережется, самой его жизни. Эта увиденная им опасность исходила от немецкого колдуна Вандермаста, который поклялся отомстить за свой позор. С этой целью нанял он валлонского солдата и заплатил ему сто крон, пятьдесят дал задатку, а еще пятьдесят пообещал заплатить после того, как дело будет сделано.

Брат Бэкон, чтобы избежать опасности, взял за правило держать в руке бронзовый шар во время чтения, а под руку с шаром ставил медный таз, так что, коли случалось ему, читая, заснуть, шар падал в таз и от грохота монах просыпался. И вот сидел он однажды таким манером в кабинете и заснул, а тут явился валлонский солдат, вытащил меч и хотел его убить, да шар выпал из руки монаха и разбудил его. Монах открыл глаза, увидел стоявшего перед ним с мечом наголо солдата и спрашивает:

— Кто ты такой? И откуда явился?

На что солдат, нисколько не смутившись, отвечал ему так:

— Я валлон, солдат и мерзавец. Сюда я пришел потому, что меня послали. А послали меня потому, что наняли. А наняли меня потому, что никто, кроме меня, на такое не осмелится. Но то, что надлежит мне сделать, не сделано. А надлежит мне убить тебя. Теперь ты знаешь, зачем я пришел.

Подивился брат Бэкон решимости солдата и спрашивает:

— А кто же тебя нанял совершить убийство? Тот так же смело отвечал:

— Вандермаст, немецкий чародей.

Тогда брат Бэкон его спросил, какую религию он исповедует.

— Ту же, что и многие другие, — молвил солдат. — Главные ее принципы таковы: ходить в кабак с таким же усердием, что и в церковь, воздерживаться от зла, пока не представится случай, и делать добро против воли. На что Бэкон заметил:

— Хорошее занятие для дьявола. А в ад ты веришь?

— Нет, не верю, — отвечал ему солдат.

— Ну что ж, тогда смотри, — молвил монах и в ту же секунду призвал дух Юлиана

Отступника, все тело которого пылало, покрытое ранами, такими громадными, что солдат от страха чуть ума не лишился. А Бэкон повелел духу говорить, кем он был при жизни и за что претерпевает мучения.

Тот заговорил:

— Был я во время оно римским императором. Некоторые полагают, будто в величии счастье. Но мое счастье заключалось не в империи, и, сумей я его сохранить, я был бы и теперь счастлив. Лучше было бы мне потерять империю, чем счастье. Я был христианином, и в этом состояло мое счастье. Но себялюбие и гордость заставили меня от него отказаться. За это и терплю я пытки вечные. Такие же испытания приуготовляются на том свете и для прочих неверующих, подобных мне. — И с этими словами дух исчез.

Все это время солдат трясся и потел так, будто пытали его самого. Потом упал он перед братом Бэконом на колени и стал молить наставить его на путь истинный, которого он никогда не знал раньше. Брат Бэкон, пообещав, что впредь солдат будет обходиться без его помощи, дал ему требуемое наставление, а также снабдил деньгами и отправил воевать в Святую землю, где воин вскоре и погиб.

О том, как монах Бэкон обманул старого ростовщика

Был у монаха Бэкона сосед, старый скряга, который давал в рост деньги и обладал огромным богатством, но никогда не помогал бедным, хотя брат Бэкон и намекал ему не однажды, что хорошо бы заняться благотворительностью, пока жив. Видя, что намеки не помогают, сделал брат Бэкон волшебный горшок, который, если на него поглядеть, казался полным золота. Взял он этот горшок и пошел с ним к старому ростовщику. Пришел и говорит:

— Скопил я за свою жизнь немало золота, да боюсь, украдут его у меня, коли прознают, ибо негоже человеку моего звания иметь такие богатства. Не согласишься ли ты принять у меня это золото на хранение, а взамен выдать мне сто фунтов, которые составят едва ли шестую часть всего сокровища.

Ростовщик очень обрадовался, услышав такие речи, и сказал, что охотно золото возьмет и сохранит его как свое собственное. Монах, обрадованный согласием скряги, принес горшок. При виде его ростовщик даже засмеялся от удовольствия, ибо про себя уже решил, что все золото будет его. Хотел он надуть простодушного монаха, да сам попался.

— Смотри, вот золото, — говорит ему монах, — дай мне теперь же сто фунтов и оставь горшок у себя до тех пор, пока я не верну долг.

Ростовщик отвечал:

— С большой охотой.

Тут же отсчитал он ему сто фунтов, которые Бэкон принял, выдав владельцу расписку, и пошел своей дорогой. Эти деньга брат Бэкон раздал бедным ученым и другим нуждавшимся людям с просьбой молиться о спасении души старого Собирателя Добра (таково было прозвание старого ростовщика), что они и делали, а встречая его на улице, благодарили и хвалили вслух, чему он немало удивлялся, ибо знал, что ничем не заслужил таких похвал. Наконец пришел старый Собиратель Добра взглянуть на горшок с золотом, но не нашел в нем ничего, кроме земли. При виде этого он едва не умер с горя, и только мысль об остальных богатствах, которые он должен будет покинуть, остановила его. Собрался он с духом, пришел к брату Бэкону и стал жаловаться, что тот его обманул самым бессовестным образом и что теперь он подаст на монаха в суд, если, конечно, тот не заплатит ему за убытки. На что брат Бэкон отвечал, что и не думал его обманывать, а всего лишь выступил в роли рачительного управляющего в пользу бедных, о чем ростовщик, слыша их похвалы и благодарность, непременно должен знать. Суда же, сказал Бэкон, он ничуть не боится, так что пусть ростовщик бежит заявлять хоть сейчас. Собиратель Добра, видя, что брата Бэкона ничем не запугать, пошел восвояси и решил, что отныне сам будет своим управляющим.

О том, как Майлз, слуга монаха Бэкона, наколдовал ужин себе и хозяину дома, где он гостил

Случилось однажды Майлзу отправиться по какому-то делу миль за шесть от дома, и такая там была приятная компания, что уходить не хотелось, и в ту ночь смог он проделать не более половины обратного пути. Чтобы сэкономить на ночлеге, решил он зайти в один дом, хозяин которого был знакомым Бэкона. Но, явившись туда, он узнал, что хозяина нет дома, а жена его не хотела впускать в дом незнакомца. Майлз, видя такой холодный прием, пожалел, что ее побеспокоил; в то же время идти в другое место он не хотел и уговорил-таки хозяйку позволить ему переночевать. Женщина утверждала, что, будь ее муж дома, она бы с радостью пустила любого нуждавшегося в ночлеге, но поскольку муж ее отсутствует, то не годится ей впускать в дом первого встречного, чтобы дурные слухи не пошли.

— Напрасно ты меня боишься, — уговаривал ее Майлз, — ибо у меня и в мыслях нет подвергать твое целомудрие испытанию. Запри меня в любой комнате, где есть кровать, и до следующего утра меня даже не услышишь.

Женщина, боясь, что муж может и рассердиться, если она откажет кому-либо из его друзей в столь ничтожной просьбе, согласилась. Майлз, довольный, тут же улегся в постель, а хозяйка заперла комнату на ключ.

Недолго пролежал он в постели, как вдруг услышал звук отворявшейся двери. Он поднялся, заглянул в щель в перегородке и увидел входившего в комнату старика. Гость поставил корзинку, которую держал в руках, на стол и поцеловал хозяйку так смачно, что у Майлза потекли слюнки. После этого открыл он корзинку и вытащил оттуда жареного каплуна, хлеб и бутылку старого доброго вина. Все это он отдал хозяйке с такими словами:

— Душенька, услышав, что мужа твоего нет сегодня в городе, подумал я, что неплохо было бы навестить тебя. Как видишь, пришел я не с пустыми руками, а с угощением, чтобы было с чем весело провести время. Стели же скатерку, милая, попируем — и в постельку.

Женщина его сердечно поблагодарила и сделала, как он велел. Только сели они за стол, как вдруг стук в дверь: муж вернулся. Женщина, услышав стук, испугалась, не зная, что делать со своим престарелым любовником. Но, теребя завязки своего передника, скоро нашла способ (как это обычно бывает с женщинами) выпутаться из ситуации. Любовника она засунула под кровать, каплуна и хлеб спрятала под кадку, бутылку с вином — за сундук, сама же открыла дверь, нежно поцеловала мужа и спросила, отчего он так рано вернулся. Он ответил, что забыл дома деньги, но наутро снова отправится в путь. Майлз, который все видел и слышал, умирая от желания отведать каплуна, окликнул хозяина. Тот спросил у жены: — Кто это?

Та ответила, что это его знакомый, который попросил пустить его переночевать. Муж велел ей отворить дверь, что она и сделала, и Майлз вышел наружу. Хозяин дома, увидев Майлза, радушно его приветствовал и попросил жену собрать им чего-нибудь на стол. Женщина ответила, что никакой готовой еды в доме нет, но, если они поберегут свой аппетит до утра, соберет она им отличный завтрак.

— Ну что ж, Майлз, раз так, делать нечего, — молвил хозяин, — придется подождать и отправиться спать на голодный желудок.

На что Майлз возразил:

— Нет, погоди, зачем же, если ты голоден, я могу найти для тебя что поесть. Я ведь все-таки ученый, кое-каким искусством владею.

Хозяин согласился:

— Охотно погляжу, как это у тебя получится. Майлз тут же вынул из-за пазухи какую-то книжонку, полистал ее и начал читать такое заклинание:

— Из озера внизу, чьи волны

Злых и ужасных духов полны,
Приди и накорми скорей
Монаха Бэкона друзей.

Ну как, ничего не выходит? — спросил он через некоторое время. — Попробую другое:

Совы дупла покидают,
Жабы стонут и рыдают,
Для летучих для мышей
Наступает ночью день.
Духи из могил встают,
Спать убийцам не дают,
Криком диким и ужасным
Мести требуют напрасно.
Будь ты в озере, в болоте,
В камышах иль на погосте,
Бес, спеши скорей сюда,
Здесь работа ждет тебя.
Бэкона слуге и другу
Окажи скорей услугу.
Но не приходи мартышкой,
Лошадью иль бурым мишкой.
Чтобы страху не нагнать,
Невидимкой надо стать.

— Ну вот, он и пришел, — сказал наконец Майлз. — Скажи мне, хозяин, какого мяса ты хочешь?

— Любого, Майлз, какого сам пожелаешь, — ответил тот.

— Ну ладно, — сказал Майлз. — Что ты скажешь насчет каплуна?

— Его я предпочитаю любому мясу, — ответил хозяин.

— Значит, каплуна ты и получишь, притом отличного. Заклинаю тебя, мною призванный дух Бемо, пойди и найди мне хорошего жареного кап» луна. — После этого Майлз немного помолчал, словно прислушиваясь к ответу духа, и вдруг молвил: — Отлично, Бемо. Он нам принес, — обратился он к хозяину, — жареного каплуна прямо со стола короля Триполи, да и хлеба в придачу.

— Да где же ты все это видишь, Майлз? — подивился хозяин. — Я не вижу ни каплуна, ни духа.

— Загляни под кадку, — отвечал Майлз, — там и увидишь.

Хозяин заглянул под кадку и вытащил оттуда — к немалому огорчению своей жены — хлеб и каплуна.

— Подожди-ка, — остановил его Майлз. — Нам бы еще выпивки какой, чтобы еда вкуснее казалась. Я бы не отказался от бутылочки славной малаги. Бемо, сбегай-ка в Малагу да принеси мне бутылку лучшего вина из губернаторских запасов.

Меж тем бедная женщина, боясь, что он выдаст ее саму и ее любовника, искренне жалела, что Майлз не попал на виселицу, прежде чем прийти в их дом. Он же, помолчав немного, как и прежде молвил:

— Отлично, Бемо! Загляни-ка за тот большой сундук, хозяин.

Тот заглянул и нашел там бутылку вина.

— Ну а теперь, Майлз, прошу садиться и отведать собственного угощения, — обратился он к гостю. — Видишь, жена, — продолжал он, обращаясь к супруге, — как ученый человек в полчаса может добыть себе жирного каплуна и бутылку малаги на обед, и, что самое главное, бесплатно. Садись, жена, с нами, ешь, пей и веселись, за все заплачено,

спасибо Майлзу.

Она села, но не могла ни куска проглотить от злости, а только желала, чтобы каждый проглоченный ими кусок вставал у них поперек горла. То же думал и ее престарелый любовник, который, лежа под кроватью, едва не обделался от страха, так как все еще ждал, что Майлз вот-вот раскроет и его. Когда они напились и наелись, хозяин дома пожелал, чтобы Майлз показал ему духа, который все эти яства доставил. Тот притворился, будто ему не хочется этого делать, и сказал, что позволять человеку непросвещенному видеть духа противно законам магии, ну да ладно, ему он покажет. Но только, предупредил он, надо будет дверь открыть и духа взашей прогнать, иначе после он будет донимать хозяев. А чтобы он не испугался, дух предстанет перед ними в обличье одного из соседей. Хозяин заверил, что в храбрости его сомневаться не стоит, что он готов побить духа и прогнать его взашей. В доказательство этого взял он большую дубину и встал наготове у двери. Майлз подошел к кровати, под которой лежал сосед, и начал произносить слова, как бы заклиная духа:

Ну-ка, Бемо-непоседа,
В виде старика-соседа
Перед нами покажись
И из дому враз катись.
Лучше встань, а то, клянусь,
Хуже припугнуть берусь.

Старик, видя, что другого выхода нет, стал вылезать из-под кровати.

— Вот дух, который принес тебе еду. А теперь сдержи свое слово и отлупи его как следует.

На что хозяин заявил:

— Я протестую. Твой дух как две капли воды похож на соседа Стампа, зубодера. Разве это возможно, чтобы духи принимали обличье других людей? Ужо я его научу, как придерживаться собственного обличья. — С этими словами напал он на старика и принялся так его охаживать, что Майлзу пришлось их растащить и вытолкать соседа.

После этого, вволю насмеявшись, улеглись они по кроватям. Но жена хозяина всю ночь глаз не сомкнула от горя, что с ее старым любовником так дурно обошлись по ее вине.

О том, как брат Бэкон помог молодцу жениться на своей зазнобушке, которую брат Банджи хотел выдать за другого, и о том, как весело было на свадьбе

Один джентльмен из Оксфордшира долгое время был влюблен в красивую девушку по имени Миллисент. Девица эта отвечала на его чувство с таким же пылом, с каким он его расточал, так что к их совместному счастью не было никаких препятствий, кроме воли отца Миллисент, ни за что не желавшего выдавать дочку замуж за этого человека (хотя в прошлом он приветствовал их союз) по той причине, что в ухажеры его дочери выискался один рыцарь, который был не прочь на ней жениться. Однако рыцарю никак не удавалось добиться от нее согласия, так сильно она любила своего джентльмена. Рыцарь, видя, что его чувства отвергнуты, пошел к брату Банджи, рассказал ему о своей беде и попросил, за изрядную мзду, помочь советом или колдовством завладеть девицей.

Банджи (будучи человеком жадным) ответил, что, по его разумению, для достижения цели нет ничего лучше, как взять девицу и ее отца на прогулку в экипаже. Если рыцарю удастся добиться их согласия на это, то он, Банджи, своим колдовским искусством заставит лошадей привезти их в старую часовню, где сам же их тайком и повенчает. Рыцарь наградил монаха за совет, пообещав, что если все выйдет таким образом, то он в долгу не останется, а сам отправился к отцу девушки и рассказал ему обо всем. Тому совет понравился, и он вставил бедную девушку отправиться с ними на прогулку. Как только все трое сели в

экипаж, лошади сами понесли их к старой часовне, где уже ожидал брат Банджи. При виде церкви и монаха бедная девушка поняла, что обманута, и лишилась чувств. Отец ее и рыцарь, увидев это, очень огорчились и стали, как могли, приводить ее в чувство. Тем временем возлюбленный девушки пришел в дом ее отца навестить Миллисент. Услышав, что она вместе с отцом и его соперником отправилась погулять в экипаже, джентльмен заподозрил нечестную игру и тут же кинулся к брату Бэкону с просьбой помочь ему вернуть возлюбленную, которая, как он опасался, безвозвратно для него потеряна.

Брат Бэкон, зная просителя как благородного джентльмена, сжалился над ним и, чтобы немного успокоить его, показал ему зеркало, в котором можно было видеть все, что происходит на рас, стоянии пятидесяти миль вокруг. Джентльмен взглянув в зеркало, тут же увидал Миллисент которую брат Банджи уже готовился повенчать с рыцарем. Увидев это, он отпрянул от зеркала с криком, что пришла его погибель, ибо, потеряв любовь, он несомненно потеряет и жизнь. Монах начал его утешать, пообещав, что сумеет предотвратить этот брак. С этими словами уселся монах на волшебный стул, посадил джентльмена себе на колени, и они вместе понеслись по воздуху прямо к месту венчания. Когда они появились там, брат Банджи уже соединял руки молодых людей. Тогда Бэкон первым делом лишил его дара речи, так что монах и слова не мог произнести. Затем напустил он в часовню такого туману, что ни отец не видел своей дочери, ни она его, ни рыцарь их обоих; потом взял Миллисент за руку и подвел к тому человеку, которого она любила. Они оба проливали слезы, оттого что столь счастливо встретились вновь, и благодарили брата Бэкона.

Брат Бэкон был очень доволен, видя взаимное согласие двух влюбленных, и повенчал их тут же, на пороге часовни, пока отец Миллисент, брат Банджи и рыцарь бродили в тумане в поисках выхода. Поженив их, он велел им пойти в соседнюю деревню и снять там домик, а сам пообещал прислать своего слугу с деньгами. (Ибо джентльмен оказался не при деньгах, а до дома ему было далеко.) Так они и сделали. Вечером послал монах к ним Майлза с деньгами, а отца девушки, рыцаря и Банджи до следующего полудня продержал в часовне.

Джентльмен и его молодая жена устроили в тот вечер в деревне большой пир по случаю своей свадьбы и пригласили на него всех жителей. Всего на том пиру было вдосталь, не хватало только музыки, о чем хозяева и гости сильно сокрушались. Но брат Бэкон (хотя его на том пиру и не было) сумел и эту нужду удовлетворить. После того как приглашенные поднялись из-за столов, случилось чудо, подобного которому никогда в деревне не видали. Сначала сладко запели скрипки, потом к ним присоединились трубы и флейты, и тут же появились три маленькие обезьяны и три большие, каждая с факелом. Следом за ними шли еще шесть больших и шесть малых обезьян, каждая в старинном платье. Эти шесть да еще шесть начали выделывать перед публикой такие уморительные коленца, что гости едва не померли от смеха. Сплясав таким образом несколько танцев на старинный манер, приветствовали они молодоженов, пожелали им счастья и с поклонами удалились. Гости стали гадать, откуда взялось такое чудо. Но жених сразу понял, что это брат Бэкон приветствует и благословляет таким необычным образом их союз при помощи своего искусства. Когда все закончилось, жених и невеста удалились в спальню, и там исполнилось все, о чем они давно мечтали. На следующий день джентльмен с молодой женой вернулся к себе домой. Он наградил жителей своего города таким количеством денег, что те вышли встречать молодоженов и половину пути несли их на руках.

Был там и Майлз. Стараясь за себя и за своего хозяина, опрокинул он столько кружек, что потом три дня не мог протрезвиться. Собравшись в обратный путь, спел он честной компании на прощание песенку на мотив «А как был я скрипачом»:

Слыхали ль вы, слыхали ль вы,
Как утром после свадьбы
Повез молодушку жених
Прочь в свой родимый Твайвер!

Столы уж накрыли, венки сплели —
Обычай ты наш не порочь;
Но горе тебе, коль на кляче сидишь, —
Со свадьбы веселой прочь!

В пути скрипачи повстречались нам
И тут же, забавы ради,
Подняли шум и веселый гам
И вместе помчались в Твайвер!

Во всем приходе никто не пахал
В день молодецкой свадьбы,
А каждый четверку коней запрягал
И ехал с милой в Твайвер!

Лакей был проворен и эль цедил,
Служанки в дому прибирались;
Старик дворецкий мне кружку налил,
Эх, славно мы угощались!

Кузнец городской напился так,
Что, клясться готов на книге,
Хоть был он в кузнечном деле мастак,
Видел в тот день лишь фиги.

Пунш приготовлен был для дам,
Жеманницы есть отказались,
И каждый может представить сам,
Как славно они нализались.

Гости поблагодарили Майлза за песенку и отправили его домой. Дома хозяин спросил, где это он пропадал так долго. Слуга ответил, что был на свадьбе.

— Это я знаю, — говорит Бэкон, — а также ведомо мне, скотина, что ты бывал пьян каждый день.

На что слуга отвечал ему следующим образом:

— Это самое худшее, что вы можете обо мне

сказать, хозяин, да и то, как же бедному человеку не быть пьяным, коли выпьет лишнюю кружку! у богатых-то оно, понятное дело, не так.

— А как же у богатых?

— Это я вам сейчас расскажу в нескольких словах, — молвил Майлз.

Когда законника тошнит,
Монаха лишь слегка мутит,
Бедняк в бесчувствии лежит, —
А все одна зараза.

— Но-но, сударь, — отвечал ему брат Бэкон, — чтобы я больше об этой заразе не слышал, не то пропишу тебе такого кислого соусу, что все твое мясо испорчу.

Так брат Бэкон помог двум бедным любовникам, которые в скором времени вернули расположение отца невесты и жили с тех пор в счастье и радости. Язык брата Банджи опять развязался, и они с Бэконом снова стали друзьями.

О том, как повстречались Вандермаст и брат Банджи, и как старались они друг друга превзойти в магии, и об их смерти

Вандермаст, считая, что брат Бэкон умер, приехал в Англию и в Кенте повстречался с братом Банджи. Памятуя об унижении, которое он претерпел от Бэкона, немецкий чародей не жаловал также и Банджи, посему взял он из конюшни его лошадь, а вместо нее оставил духа в виде коня. Наутро встал брат Банджи, сел на духа, думая, что это его лошадь, и поехал. По пути нужно ему было пересечь небольшую речку. На середине ее дух под ним растаял, и брат Банджи упал в воду. Мокрый до нитки, вернулся он на постоялый двор. Вандермаст, который уже поджидал его у дверей, спросил:

— Разве в это время года купаются? На это Банджи отвечал, что будь под ним столь же добрый конь, как тот, на котором брат Бэкон отправил его в Германию, то он остался бы сух. Тут Вандермаст прикусил язык и, ни слова больше не говоря, вошел в трактир. Банджи решил, что посчитается с ним, и измыслил вот что. Вандермасту сильно приглянулась в этом доме одна девушка, которую он пытался завоевать и любовью, и деньгами, и щедрыми посулами. Банджи об этом прознал и подослал ему духа в образе той самой девушки. Немец, уверенный, что перед ним настоящая девица, назначил духу свидание у себя в комнате, надеясь наконец-то насладиться ею вполне. Но радость его скоро сменилась печалью, а смелые мечты превратились в дурной сон наяву. Брат Банджи постелил ему такую простынку, которая, как только Вандермаст устроился на ней с духом, тут же взмыла в воздух, отнесла его к ближайшему пруду и там сбросила. Так бы и утоп чародей, не будь он искусным пловцом. Он скоро выбрался из пруда и встряхнулся, словно спаниель. Однако найти дорогу на постоялый двор оказалось нелегко, и от простуды его спасла только быстрая ходьба. На следующий день, добравшись до трактира, повстречал он брата Банджи, который спросил его:

— Ну что, как девушка?

Тот ответил:

— Хороша, и тебе такую желаю.

На это монах заявил, что его сан запрещает ему вступать в контакт с любою, а потому держит он их только для своих друзей. Так они продолжали друг друга изводить и обидными словами, и пакостными делами. Однажды Вандермаст, желая сделать Банджи гадость, вызвал его в поле, но не для того, чтобы драться на мечах или кинжалах или на одних только рапирах либо сразиться в метании ножей, а для того, чтобы посостязаться в самом страшном и темном из искусств — в искусстве магии — и выяснить, кто же из них умней и у кого больше власти над дьяволом. Банджи принял его вызов. Взяли они предметы, необходимые для колдовства, и пошли в поле.

Там они начертили себе по кругу футах в ста друг от друга, и после некоторых церемоний Вандермаст приступил к делу. Вызвал он своим колдовством огромного дракона, который жег круг брата Банджи огнем так, что тот готов был уже растаять. Монах пытал чародея другой стихией: он вызвал морское чудовище, которое убил Персей, чтобы освободить Андромеду. Это чудовище металось вокруг Вандермаста, изрыгая такие потоки воды, что тот едва не утонул. Тем временем брат Банджи вызвал дух, подобный святому Георгию, и тот дракона убил. Вандермаст последовал его примеру и вызвал Персея, который справился с морским зверем. Так оба чародея опасностей избегли.

Но на этом не удовлетворились они проверь кой своих способностей, а продолжали

колдовать дальше и вызвали каждый еще по одному духу, Банджи вложил в своего всю доступную ему силу, чтобы одолеть Вандермаста. Дух обещал помочь монаху, если тот даст ему три капли крови из левой руки, и пригрозил, что если он крови пожалеет, то победа будет за Вандермастом. То же самое сказал Вандермасту и вызванный им дух. На это требование оба соперника согласились, но дьявол перехитрил их обоих.

Отдав требуемую кровь, продолжали они колдовать. Сначала Банджи вызвал Ахиллеса с греками, которые приступили к Вандермасту и стали ему грозить. Тогда немец поднял Гектора и троянцев, и они защитили его от греков. Разгорелась тут между греками и троянцами великая битва и продолжалась долгое время. Наконец Гектор пал, и троянцы отступили. Разразилась тогда ужасная буря, с громом и молниями, и двое волшебников пожалели, что оказались в поле в такое ненастное время. Но поздно было жалеть, настало время платить дьяволу за те знания, которые он им дал, ибо он не желал больше ждать, но, застигнув их за непотребным делом, лишил обоих жизни.

Когда буря утихла — а жители близлежащих городов сильно напугались, — горожане нашли в поле тела Вандермаста и Банджи, бездыханные и странно опаленные огнем. Одного похоронили по христианскому обряду из уважения к его сану, другого потому, что он был чужеземец. Так закончилась жизнь двух великих волшебников.

О том, как Майлз хотел наколдовать деньжат, да сломал ногу со страху

Однажды Майлз увидел, что кабинет его хозяина открыт, и утащил оттуда магическую кни-гу. Книга ему понадобилась, чтобы наколдовать денег. Он видел, что у хозяина золота предоста-точно, и хотел для себя того же и потому решил потревожить демонов. Подумалось ему, что лучше бы найти для этой цели местечко поспокойнее. Залез он на крышу и начал там читать. Не успел прочесть нескольких строк, как явился ему дьявол, страшный-престрашный, и спрашивает:

— Чего тебе надобно?

Майлз со страху слова вымолвить не может, трясется как осиновый лист. Дьявол, увидев Майлза в таком страхе, захотел его еще сильнее напугать, устроил бурю и начал швырять пламя в разные стороны. Майлз со страху сиганул с крыши и сломал себе ногу.

Брат Бэкон, услышав шум, тут же прибежал и видит: слуга его Майлз лежит на земле, а на крыше дома сидит дьявол и кидается огнем. Прежде всего отослал он дьявола обратно в преисподнюю, потом подошел к слуге и спрашивает:

— Как же тебя угораздило сломать ногу? Тот ответил, что во всем виноват дьявол: он, мол, его напугал и заставил с крыши прыгнуть.

— А что ты там делал? — спрашивает его опять хозяин.

— Хотел наколдовать денег, сэр, — отвечал Майлз. — Но вот сломал ногу, и придется мне теперь, ваша милость, взаймы у вас просить на лечение, если вы надо мной сжалитесь.

Бэкон ему говорит:

— Сколько раз я тебе запрещал рыться в моих книгах, а ты опять за свое! Берегись связываться с дьяволом: тот, кто сломал тебе ногу, в следующий раз и шею запросто свернуть может. Теперь я тебя прощаю, за свою дерзость ты уже поплатился сломанной ногой. А вместо того чтобы проломить тебе еще и голову, лучше дам денег на лечение. — И отправил его к хирургу.

О том, как два молодых джентльмена, которые пришли к брату Бэкону узнать, как поживают их отцы, убили друг друга, и о том, как брат Бэкон с горя разбил зеркало, в котором можно было видеть все, что пожелаешь, на пятьдесят миль в округе

Прежде уже говорилось о том, что у брата Бэкона было зеркало, исключительная

природа которого была такова, что всякий мог увидеть в нем, что пожелает, на пятьдесят миль в округе. Этим зеркалом доставил он много удовольствия разным людям. Так, отцы часто приходили взглянуть, как ведут себя в их отсутствие дети, дети же приходили справиться о здоровье родителей. Один приятель интересовался, как поживает другой, враги шпионили друг за другом. Словом, люди сходились к чудесному зеркалу издалека. Пришли однажды к монаху два молодых джентльмена, дети деревенских сквайров, что жили по соседству, дабы увидеть в зеркале, как поживают их отцы. Он, никогда не жалевший своего искусства для людей, позволил им заглянуть в зеркало. Там оба немедленно увидели то, что. желали, однако заплатить за это им пришлось жизнью, а как такое случилось, вы сейчас и узнаете.

Отцы этих двух джентльменов в отсутствие сыновей сделались заклятыми врагами. Ненависть между ними достигла таких пределов, что, где бы они ни повстречались, дело доходило не только до оскорблений, но и до ударов. Случилось так, что в тот самый момент, когда сыновья их склонились над зеркалом, вопрошая о здоровье родителей, те сошлись врукопашную. Сыновья, увидев это, не знали, что и сказать, ибо всегда были хорошими друзьями, а только обменивались гневными взглядами. Наконец один из отцов упал, а второй, используя преимущество своего положения, встал над ним, готовясь нанести удар. Сын поверженного, не в силах больше сдерживаться, заявил своему другу, что с его отцом обошлись не по совести. Тот ему отвечал, что все было честно. Так, слово за слово, разругались два друга, и до того кровь у обоих взыграла, что схватились они за кинжалы и через несколько минут упали замертво.

Брат Бэкон, видя, как они упали, кинулся было к ним, да поздно: оба лежали бездыханные. Это происшествие заставило его сильно горевать. Рассудив, что в их гибели повинно зеркало, взял он его в руки и такие произнес слова:

— Злосчастный Бэкон, злосчастные твои знания, злосчастная твоя мудрость! Твое искусство стало причиной гибели этих молодых людей. Занимайся я, как и надлежит мне по сану, святыми вещами, не было бы у меня времени на изготовление премудрых зеркал. Дурное это зеркало, ибо стало оно причиной столь страшной трагедии. Будь в нем разум, трепетало бы оно от моего гнева. Но, поскольку разума в нем нет, я его уничтожу своей рукой. — И с этими словами разбил он удивительное зеркало, равного которому во всем мире не было.

Пока он горевал, дошла до него весть и о смерти брата Банджи и Вандермаста. От этого его горе стало еще сильней, а печаль во много раз глубже так что три дня не покидал он своей комнаты и не притрагивался к пище.

О том, как брат Бэкон сжег все свои магические книги и посвятил себя изучению Божественного, и о том, как он стал анахоретом

В то время, что брат Бэкон провел в своей комнате, предавался он разного рода размышлениям. Иногда думал он о тщете всякого искусства и науки. Иногда вдруг принимался проклинать себя за то, что занимался вещами, противными его сану, а также вредными для здоровья души. Тогда говорил он, что магия превращает человека в дьявола. Иногда он размышлял о Божественном и тогда восклицал, гневаясь на себя, что слишком долго пренебрегал этими занятиями, чрезмерно увлекшись магией. Иной раз принимался он размышлять о краткости человеческой жизни и жалеть, что использовал столь драгоценное время так дурно. Так текли его мысли по одному и тому же кругу, и всякий раз возвращался он к своим прошлым занятиям и проклинал их.

И вот, чтобы весь мир узнал о том, как искренне он раскаивается в своих прежних делах, повелел Бэкон сложить большой костер. Потом он послал за своими многочисленными друзьями, учеными и прочими и произнес перед ними такую речь:

— Добрые мои друзья и ученые коллеги, все вы хорошо знаете, что благодаря своему

искусству прославился я, как мало кто во всем мире. О сотворенных мною чудесах говорит вся Англия, от короля до простолюдина. Я разгадал загадки искусства и природы и представил миру вещи, покоившиеся в тайне со времен смерти Гермеса, редкого и глубокого философа. Я проник в тайны звезд. Книги, в которых я написал обо всем этом, с вниманием читают наиученейшие доктора — так глубоки высказанные в них суждения. Подобным же образом проник я в тайны деревьев, растений и камней и познал различные способы их применения. Однако все мои знания я ценю крайне мало и жалею, что не остался невеждой, не знающим совсем ничего. Ибо все эти знания, как я постиг, не помогают человеку сделаться лучше и добрее, а лишь способствуют росту его гордыни и самомнения. Что дали мне знания тайн природы? Только одно: потерю высшего знания, потерю Божественного света, который ниспосылает благодать лучшей части человеческого существа. Я обнаружил, что все обретенные мною знания гнетут к земле мои лучшие помыслы. Но я устраню причину этого, которая заключена вот в этих книгах. Я сожгу их прямо здесь, у вас на глазах.

Друзья стали его упрашивать пощадить книги, ибо в них содержались сведения, которые могли сослужить службу последующим поколениям. Но он, не слушая их, побросал книги одну за другой в костер, и так погибла в огне премудрость мира.

Затем избавился он и от другого добра: часть раздал бедным школярам и прочим бедным людям, себе ничего не оставил. После этого повелел он сделать келью в церковной стене, где и пребывал до самой смерти. Там брат Бэкон молился и предавался размышлениям о Божественном, а также старался всеми мерами отвратить людей от занятий магией. Так прожил он в своей келье два года, никуда из нее не выходя. Еду и питье подавали ему в окно, и сквозь то же окно разговаривал он с теми, кто искал его общества. Могилу себе он вырыл собственными ногтями, в нее и положили его после смерти.

Таковы были жизнь и смерть знаменитого монаха, который большую часть своей жизни был знаменитым волшебником, а умер кающимся грешником и анахоретом.

ЖИЗНЬ РОБЕРТА ДЬЯВОЛА, прославившегося своими пороками, однако названного впоследствии слугой Господа

Напечатано на Флит-стрит Виншном де Вордом
Начало жизни Роберта Дьявола

В стародавние времена жил в Нормандии герцог, которого звали Уберт. Славился он своими богатствами, праведной жизнью, почитал и боялся Господа превыше всего на свете, щедро подавал нищим, превосходил других умом и справедливостью суждений, был истинным рыцарем на поле брани и в других примечательных поступках. На Рождество дом этого герцога в городе Наверн, что на Сене, был открыт для всех лордов и знатных людей Нормандии. А поскольку этот благородный герцог был не женат, то все лорды и благородные господа в один голос умоляли Уберта взять себе жену, чтобы род его и впредь продолжался и множился и чтобы после кончины герцога остался законный наследник всех его владений. На эти просьбы он отвечал так:

— Милорды, то, что вы почитаете для меня благом, я исполню, но с одним условием. Если уж вы так хотите, чтобы я женился, то найдите мне такую Жену, которая была бы мне ровней, ибо, случись мне начать ухаживать за особой более благородной крови, чем я, это будет неправильно; если же я5 женюсь на девушке из семьи менее благородной, чем моя, то опозорю тем самым и себя, и свою родословную. А потому я думаю, что лучше уж мне оставаться холостым, чем совершить поступок, который будет мне не к чести и в котором я стану потом раскаиваться. Когда благородные лорды, собравшиеся в доме герцога, услышали такие слова, они крепко призадумались. Но тут встал один мудрый барон и отвечал герцогу так:

— Милорд, ты говоришь мудро, как и подобает благородному принцу, но, если твоему

высочеству угодно будет выслушать мою речь, я расскажу тебе об одной молодой особе, услышать о которой тебе будет приятно и посватать ее себе в жены не стыдно.

Отвечал ему герцог:

— Расскажи же мне, кто она такая.

— Благородный лорд, — продолжал барон, — у герцога Бургундского есть дочь, превосходящая других молодых девиц красотой, воспитанностью, хорошими манерами и благонравием. Ее ты можешь взять в жены, если придется она тебе по нраву, и никого не найдется, кто возражал бы против этого брака

На это герцог отвечал, что молодая девица ему по душе и что барон и впрямь подал хороший и мудрый совет. В скором времени попросил он руки девушки у ее отца, герцога Бургундского, который с удовольствием дал свое согласие. И сыграли они свадьбу, большую и пышную, как и подобает двум благородным семействам, да такую длинную, что долго рассказывать.

Как герцог Нормандский с большим почетом привез после свадьбы свою жену, дочь герцога Бургундского, в Руан, что в Нормандии

После того как упомянутый герцог женился на вышеозначенной леди, привез он ее вместе с большой компанией рыцарей, баронов и придворных дам, с триумфом и славой, в нормандскую землю, в город Руан, где их встречали со всевозможными почестями и с музыкой. И завязалась между бургундцами и нормандцами дружба, о чем я не буду рассказывать, чтобы побыстрее дойти до сути моей истории.

Упомянутые герцог и герцогиня делили супружеское ложе на протяжении восемнадцати лет, но детей у них все не было. То ли такова была Господня воля, то ли в них самих была причина, судить не могу, однако лучше, чтобы у некоторых людей детей совсем не было; также лучше бы некоторым родителям не иметь скорее детей, чем целомудрия, ибо все равно и матери, и отцу, и отпрыскам их одна дорога — в ад. Наши же герцог с герцогинею были людьми набожными, боялись и почитали Господа превыше всего, щедро раздавали милостыню. И каждый раз, когда герцог всходил на ложе к супруге своей, герцогине, молил он Всевышнего послать ему дитя, к вящей славе и силе Господней и к продолжению и укреплению его рода. Но ни молитвы, ни щедрые даяния не помогали: герцог и герцогиня оставались бездетными.

Как герцог и герцогиня прогуливались, горько жалуясь друг другу на бездетность

Отправились однажды герцог с герцогиней на прогулку, и открыл герцог супруге своей тайные свои помыслы:

— Мадам, мы с вами очень несчастливы, так как не можем зачать ребенка. И я думаю, что вина за это лежит на тех, кто устроил наш брак, ибо, я уверен, выйди вы замуж за другого человека, и у вас были бы дети; так же и я, будь моей женой другая дама, был бы не бездетен.

Супруга поняла, что он хотел этим сказать, и спокойно ответила:

— Добрый мой господин, мы должны быть благодарны за то, что посылает нам Господь, и терпеливо принимать все, что еще будет.

О том, как был зачат Роберт Дьявол и как мать при зачатии посвятила его сатане

Некоторое время спустя выехал герцог в поле на охоту в сильном гневе и глубокой задумчивости и, думая, что не суждено ему иметь наследника, горько жаловался самому себе:

— У скольких женщин рождаются прекрасные дети, в коих матери находят большую радость и утешение! Видимо, прогневался на меня Господь, и чудо, что не впал я до сих пор

в отчаяние, ибо сердце мое сжимается от тоски, потому что не могу я иметь наследника.

Дьявол, который всегда готов обманывать род человеческий, искушал герцога, затуманивая ему разум, так что тот сам не знал, что думает и что говорит.

В смятенных чувствах оставил он охотничьи забавы и поскакал домой, во дворец, где нашел супругу свою в таком же беспокойстве и раздражении. Стал он ее обнимать, целовать в губы и, наконец, свершил над ней свою волю, молясь одновременно Господу такими словами:

— О Господь Иисус, молю Тебя, пошли мне дитя в этот час, Тебе во славу и на верную службу!

Но жена его пребывала в отчаянии и сказала такую глупость:

— Посвящаю его дьяволу, ибо Господь не имеет силы, чтобы я зачала. Если я понесу с этой минуты, пусть ребенок принадлежит дьяволу душой и телом.

И в то самое мгновение, когда герцог и его супруга пребывали в отчаянии, вышеозначенная леди понесла ребенка мужеского полу, которому суждено было в жизни сотворить много зла, о чем вы прочтете дальше, но который был впоследствии обращен, покаялся и умер святым человеком, о чем в нашей истории также будет рассказано.

О том, как был рожден Роберт Дьявол, и о великих страданиях, которые мать его претерпела в родах

Герцогиня, как мы уже знаем, зачала ребенка, которого носила, как и все прочие женщины, девять месяцев. Однако, как вы можете себе представить, эта леди не могла разрешиться от бремени безболезненно: схватки у нее длились целый месяц, и если бы не молитвы, раздача милостыни, различные благодеяния и епитимья, непременно умерла бы она в родах. Дамы и женщины благородного происхождения, что были при ней в это время, не сомневались, что она непременно скончается. Вот почему все были крайне смущены и напуганы ужасным шумом и другими знамениями, которые предшествовали появлению на свет Роберта Дьявола. Когда ребенок родился, небо потемнело, словно ночью, и, как сказано в старых хрониках, гром гремел и молнии сверкали так, что все подумали, будто свод небесный раскололся и мир вот-вот погибнет. Ветер задул со всех четырех сторон света одновременно, поднялась страшная буря, дом затрясся, от стен начали откалываться большие куски, и все, кто там был, решили, что настал конец света и они вместе с домом сейчас провалятся сквозь землю. Однако Господу было угодно, чтобы беда миновала, и вскоре небо снова очистилось; понесли тогда ребенка в церковь крестить и назвали Робертом. Мальчик уже при рождении был таким крупным, что казалось, будто ему не меньше года от роду, и всех людей это сильно удивляло. А он, пока его несли в церковь, а потом обратно, не переставал громко вопить и выть. Вскоре после крещения выросли у него длинные зубы, которыми он так хватал нянек за груди, что ни одна женщина не отваживалась его кормить, все боялись, как бы он не откусил им соски. Вот почему пришлось кормить его из рожка. Когда же ему исполнилось двенадцать месяцев, он говорил и ходил лучше, чем многие трехлетние дети. Однако чем старше он был, тем хуже становился: никто из взрослых с ним не мог справиться. А когда он встречал других детей, то начинал их бить, кусать, бросаться камнями, ломал им руки и ноги, сворачивал шеи, выцарапывал глаза, и все это доставляло ему несказанное удовольствие и радость.

О том, как все дети в один голос стали звать Роберта Дьяволом

Ребенок герцогини за несколько лет стал совсем большим, в особенности же возросли его наглость и жестокость, не поддававшиеся никакому исправлению: он по-прежнему продолжал кусаться и драться и совершать прочие неблаговидные поступки. И вот однажды

собрались на улице все мальчики и хотели его побить, но, как только он показался, испугались и не посмели к нему приблизиться. Один крикнул:

— Вон идет тот самый Роберт! Другие подхватили:

— Вон идет проклятый бешеный Роберт! А кто-то добавил:

— Вон идет Роберт Дьявол! — И с этими криками дети разбежались в разные стороны, ибо никто из них не осмеливался остановиться и взглянуть ему в лицо.

С тех самых пор все дети, кто его знал, в один голос называли его Робертом Дьяволом, и это имя сохранилось за ним на всю жизнь, и будет он известен под этим прозванием, покуда стоит мир.

Когда ребенку было лет около семи, герцог, отец его, видя дурное поведение сына и очень этим озабоченный, позвал его к себе и сказал так:

— Сын мой, думается мне, пришла пора и настала необходимость найти для тебя мудрого Учителя, который обучил бы тебя добронравию и принципам христианской веры, ибо лет тебе уже Достаточно. — С этими словами взял герцог сына и повел его к учителю, известному своей мудростью войну отцу своему, покорить его своей воле и рассеять по свету его благородное воинство».

О том, как Роберт построил в глухом лесу крепость, где творил безобразия неслыханные и несравненные без всякой на то причины

Итак, узнав об этом, приказал Роберт построить в глухом лесу крепость и стал в ней жить. Место то было дикое и неприступное, больше пригодное для обиталища диких зверей, чем людей. Собрал Роберт вокруг себя компанию, состоявшую сплошь из самых отъявленных воров, которых только смог он изыскать в отцовских землях: были там убийцы, воры, уличные разбойники, бунтари, поджигатели церквей и домов, насильники женщин, грабители церквей и прочие гнусные, и распроклятые разбойники на всем свете. Призвал их Роберт к себе на службу, а сам сделался у них командиром, и в упомянутом глухом лесу творили они такие безобразия, что человеческий язык описать не в силах: убивали и купцов, и всех, кто ни шел по дороге, так что ни один человек не осмеливался носа наружу высунуть, а тем более войти в лес из страха перед Робертом и его компанией, которых все боялись, ибо они грабили и убивали всех, кто только осмеливался показаться на дороге, не исключая и бедных пилигримов, совершавших паломничество в святые места. Поэтому все люди бежали от них, как овцы бегут от волка, ибо они и впрямь были как волки, что бросаются на любую добычу. Итак, Роберт и его люди вели жизнь неблагочестивую. А он, кроме всего прочего, был жаден до еды и питья и никогда не постился, какой бы ни был день. И в Великий пост, и в Рождественский ел он скоромное, не говоря уже о пятницах и воскресеньях. Однако, сотворив все эти безобразия, стал он страдать от сильных болей, о чем будет рассказано дальше.

О том, как Роберт Дьявол убил семерых отшельников

Случилось однажды так, что Роберт, который, прежде чем покинуть разбойничье гнездо, служившее ему домом, всегда представлял себе, каким способом совершить ему побольше убийств и всяческого зла, увидел в чаще леса семерых святых отшельников. Налетел он на них как одержимый и порешил мечом всех до единого. Они же, несмотря на то что люди были крепкие и смелые, так были чисты и святы в помыслах своих, что приняли мученическую смерть из любви к Господу, не сопротивляясь. Он, убив семерых благочестивых мужей, сказал такие насмешливые слова:

— Нашел я целое гнездо святых сукиных сынов-папистов и хотел обрить им макушки. Да думаю, были они пьяны, ибо не могли стоять на ногах, а все норовили опуститься на

колени, а теперь и вовсе ничком улеглись.

Так совершил Роберт еще одно дурное деяние и пролил кровь, не убоявшись ни Господа, ни Святой Церкви. Совершив же это дурное деяние, выскочил он из чащобы, точно сатана из ада, еще более разъяренный, чем обычно, в одежде, залитой кровью убитых им людей, и понесся по полям, а все его платье, руки и лицо были красны от крови святых отшельников, которых он без всякой жалости убил в дремучем лесу.

О том, как Роберт Дьявол пришел к своей матери, герцогине Нормандской, которая пребывала в замке Дарк на пиру

Роберт скакал так долго и заехал так далеко, что оказался у замка Дарк. Перед этим повстречал он пастуха, который сообщил ему, что его мать, герцогиня, должна прибыть в этот замок к обеду; потому и он туда направился.

Однако, когда Роберт появился в замке, все, кто там был, разбежались от него в страхе, словно зайцы от своры борзых. Один побежал и заперся в своем доме, другой с перепугу укрылся в церкви. Роберт, увидев, что люди бегут от него в страхе, глубоко вздохнул и подумал: «О Всемогущий Господь, отчего же все люди бегут от меня! Теперь я вижу, что я самый дурной и самый распроклятый из всех грешников на свете и лучше было бы мне родиться евреем или сарацином, чем христианином, ибо вижу я, что я худший из всех нечестивцев. Увы, — продолжал Роберт Дьявол, — всему виной моя нечестивая и распутная жизнь, которой заслужил я ненависть Бога и всего света».

С такими мыслями и с тяжелым сердцем подъехал Роберт к воротам замка и спешился, однако не нашлось ни одного человека, который набрался бы смелости и подошел помочь ему или подержать коня. Так как слуги не было, то Роберт оставил своего коня стоять у ворот, а сам вытащил меч, весь покрытый засохшей кровью, и пошел без приглашения в зал, где находилась герцогиня, его мать.

Герцогиня, увидев, как ее сын Роберт входит в зал с окровавленным мечом в руке, сильно испугалась и тоже хотела убежать, ибо ей хорошо были известны его нрав и обычаи. Роберт, видя, что все при его появлении разбежались кто куда и что его собственная мать тоже хочет от него скрыться, окликнул ее издалека жалобным голосом:

— Добрая госпожа матушка, не бойся меня, подожди, пока я поговорю с тобой, не беги от меня, заклинаю тебя страстями Христовыми!

Сердце Роберта преисполнилось раскаяния, когда подошел он к матери поближе и молвил так:

— Дражайшая госпожа матушка, заклинаю и умоляю тебя, расскажи, как и почему вышло, что я такой порочный и проклятый, ибо, надо думать, ты или мой батюшка знаете причину. Не знать мне покоя до тех пор, пока ты не раскроешь мне всю правду.

О том, как герцогиня пожелала, чтобы Роберт, ее сын, отсек ей голову, и рассказала ему о том, что при зачатии посвятила его дьяволу

Герцогиня, услышав такие слова своего сына, сильно удивилась и, жалобно плача, с тоской в сердце молвила ему так:

— Дражайший мой сын, прошу тебя, отсеки главу мою. — Так она сказала, чувствуя к своему сыну глубокую жалость и сострадание, потому что, зачиная его, посвятила она его дьяволу.

Роберт озадаченно и с грустью спросил у нее:

— О матушка, зачем же мне это делать? Я и уже совершил грехов столько, что несть им числа, а это деяние будет наихудшим из всех. Но, молю тебя, расскажи мне то, о чем желаю я знать.

Тогда герцогиня, видя, что таково желание сына, объяснила ему, что причина всех его пороков и злонамеренного поведения в том, что она сама при зачатии, отчаявшись получить помощь Господа, посвятила свое будущее дитя дьяволу. Сказав так, она добавила:

— О сын мой, я самая несчастная из всех женщин на земле, ибо знаю, что ты своими грехами и пороками расплачиваешься за мою ошибку.

О том, как Роберт Дьявол прощался со своей матерью

Роберта, когда он выслушал слова матери, охватила такая глубокая тоска, что упал он на землю без чувств и долго лежал не шевелясь, пока наконец не пришел в себя и не начал горько плакать и жаловаться такими словами:

— Слуги ада долго усердствовали, чтобы заполучить душу мою и тело, но отныне я заявляю, что вся их работа пойдет насмарку, ибо я не буду больше творить зла, а только добро и стану жить по-другому, оставлю грехи свои и покаюсь.

После этого обратился Роберт к матери, которая по-прежнему пребывала в глубокой печали и тоске:

— О почтенная госпожа моя матушка, прошу тебя и умоляю вступиться за меня перед отцом моим, ибо я отправляюсь в Рим просить искупления моих бессчетных и омерзительных грехов. Поэтому я не намерен ложиться в постель и спать ни одной ночи, пока не приду в Рим.

О том, как Роберт Дьявол, расставшись с матерью, поехал в лес, где и повстречался со своей компанией

Роберт поспешно сел на коня и поехал в лес, где он оставил своих людей. Герцогиня горько оплакивала отъезд сына, который с ней простился, и много раз повторяла себе:

— Увы, как же мне жить, зная, что все прегрешения Роберта — моя вина, и ничья больше!

Пока герцогиня так убивалась и горевала, в покой вошел герцог, и она, увидев его, тут же принялась рассказывать, что Роберт сказал и сделал. Герцог спросил, изъявлял ли Роберт намерение оставить свою порочную жизнь и раскаивался ли в совершенных им грехах.

— Да, мой господин, — отвечала его супруга, — он горько каялся.

Вздохнул тогда герцог тяжело и молвил:

— Увы, все это напрасно, ибо ему недостанет сил исправить все то зло, которое он сотворил до сих пор. Но я молю Всемогущего Господа, чтобы Он послал нашему сыну долгую жизнь, дабы ему хватило времени не только покаяться в грехах, но и сделаться праведным человеком.

Как Роберт Дьявол рассказал своей компании о том, что собирается идти в Рим просить отпущения грехов

Вернулся Роберт в свою крепость, когда его люди сидели за обедом. Встали они и приветствовали своего командира поклоном. Принялся тогда Роберт уговаривать их оставить неправедную жизнь.

— Возлюбленные мои братья, во имя любви Господней прошу, выслушайте мои слова, и да послужат они вам предостережением. До сих пор вы и я вели жизнь неправедную и порочную: разоряли и жгли церкви, насиловали женщин, бесчестили девиц, грабили и убивали купцов, монахинь, святых отшельников и священнослужителей всякого рода и звания. Столько людей ограбили мы с вами и убили, что заслужили проклятие на веки веков,

если только Господь не смилуется над нами. Вот почему прошу я каждого из вас ради Господа Бога: измените свою жизнь, оставьте свои отвратительные грехи, покайтесь, ибо я пойду в Рим, чтобы очиститься и искупить собственные прегрешения. Выслушав речь Роберта, встал один из его воров и с насмешкой обратился ко всей компании:

— Ну и ну, господа, того и гляди, лис превратится в святого отшельника, вон уже и проповедовать начал. Роберт смеется над нами, ибо он, наш капитан, один натворил зла больше, чем все мы, вместе взятые.

На это Роберт ответил:

— Любезные друзья мои, ради Господа Бога молю, оставьте грехи ваши, подумайте о душе, покайтесь, попросите у Бога прощения и милосердия, и Он вам простит.

На это другой вор из шайки Роберта отвечал так:

— Зря ты, хозяин, беспокоишься да тратишь время понапрасну — ни я, ни кто другой из нашей компании не переменит своей жизни, кто бы ни просил нас об этом.

Все остальные подтвердили его слова и в один голос молвили:

— Правду он говорит: лучше мы все умрем, но не изменим нашей жизни, а если до сих пор грешили мы много, то отныне станем творить зла еще больше.

О том, как Роберт Дьявол перебил всю свою компанию

Роберт, услышав эти дурные и поспешные речи, рассердился и подумал, что они, если останутся в этих местах, и впрямь натворят много зла. Подошел он тогда к двери, запер ее, взял в руки большую палку и огрел ею ближайшего к нему вора по голове так, что тот замертво упал на землю. Таким же манером уложил он их всех до единого, а потом молвил:

— Господа, наградил я вас, как вы того заслуживаете. Служили вы мне верой и правдой, и жалованье я выдал вам сполна, ибо каждый, кто находит хорошего хозяина, получает все, что ему причитается.

Хотел после этого Роберт сжечь крепость, да вспомнил, сколько в ней добра всякого скопилось, и оставил ее стоять, запер только ворота на висячий замок, а ключи забрал с собой.

О том, как Роберт Дьявол переслал ключи от своей крепости отцу, герцогу Нормандскому, а сам отправился в Рим

Совершив все это и благословясь, поскакал Роберт в Рим. Ехал он не останавливаясь весь день до вечера, а потом, когда настала ночь, почувствовал, что устал и проголодался, ибо с самого утра росинки маковой во рту у него не было. Проезжал он в это время мимо аббатства, где настоятелем был его родич, да и решил заехать туда. Однако прежде неоднократно он этот монастырь грабил, и потому монахи, увидев его, в страхе разбежались кто куда, приговаривая:

— Вон едет нечестивый Роберт, видать, сам черт его принес.

Роберт, видя это и слыша их речи, вновь глубоко опечалился и, тяжко вздыхая, молвил:

— Как мне не оплакивать мою распроклятую жизнь, когда все люди меня боятся, а все потому, что проводил я время, предаваясь порокам и творя дурные дела.

С этими словами въехал он на церковный двор, соскочил с коня, вошел в церковь и обратился к Богу с молитвой:

— О Господь мой Иисус, я — самый грешный из всех людей, сосуд грехов смердящих. Молю, смилуйся надо мной, сохрани и сбереги от опасностей и искушений.

После этого заговорил он с аббатом и монахами, да так дружелюбно и жалостливо, что все они против воли к нему обратились. Он же, опустившись на колени и плача, сказал так:

— Милорды, знаю, что неоднократно оскорблял вас и причинял ущерб и повреждения

вашему монастырю, за что молю у вас прощения ради страстей Христовых.

Затем заговорил он с аббатом:

— Милорд аббат, умоляю вас, вступитесь за меня перед отцом моим, герцогом Нормандским, и отправьте ему ключ от крепости, где жил я с моими разбойниками. Я их всех убил, чтобы никакого больше зла от них не было, а в доме лежит добро, отнятое мною и у тебя, и у других честных людей, в чем я раскаиваюсь и за что прошу у тебя прощения. Позаботься о том, чтобы все это добро вернулось к тем людям, у кого оно было отнято.

Эту ночь Роберт провел в монастыре, а наутро поднялся рано и пошел дальше пешком, оставив своего коня и меч, которым совершил столько злодейств. И так он шел до самого Рима.

А настоятель в тот же день поехал к герцогу Нормандскому с ключом, который оставил ему Роберт, и рассказал герцогу о том, что сын его ушел в Рим. Герцог отдал все найденное в крепости добро прежним владельцам. На этом мы заканчиваем рассказ про герцога и аббата и возвращаемся к Роберту, который с великим усердием один идет в Рим.

О том, как Роберт пришел в Рим за отпущением грехов

Долго шел Роберт один по холмам и долинам, много претерпел мучений и впал в крайнюю нужду, но добрался наконец-таки до Рима. Было это в прощеный четверг вечером. На следующий день, в пятницу, Папа, согласно обычаю, сам служил в соборе Св. Петра. Роберт изо всех сил старался подобраться к нему как можно ближе, однако слуги Папы, видя, что он так напирает, ударили его и приказали отойти подальше. Но чем сильнее они его били, тем настойчивее он старался прорваться к Папе, так что наконец ему это удалось и он пал перед понтификом на колени, громко крича:

— О святой отец, смилуйся надо мной!

И столь долго он кричал, что люди, бывшие рядом с Папой, рассердились на Роберта за то, что он так шумел, и хотели было вывести его вон, но Папа, заметив его великую нужду, пожалел Роберта и молвил:

— Оставьте его, ибо вижу я, что он человек глубоко набожный. — И потому повелел Папа всем своим слугам замолчать, чтобы он мог лучше расслышать, в чем нужда Роберта.

Тот обратился к понтифику так:

— О святой отец, я — худший и величайший из всех грешников в этом мире!

На что Папа, взяв его за руку, отвечал:

— Друг мой, чего ты хочешь от меня и что мучит тебя так сильно?

— О святой отец, умоляю, выслушай мою исповедь, ибо, если не получу я отпущения грехов у тебя, быть мне проклятым на веки вечные. Истинное чудо, что дьявол еще не унес меня живьем в преисподнюю, ибо обременен я и скован по рукам и ногам грехами тяжкими больше, чем любой другой человек на земле. И поскольку ты даешь помощь и утешение всем нуждающимся, нижайше прошу тебя, ради страстей Господа нашего Иисуса Христа, выслушай и освободи меня от моих ужасных грехов, ибо обманут я и лишен всех радостей неба, точно какой-нибудь иудей.

Услыхав эти слова, Папа задумался и про себя решил, что это, должно быть, Роберт, прозванный Дьяволом, и спросил:

— Сын мой, не тот ли ты Роберт, о котором я все время слышу, что он хуже всех людей?

На что Роберт, склонив голову, отвечал:

— Да.

Тогда Папа сказал ему так:

— Я отпущу грехи твои, но заклинаю именем Господа: не причиняй больше зла никому.

И сам Папа, и все, кто был рядом, боялись даже глядеть на Роберта. Он же упал на

колени и с великой набожностью и раскаянием воскликнул:

— Святой отец, перед Господом нашим и Его пречистой матерью клянусь никогда больше не наносить обид ни одной душе христианской.

После этого выслушал Папа исповедь Роберта, во время которой тот ничего не утаил от духовного отца, в том числе и того, что мать при зачатии отдала его дьяволу. Понтифик, услышав это, испугался.

О том, как Папа послал Роберта за три мили от Рима к святому отшельнику

Папа, услышав это, смутился, но благословение свое дал и сказал Роберту:

— Сын мой, в трех милях от этого города обитает святой отшельник, мой духовный отец. Отправляйся туда и скажи, что это я тебя прислал. Отшельник выслушает твою исповедь и даст отпущение грехов.

Роберт отвечал:

— Пойду с радостью, — и покинул понтифика с такими словами: — Господи, в милосердии Своем дай мне сил свершить то, что принесет пользу душе моей.

Ночевать Роберт остался в городе, ибо было уже поздно, а ранним утром вышел из Рима и отправился туда, где обитал святой отшельник. Долго шагал он по холмам и долинам, сгорая от желания поскорее освободиться от своих грехов, пока не добрался наконец до нужного места. Обрадованный, вошел он прямо к отшельнику и сообщил, что Папа прислал его к нему за отпущением грехов.

Отшельник душевно его поприветствовал, и Роберт, не откладывая, тут же принялся исповедоваться. Прежде всего рассказал он о том, как мать при зачатии посвятила его дьяволу, потом поведал, как в детстве начал самостоятельно ходить раньше других детей, и как колотил всякого ребенка, что попадался ему на дороге, и как убил своего школьного учителя, и скольких благородных дворян отправил на тот свет во время турнира, устроенного отцом, чтобы отпраздновать его посвящение в рыцари, и о том, как скитался он по отцовским землям, грабя и убивая, насилуя женщин и лишая девственности юных дев; не умолчал и о том, как выколол глаза слугам отца, которых тот послал за ним, и о том, как убил семерых отшельников. В общем, поведал Роберт святому человеку обо всех грехах, совершенных им от рождения до настоящего времени. Отшельник, пораженный его рассказом, не мог не возрадоваться, что Роберт пришел к раскаянию. Выслушав исповедь, сказал он грешнику так:

— Сын мой, эту ночь ты проведешь здесь, а завтра утром я буду готов дать тебе совет, как искупить твои прегрешения.

Роберт, который раньше отличался чудовищной жестокостью, внушавшей людям страх, и был горд, как лев, сделался теперь кротким, покладистым, учтивым в речах и сдержанным в поступках, словно какой-нибудь герцог или принц.

Роберт был так утомлен долгой дорогой, что не мог ни есть, ни пить, а лишь вознес Господу молитву, прося, чтобы Он в бесконечной милости Своей избавил его от тенет лжи и искушения. После этого отшельник уложил Роберта спать в маленькой часовенке, которая стояла неподалеку от места его уединения, а сам всю ночь молился за грешника, который понял, что великие грехи, совершенные им, требуют великого искупления. Так, молясь, отшельник заснул.

О том, как Бог послал к отшельнику ангела с известием, каким образом Роберт может скорее всего искупить свои грехи

Во сне явился отшельнику ангел и молвил так:

— Святой-отец, выслушай весть, которую посылает тебе Господь. Если Роберт хочет

искупить грехи свои, пусть живет, подражая юродивым, и молчит, будто немой. Пусть также не ест ничего, кроме того, чем питаются псы. И так, в молчании, нищете и голоде, пусть пребывает до тех пор, пока Богу не угодно будет показать ему, что прегрешения его прощены. — С этим отшельник проснулся и, припомнив свое видение, возблагодарил Господа за помощь.

Когда занялся день, отшельник молвил Роберту ласково:

— Сын мой, подойди ко мне.

Тот немедленно подошел и благочестиво исповедался. Когда Роберт таким образом очистился, отшельник сказал:

— Сын мой, долго я молил Господа, чтобы открыл Он мне, каким образом можно тебе очиститься от грехов тяжких, совершенных тобою против Всевышнего, и получил ответ: живи, как городские сумасшедшие, не вкушай пищи иной, кроме той, что люди дают псам, сохраняй молчание, спи там, где спят собаки. Такую весть принес мне ангел сегодня ночью и сообщил, что надлежит тебе не чинить обид ни одному живому человеку. Так жить ты должен в наказание за грехи твои, пока не получишь известия от Господа о том, что грехи твои прощены.

Роберт возрадовался и возблагодарил Господа за дарованное ему прощение и такую легкую епитимью.

На этом простился Роберт с отшельником и пошел исполнять трудную епитимью, казавшуюся ему легкой по сравнению с теми ужасными смрадными грехами, которые совершал он каждый день своей жизни. И это было истинным чудом, ибо он, в прошлом порочный и отчаянный бунтарь, погрязший во грехе гордыни, преисполнился добродетелей и сделался кротким, словно агнец.

О том, как Роберт простился с отшельником и вернулся в Рим исполнять епитимью

Оставил Роберт отшельника и отправился в Рим исполнять назначенное ему наказание. Войдя в город, принялся он подскакивать и бегать по улицам, как сумасшедший, а дети, увидев его, кинулись за ним с криками и воплями и начали кидать в него камнями, комьями грязи и всякой дрянью, которую только могли найти на земле. Жители города, увидев Роберта, высунулись в окна и стали громко над ним смеяться. Так, притворяясь безумцем, провел Роберт в Риме некоторое время, пока наконец случай не привел его к императорскому двору. Ворота оказались открыты, Роберт вошел внутрь и проследовал до самой залы. Он то переходил с одной стороны на другую, иногда быстро, иногда медленно, то подскакивал, то принимался бежать, то вдруг замирал без движения, но нигде подолгу не задерживался.

Император, заметив Роберта, молвил своему слуге:

— Посмотри, какой видный юноша! Однако, по-моему, он не в своем уме, и это, право же, большая потеря, ибо он красив и хорошо сложен. Поди дай ему чего-нибудь поесть.

Слуга, как ему было велено, подозвал Роберта и дал ему еды, но тот ни к чему не прикоснулся. Пока он так сидел за столом, две собаки императора начали друг с другом грызться, и он, чтобы унять их, бросил им кость, в которую одна из них тут же вцепилась. Роберт, увидев это, немедленно вскочил и принялся отбирать у собаки кость, а та не отпускала, и тогда он, видя, что заполучить кость целиком ему не удастся, начал глодать один конец, а пес грыз другой. Император и все, кто был в зале, смотрели на Роберта с собакой и смеялись, пока тот наконец не исхитрился отобрать у животного кость, а сделав так, тут же улегся и принялся глодать, ибо был не на шутку голоден. Император, заметив, как молодой человек изголодался, бросил собаке целый кусок мяса. Роберт поймал его на лету и разделил надвое: одну часть отдал псу, а другую взял себе. Император, увидев это, снова рассмеялся и молвил своим слугам:

— К нам в гости забрел самый глупый и самый голодный дурак на свете: он отбирает мясо у псов и пожирает его сам. По всему видно, что он есть первостатейный дурак.

Тогда все в зале принялись кормить собак мясом, чтобы Роберт, деля с ними трапезу, мог наполнить свой желудок. Наевшись, Роберт встал с пола, взял в руки палку и принялся ходить взад и вперед по зале, то и дело ударяя палкой по столу, по скамье и корча из себя заправского дурачка. Так прохаживаясь, увидел Роберт дверь, которая вела в сад, а в том саду был прекрасный источник. Роберт подошел к нему, чтобы напиться, ибо после еды мучила его ужасная жажда. Ближе к ночи заприметил он собаку, которая, по своему обыкновению, улеглась спать под лестницей, и устроился рядом. Император, видя это, пожалел Роберта и приказал своим людям принести дураку постель, чтобы тому было удобнее. Слуги тут же исполнили приказ, но Роберт знаками велел унести постель обратно, ибо назначено ему было спать на голом полу и холодной земле, там, где спят собаки. Император сильно удивился и приказал слугам принести Роберту хотя бы чистой соломы, на которую тот, сильно уставший за день, с благодарностью лег.

О вы, погрязшие во грехе гордыни, задумайтесь о том, с какой охотой Роберт, родившийся от благородных родителей, оставил отца и мать, всех друзей своих и отчизну, отказался от вкусной еды, хмельного питья, богатых одежд и плотских удовольствий, а также от всего, что ему по праву рождения полагалось, ради спасения души своей и, променяв герцогский трон на собачью конуру, возлюбил нищету и покаяние. Так с псами он ел и спал, ложился, когда они ложились, и вставал, когда они вставали, и прожил так семь лет или около того. Пес же, с которым он делил конуру, скоро смекнул, что из-за Роберта ему и мяса дают больше и чаще, чем раньше, и никто не решается его ударить, и возлюбил Роберта такой любовью, что проще было его убить, чем пытаться оторвать от человека.

О том, как Роберт заставил еврея целовать своей собаке зад за столом императора

Однажды в императорском дворце в городе Риме был большой пир, на который собрались все самые богатые и знатные люди страны. Был среди них и один еврей, управляющий почти всеми императорскими землями. И вот, когда гости уселись за стол, в зал вошел Роберт со своей собакой на Руках, изображая, как обычно, дурачка. Принялся он расхаживать по зале взад и вперед, пока не подошел наконец к тому самому еврею, а подойдя, встал у него за спиной и похлопал его по плечу. Еврей тут же обернулся, а Роберт взял да и подставил ему собачью задницу. Император и его лорды, увидев это, посмеялись и от души позабавились, еврей же сильно оскорбился и разгневался но сказать ничего не посмел.

Тут Роберт опустил свою собаку на пол, а та немедленно вскочила на стол и стала лизать мясо, которое лежало у еврея на тарелке, и тот вынужден был бросить его на пол. Так Роберт и жил, прекрасно обходясь без слов по завету отшельника, время от времени вытворяя всякие глупости и шалости, чтобы позабавить императора.

О том, как Роберт уронил невесту на навозную кучу и кинул живую кошку в котел с мясом

Однажды девушка, нарядно одетая, собиралась в церковь венчаться. Роберт, увидев невесту в красивом платье, взял ее за руку и повел, а когда проходили они мимо навозной кучи, толкнул так, что она упала и весь свой наряд погубила. Он же, весело смеясь и громко крича, побежал к ней в кухню, где стоял обед, поймал кошку и засунул ее в котел с мясом. Об этом немедленно доложили императору, и снова он и его лорды смеялись и веселились. Очень был дурачок им по нраву, ибо доставлял немало радости, не принося никакого вреда.

О том, как сенешаль собрал большую армию сарацин и осадил Рим за то, что

император не хотел отдавать за него свою дочь

Пока Роберт отбывал таким образом наказание при императорском дворе, к дочери императора, которая была хороша собой и пригожа, но нема от рождения и за всю жизнь не сказала ни слова, несколько раз сватался сенешаль. Однако отец девушки никак не хотел выдавать ее за него. Обиделся тогда сенешаль, рассердился и решил, что отнимет империю силой. Собрал он большую орду сарацин, привел их к Риму и осадил с ними город. Император этого не ожидал и, не зная, как поступить, собрал своих лордов и баронов и молвил им так:

— Милорды, окажите мне помощь в сопротивлении языческим собакам, которые окружили наш город и которые, мнится мне, намерены подчинить себе все наши земли и рассеять нас самих по свету. Так оно и будет, если Господь в бесконечной милости Своей не сжалится над нами. Поэтому призываю вас всех собрать все силы, выступить против язычников и прогнать их с нашей земли.

Отвечали ему лорды и рыцари в один голос:

— Господин наш повелитель, истинны слова твои, а потому готовы мы идти вслед за тобой сражаться с сарацинами, чтобы вернуть нашу землю и наш город.

Поблагодарил их император за ответ, немало его обрадовавший, и тут же велел провозгласить по всем городам и селениям земли своей, что всякий человек, молодой ли, старый ли, который еще может держать оружие, должен приготовиться к войне со злейшим врагом, сарацинами. И когда его приказ был по всей земле провозглашен, все люди охотно приготовились идти вслед за императором на войну защищать то, что принадлежало им по праву, и собралось таким образом большое войско. Однако, несмотря на то что людей у императора было больше, чем у сенешаля, последний со своими сарацинами наверняка выиграл бы битву, если бы Господь по великой милости Своей не послал Роберта на помощь римлянам в час испытаний.

О том, как Спаситель наш Иисус, сжалившись над душами христианскими, послал Роберту с ангелом белого коня и белые доспехи и повелел ему отправляться воевать вместе с римлянами против сарацин — языческих собак

Как уже говорилось, император и другие римляне отправились сражаться с сарацинами, а Роберт в это время оставался дома. Пошел он как-то, по своему обыкновению, к источнику напиться — а было это как раз в день решающей битвы с неприятелем — и вдруг слышит с небес голос:

— Роберт, Господь через меня повелевает тебе не мешкая облачиться в эти доспехи, сесть на этого коня и отправляться на помощь императору.

Роберт, выслушав волю Господню, смутился, но не посмел ослушаться, а тут же облачился в доспехи, вскочил на коня и во весь опор помчался, куда ему было указано. А императорская дочь, о которой уже говорилось ранее, стояла у окна и все это видела. Не будь она немой, девушка рассказала бы все кому-нибудь, но поскольку говорить она не умела, то никто ничего не узнал, а дочь императора все виденное крепко-накрепко запомнила. Тем временем Роберт, вооруженный и верхом на коне, присоединился к императорской рати, которую турки теснили так сильно, что, не смилуйся над ними Господь и не пошли Роберта на выручку, пришел бы всем христианам конец. Роберт немедленно врубился в самую середину турецкой орды и принялся разить собак направо и налево, так что только руки и ноги на землю сыпались, а люди и лошади, раз упав, уже не поднимались. Любо-дорого было глядеть, как расправлялся Роберт с проклятыми сарацинскими собаками. Короче говоря, сделал Роберт столько, что сарацины бежали без оглядки и поле битвы осталось за императором.

О том, как Роберт, одержав победу над сарацинами, вернулся к источнику и разоружился

Когда император, хвала Господу, одержал славную победу, Роберт вернулся к источнику, снял с себя доспехи и сложил их на коня, который тут же исчез, будто его никогда и не было. Роберт же еще некоторое время стоял у источника. Дочь императора снова все это увидела и очень удивилась. Не будь она нема от рождения, пошла бы и кому-нибудь рассказала.

На лице Роберта остался шрам, который он получил в бою, больше же никаких повреждений у него не было. Император радовался и благодарил Господа за свою победу над неверными собаками. В хорошем настроении вернулся он в свой дворец. Сели все за стол, и тут появился Роберт, изображая, по своему обыкновению, немого дурачка. Император, увидев Роберта, обрадовался, ибо юноша был ему по нраву. Но, заметив шрам на его лице, рассердился, решив, что в его отсутствие кто-то из слуг плохо обошелся с Робертом, и сказал:

— При нашем дворе обитает завистник, который, пока мы отсутствовали, обидел бедного дурачка. Ударив его по лицу, а это большой грех, ибо дурак никому вреда не делает. — И император придал не обижать Роберта и пообещал примерно наказать всякого, кто поднимет на дурачка руку, чтоб другим неповадно было.

Затем принялся император спрашивать у своих рыцарей, не знает ли кто из них, что это был за рыцарь на белом коне, который так вовремя присоединился к их рати и спас их всех. Дочь его, услышав слова отца своего, указала на Роберта. Император не мог понять, что она хочет этим сказать, и послал за ее мамкой, чтобы та объяснила. Мамка пришла и сказала:

— Твоя дочь хочет сказать, что сегодняшняя победа досталась тебе с помощью твоего дурака Роберта, а шрам, который у него на лице, получен им в сражении.

Император рассердился и ответил мамке:

— Ты должна учить дочь мою мудрости, а не потакать всяким капризам да глупостям, которыми я недоволен.

Дочь императора, видя, что отец сердится, перестала показывать на Роберта, хотя и знала, что все правда, ибо своими глазами видела ангела, который привел коня и принес доспехи.

Итак, сарацины, как уже было сказано, бежали с поля сражения, однако некоторое время спустя сенешаль вернулся снова, на этот раз с еще большей ордой, и во второй раз осадил Рим. И опять потерпели бы римляне поражение, если бы Господь не прислал им в помощь рыцаря в белых доспехах и на белом коне. Рыцарь этот помог защитникам так сильно, что сарацины снова бежали и римляне опять одержали славную победу. Некоторые из людей императора попытались было узнать, что это за рыцарь такой и откуда он опять появился, но тот исчез, и никто не успел заметить куда. И только императорская дочь видела, как он снимал с себя доспехи у источника.

О том, как Роберт вслед за первыми двумя выиграл и третье сражение

Некоторое время спустя вернулся сенешаль с новым войском, много превосходившим по силе два первых, и опять взял Рим в осаду. Император снова решил дать им бой, но на этот раз повелел своим баронам и рыцарям смотреть в оба, ожидая появления рыцаря на белом коне, чтобы разузнать, кто он такой и откуда. Рыцари пообещали, что все сделают.

Наступил день сражения. Однако несколько лучших рыцарей, вместо того чтобы выйти на поле битвы, направились в ближайший лесок и там укрылись, подстерегая рыцаря на белом коне. Но все их труды оказались напрасны: он возник так же неожиданно, как и в предыдущие два раза, и никто не успел заметить, откуда он взялся. Увидев его в гуще

сражения, поспешили они ему на помощь. В этот раз обе стороны сражались ожесточенно как никогда, однако сарацины скоро пали духом, ибо Роберт наносил им такие могучие удары, что ни один человек не мог устоять против них. В конце концов Роберт сделал так много, что сарацины вынуждены были уступить, чему император несказанно обрадовался. Сенешаль же был очень разгневан.

О том, как один из императорских рыцарей ранил Роберта копьем в бедро

Итак, после того как и эта битва была выиграна, императорское войско потянулось домой. Роберт тоже хотел вернуться к источнику и там снять доспехи, как он делал это раньше. Но рыцари, которые стерегли его в лесу, снова вернулись в чащу, чтобы посмотреть, куда отправится рыцарь на белом коне. И когда он поравнялся с ними, выехали все как один ему навстречу и громко воскликнули:

— О благородный рыцарь, помедли немного и поговори с нами. Скажи, кто ты и из какой земли происходишь, чтобы мы могли представить тебя императору, который давно ищет с тобой встречи.

Роберт, услыхав такие слова, смутился и дал коню шпоры. Тот взвился и поскакал через холмы и долины, унося своего всадника, который хотел остаться неузнанным. Но один из рыцарей, самый смелый и на хорошей лошади, погнался за ним и поднял было копье, чтобы убить его коня, да промахнулся и попал Роберту в бедро. Наконечник копья обломился и застрял в теле раненого, но тот все же ускакал, и рыцари так и не смогли узнать, кто этот всадник на белом коне, чем они несказанно огорчились.

Роберт же тем временем скакал во весь опор, пока не добрался до источника, где снял доспехи, положил их на седло, как делал прежде, и все в одно мгновение ока исчезло. Он вынул наконечник копья из своего бедра и спрятал его у фонтана между двумя большими каменными плитами. Потом взял немного жира и мха и залепил рану, ибо не хотел показывать ее кому-нибудь, понимая, что его немедленно узнают. А императорская дочь все видела и примечала. Она давно уже поняла, что Роберт был рыцарем благонравным и пригожим, и стала на него заглядываться. Роберт, закончив со своей раной, вошел в зал, чтобы раздобыть какой-нибудь еды, стараясь при этом не хромать, чтобы никто ничего не заметил, хотя нога болела в тысячу раз сильнее, чем можно было предположить, глядя на него.

Вскоре домой вернулся тот рыцарь, который ранил Роберта, и стал докладывать императору, что всадник на белом коне ушел от него, но он его сильно ранил, хотя и вовсе не желал этого.

— Молю тебя, милорд император, выслушай, что я скажу, и тогда узнаешь, как найти того, кто столько раз выручал тебя. Объяви всем, что рыцарю на белом коне и в белых доспехах, который принесет наконечник от ранившего копья и покажет рану, ты отдашь свою дочь и половину империи в придачу.

Император обрадовался этой мысли и велел оповестить всех жителей империи о своем решении, думая, что рыцарь хорошо ему присоветовал.

О том, как сенешаль поранил себе бедро наконечником копья, желая ввести в заблуждение императора и получить его дочь в жены

В скором времени сенешаль узнал о распоряжении императора и сразу смекнул, что может наконец получить руку его дочери, которой так давно добивался. Не жалея времени и усилий, раздобыл он белого коня, белые доспехи и поранил себе бедро наконечником копья, надеясь, что сможет обмануть императора. Совершив эти приготовления, велел он своим людям собираться и ехать с ним. Долго скакали они во весь опор, пока не добрались до Рима;

там с подобающими почестями и нимало не мешкая отправились прямо во дворец, и молвил сенешаль императору:

— Милорд, я тот, кого ты ищешь. Три раза помогал я тебе одержать славную победу над сарацинским войском.

Император, не подозревая ни измены, ни обмана, отвечал:

— Ты — достойный и мудрый рыцарь. Однако же должен признать, что почитал тебя за отступника и закоренелого негодяя.

Сенешаль на эти слова рассердился и отвечал императору резко:

— Милорд император, удивляться тут нечему, я не такой трус, как ты думаешь. — Тут он показал острие копья и раскрыл рану, которую нанес себе сам.

Рыцарь, который ранил Роберта, подошел ближе, посмотрел, убедился, что копье не его, но сказать ничего не посмел, боясь, что сенешаль его убьет. Мы же пока оставим сенешаля и вернемся к Роберту, который, как вы уже знаете, тяжело раненный пребывает среди собак.

О том, как Бог послал к отшельнику ангела и повелел ему идти в Рим, ибо Роберт исполнил положенную ему епитимью

Отшельник, который, как вы помните, отпустил Роберту грехи и определил наказание, лежал однажды ночью в своей келье и спал, как вдруг во сне услышал голос. Он приказывал ему встать и идти в Рим, туда, где Роберт исполнял епитимью. Ангел поведал отшельнику о том, что совершил Роберт, а также о том, что Бог простил ему все его прежние прегрешения, чему святой человек несказанно обрадовался. Рано утром он встал и пошел в Рим. В то же самое время приближался к Риму и сенешаль. Узнав от глашатаев о решении императора, он снова потребовал руки его дочери, которую тот ему без долгах размышлений и отдал. Но девушка, услышав, что ее выдают за сенешаля, принялась выть и бесноваться, словно безумная. Она рвала на себе волосы и изорвала бы всю одежду, да ей не дали, ибо, как и подобает невесте, да к тому же дочери императора, полагалось ей быть одетой со всей пышностью. Император самолично сопроводил ее в церковь, чтобы передать с рук на руки жениху. Были с ними также многочисленные лорды, леди и благородные дамы. Но девушка всю дорогу выла и рыдала так, что любой, взглянув на нее, немедленно усомнился бы в ее рассудке.

О том, как императорская дочь милостью Божией произнесла первые в своей жизни слова

Но когда император пришел вместе со всей свитою в церковь, чтобы выдать свою немую дочь замуж за сенешаля, Господь из любви к Роберту, святому человеку, которого все считали дурачком и над которым насмехались, сотворил чудо.

Как только священник начал венчать сенешаля и императорскую дочь, та, по великой милости Господней, заговорила и сказала отцу своему такие слова:

— Отец, ты поступаешь не мудро, доверяя словам подлого предателя сенешаля, ибо он лжет. Здесь, в этом городе, обитает человек великой святости, и ради него даровал мне Господь речь, ибо его я люблю и давно уже примечаю его добродетель, но, как ни старалась я показать на него другим, никто мне не верил.

Император, услышав, как заговорила его от рождения немая дочь, едва не лишился рассудка от радости. К тому же теперь он точно знал, что сенешаль обманул и предал его. Сенешаль, услышав ее слова, разгневался и устыдился, вскочил на коня и ускакал, а с ним и вся компания.

Присутствовавший на венчании Папа задал девице вопрос, о ком она говорит. Тогда

повела она Папу и своего отца к источнику, где Роберт снимал и надевал доспехи, и вынула из щели между камнями наконечник копья. Потом распорядилась принести само копье, которым был ранен Роберт, приложила наконечник к древку, и получилось целое копье. Молвила она тогда Папе:

— Трижды победили мы сарацин благодаря его помощи, и трижды видела я коня и доспехи, в которые он облачался, но не могу сказать ни откуда они взялись, ни куда после девались. Зато я точно знаю, что каждый раз, совершив это, он шел и ложился с псами.

А императору, отцу своему, девушка сказала так: — Это он трижды спас твою землю и твою честь, завоевав для тебя победу над языческими полчищами, и потому теперь твой долг наградить его.

И пошли тогда Папа, император, его дочь и все лорды и леди к дураку и поклонились ему, но Роберт по-прежнему лежал с собаками и ничего им не отвечал.

О том, как отшельник пришел к Роберту и повелел ему говорить, объявив, что наказание свое отбыл он полностью и все грехи его прощены

Обратился к Роберту император:

— Молю тебя, сладчайший друг мой, подойди ко мне и дай посмотреть твою рану, ибо я должен ее видеть.

Роберт, услышав это, сразу понял, зачем к нему пришли, но притворился, будто не понимает, и стал всякими ужимками смешить Папу и императора, чтобы те забыли, для чего пожаловали. Тогда Папа, заклиная его именем Спасителя нашего, что умер за нас на кресте, приказал ему говорить. Но Роберт поднялся и, по-прежнему притворяясь дурачком, благословил его. И тут во двор вошел тот самый отшельник, который определил Роберту наказание. Увидев Роберта, которого долго искал, отшельник громким голосом, чтобы все слышали, объявил:

— Слушай меня, друг мой! Я знаю, что ты — Роберт, которого люди прозвали Дьяволом. Но Всевышний простил твои прегрешения, и отныне взамен грязного и скверного имени нарекут тебя люди прекрасным именем Слуги Господа, ибо ты — тот, кто спас эту землю от сарацинов. Молю тебя служить Господу и почитать Его так, как ты делал это до сих пор, и приказываю тебе именем Всевышнего, пославшего меня сюда, встань и говори. Вышло время притворяться глупцом, ибо таким образом ты свою епитимью исполнил сполна и заслужил прощение Господа и освобождение от всех грехов.

Роберт, выслушав его слова, пал на колени, воздел руки к небу и молвил:

— Хвала Тебе, Господи! Благодарю Тебя, Творец Неба и Земли, за то, что простил грехи мои тяжкие, определив мне наказание столь легкое!

Папа, император, его дочь и все прочие, услышав его слова, удивлялись и радовались, а император, сочтя такие речи знаком благородства и добродетели Роберта, хотел было тут же отдать за него свою дочь, но отшельник не согласился, и тогда все разошлись по домам.

О том, как Роберт, повинуясь воле Господа, вернулся в Рим, чтобы жениться на дочери императора

История гласит, что Роберт, получив отпущение грехов, вернулся на родину, однако вскоре Господь повелел ему вернуться в Рим и жениться на императорской дочери. И от брака этого, сказано, родится сын, который станет опорой и защитой христианской веры и будет служить ее вящей славе и приумножению. Роберт, послушный воле Господа, вернулся в Рим и женился на императорской дочери, которая очень его любила. Император и все остальные римляне тоже были этому весьма рады, и свадебные торжества прошли пышно и с большой славой, как и подобает свадьбе императорской дочери. Римляне радовались, видя

Роберта, и говорили друг другу, что вот избавитель, спасший их от смертельного врага — сарацин. Пир длился четырнадцать дней, а когда празднества завершились, собрался Роберт с молодой женой в Нормандию, к отцу и матери. Император подарил ему на прощание много богатых даров: серебра, золота и драгоценных камней разных цветов, а также дал рыцарей и оруженосцев, чтобы они сопровождали его в пути.

О том, как Роберт с супругой прибыли в Руан, что в Нормандии, где их встретили с большим почетом

Долго ехали Роберт и его жена, пока не прибыли наконец в славный город Руан. Встретили их с радостью, так как все жители той страны были опечалены кончиной герцога, правителя мудрого и справедливого. И жил там в ту пору один злой рыцарь, который после смерти герцога причинил много обид герцогине и другим рыцарям также. Но когда Роберт появился, все его убоялись и потому отнеслись к нему с большим почтением и уважением. Многие думали, что его давно уже нет в живых. Все лорды и горожане Руана собрались вместе и оказали Роберту почетный прием как своему суверену и господину. Воздав Роберту должные почести, пожаловались они ему на вышеозначенного рыцаря, который после смерти прежнего герцога множество раз чинил несправедливости по отношению к герцогине и многим другим рыцарям. Роберт, выслушав их рассказ, немедленно послал вооруженных людей за этим рыцарем. Привели его к Роберту, который тут же распорядился рыцаря повесить, чему герцогиня несказанно обрадовалась. Но еще больше радовалась она тому, что ее сын вернулся домой, ибо боялась, что его давно нет в живых. А когда Роберт повстречался с матерью, рассказал он ей все о том, как получил в жены императорскую дочь и как искупил свои грехи. Герцогиня, слушая, как он страдал в нищете, искупая свои прегрешения, пролила немало слез.

О том, как император послал к Роберту гонца с просьбой прийти и спасти его от сарацин

Пока Роберт в Руане наслаждался покоем и обществом матери и молодой жены, прибыл императорский гонец, который, выказав Роберту должные знаки почтения, сказал:

— Милорд герцог, император послал меня к тебе молить, чтобы ты поскорее пришел и избавил его от негодяя и предателя сенешаля, который со своими сарацинами снова осадил Рим.

Роберт, выслушав гонца, искренне пожалел императора и, собрав войско из всех нормандских мужей, кто только мог держать в руках оружие, поспешил в Рим на выручку. Но еще раньше, чем он смог туда попасть, предатель сенешаль убил императора. Но Роберт все-таки подошел к Риму и со всем своим войском выступил против сенешаля. Увидев подлого предателя, Роберт закричал ему:

— Берегись, изменник, не избежать тебе встречи со мной в открытом поле, и жизни твоей приходит конец, ибо она в моих руках. Однажды ты ранил себя в бедро, чтобы обмануть римлян, готовься же теперь защищать свою жизнь. Ты убил императора, моего господина, и за все это получишь сполна.

И с этими словами Роберт, горя желанием отомстить, подъехал к сенешалю и нанес ему такой могучий удар по голове, что расколол надвое и шлем, и голову до самых зубов. В ту же минуту предатель замертво повалился на землю. Роберт приказал поднять его и привезти в Рим, чтобы казнить на площади в знак отмщения за все, что претерпели от него римляне. Так и было сделано. Так закончил предатель сенешаль свою жизнь и встретил позорную смерть. Да послужит его печальный пример уроком всем, кто желает того, что не положено им по рангу и званию. Ибо, не возжелай сенешаль императорской дочери, которая была много

выше всего, о чем он мог мечтать, не умер бы он постыдной смертью и император тоже не был бы убит, а дожили бы оба до глубокой старости хорошими друзьями.

О том, как герцог Роберт возвратился после казни сенешаля в Руан

Герцог Роберт защитил Рим от врагов и вернулся вместе со всем своим войском в Руан, к жене, которая в его отсутствие очень волновалась и переживала, а узнав о смерти своего отца, и вовсе едва не лишилась рассудка от горя. Мать Роберта молодую невестку утешала и успокаивала, как только могла.

Мы же, чтобы положить рассказу нашему конец и книге завершение, не станем описывать, как горевала и убивалась молодая герцогиня, а продолжим историю герцога Роберта, который в молодости был самым злонамеренным и порочным негодяем и вел жизнь, далекую от благочестия, не слушая голоса рассудка и не зная меры ни в чем. Прожорлив он был и гневлив, будто лев, никого не щадил, ник одному человеку не испытывал жалости. Но потом он прожил двенадцать лет в покаянии, слов-

но дикий зверь, ни с кем не разговаривая, ел и пил с собаками, так что другие люди считали его дурач-

ком и насмехались над ним, однако за то был он вознесен надо всеми и отмечен большими почестями. Этот самый Роберт вел впоследствии жизнь примерную и добродетельную вместе с благородной дамой, супругой своей. И все подданные Роберта, как низкого, так и высокого звания, боялись и почитали его, ибо он был одинаково справедлив как к богатым, так и к бедным, в землях его всегда царил покой и достаток. И родился у них с женой сын, коего назвали они Ричардом и который потом совершил много подвигов и благородных поступков вместе с Карлом Великим, королем Франции, был опорой и защитником христианской веры, заклятым врагом сарацин. После этого жил он в своей земле в мире и покое, пользовался любовью и уважением своих подданных, как до него отец его Роберт, ибо жизнь они оба вели праведную и добродетельную, каковую дай Бог вести каждому из нас. И да наставит нас в такой жизни и приведет ко спасению тот, кто своей кровью и страданиями искупил грехи всего человечества. Аминь.

Так кончил жизнь свою Роберт Дьявол,
Кто был от рожденья несдержан и горд,
Но Божьим слугой позже стал он,
О чем вам поведал Винкин де Ворд.

Так закончилась жизнь страшного, безжалостного и грешного Роберта Дьявола, которого затем стали называть также слугою Господа Нашего Иисуса Христа.

ИСТОРИЯ БРАТА РАША о том, пап он пришел в аббатство наниматься на службу, и был принят приором, и назначен поваренком

Книга, полная приятного веселия и наслаждения для юношества.

Напечатана в Лондоне Эдвардом Алди, в доме неподалеку от церкви Христа

Занимательная повесть о том, как демон по имени Раш пришел в монастырь на службу наниматься

Был в одной заморской стране монастырь. Стоял он на опушке большого леса, дабы святые братья не отвлекались от служения Всевышнему и денно и нощно молили Его за основателей и попечителей их обители, а также о спасении собственных душ. Место это заботами его основателей и других благочестивых людей (охотно дававших от своих щедрот) становилось все богаче, так что ни у одного монаха не было недостатка в серебре и золоте, а также еды и питья у всех было вдоволь. Наконец стало у них всякого добра столько, а жизнь сделалась такая легкая да приятная, что служба Господня пришла в великое небрежение: случалось, не служили в том монастыре ни заутрень, ни вечерень, а только и думали, как бы еще плоть свою ублажить. Про обеты, которые они давали, принимая монашеский сан, обитатели монастыря и думать позабыли и потому жили как твари неразумные, а не как добронравные святые мужи: гонялись за распутными девками, грешили, а деньги, что давали обители добрые и благочестивые люди, проматывали на всякие непотребства. И вот, когда Князь Тьмы, который покровительствует порокам, прослышал о том, что монахи погрязли в грехах, собрал он других демонов на совет, чтобы вместе решить, как удержать их в этом состоянии, а то и довести до худшего. Звали их Бельфегор, демон Обжорства, Асмодей, демон Разврата, и Вельзевул, демон Зависти. Сошлись они и еще другие демоны, помельче, вместе и стали радоваться, что такой беспорядок творится в святой обители. А цель их собрания была такова: выбрали они одного из своих, нарядили его в человеческое платье и послали наверх, в тот самый монастырь, чтобы он братьев с пути истинного и дальше сбивать продолжал. Вот пришел он к обители, стал у ворот один-одинешенек и стоит, пригорюнившись. Немного погодя проходил мимо тех ворот сам приор да и увидел, как Раш (так звали того демона) стоит там один. Тотчас обратился он к Рангу с такими словами:

— Что ты здесь делаешь и чего хочешь? Молодой человек отвечал ему с большим почтением:

— Сэр, я бедный человек, и нет у меня хозяина, а потому ищу я службу. Если вашей милости угодно будет взять меня к себе, буду служить вам верой и правдой, братьям на радость и монастырю на славу, а секреты ваши хранить буду так крепко, что непременно заслужу любовь и одобрение ваше и всех монахов.

Услышав такие речи, приор пожалел бедного юношу и ответил:

— Ступай на кухню и скажи повару, что это я послал тебя к нему. Пусть покажет, что тебе делать: будешь при нем, пока что-нибудь получше не отыщется.

Тогда молодой человек поклонился приору, поблагодарил его да и пошел на кухню, где повар хозяйничал. Там он снова поклонился и молвил:

— Сэр, господин приор послал меня сюда, чтобы ты дал мне работу, ибо я буду помогать тебе.

Повар отвечал:

— Что ж, добро пожаловать, — и тут же приставил его к делу.

Так и стал черт поваренком в святой обители, куда заслал его Князь Тьмы. И сказал он, смеясь про себя, вот что:

— До чего же я рад, что мне удалось так легко достичь своей цели, ибо теперь все, о чем я мечтаю, наверняка исполнится и все они будут наши. Я учиню такие споры и раздоры между братьями, что никогда уже не будут они знать мира и согласия, и сделаю каждому крепкую палку, пусть колотят друг друга, таскают за волосы, чтобы дурная слава об этой обители прошла по всему миру, а сам я буду стараться всем угождать, чтобы каждый считал меня самым лучшим и полезным в монастыре человеком.

Четыре или пять дней спустя случилось приору зайти на кухню. Увидел он там молодого человека и стал его расспрашивать:

— Где ты родился и как твое имя? На что тот учтиво отвечал:

— Сэр, родился я в дальней стороне, а зовут меня Раш.

Тогда приор его спрашивает:

— Раш, а не доводилось ли тебе когда-нибудь случать собак?

— Да, сэр, — сказал Раш, — случалось, и не раз, больше того, доводилось мне сводить и мужчин с женщинами, а для этого особое искусство потребно. Поэтому, сэр, если возникнет нужда, я могу привести в ваши покои прекрасную даму, а поутру отвести ее домой так тихо и скрытно, что никто не увидит. И я обещаю сохранить происшествие в секрете, так что и позднее никто не узнает. Возрадовался приор, услышав такие слова Раша, и молвил:

— Раш, если ты сделаешь, как обещал, то я щедро вознагражу тебя и сделаю любимым доверенным слугой. Так что заканчивай свои дела на кухне, ибо скоро ты отправишься с поручением от меня.

С этими словами он вышел из кухни и отправился ужинать. И вот, когда все обитатели монастыря поели и разошлись по своим кельям, Раш, доделав свои дела на кухне, поднялся к приору и спросил:

— Сэр, какое поручение хотите вы мне дать?

На что приор отвечал:

— Неподалеку отсюда живет прекрасная благородная дама, которую я люблю, однако сердца своего открыть ей не решаюсь. Если ты найдешь способ тайно привести ее в мою келью, я щедро вознагражу тебя за труды.

Раш, выслушав хозяина и узнав его тайные мысли, отвечал так:

— Сэр, ободритесь и положитесь во всем на меня одного: я пойду в дом к прекрасной даме и буду говорить с ней так, что нынче же ночью окажется она у вас. — И с этими словами покинул Раш своего хозяина и отправился прямо в дом к прекрасной даме. Явившись туда, он нашел благородную даму совсем одну. И как только она его заметила, он низко поклонился и обратился к ней весьма учтиво.

О том, как демон по имени Раш пришел в дом к благородной даме и тайно привел ее к своему хозяину

— Привет тебе, прекрасная добрая госпожа, красивейшая из всех живущих. Мой хозяин посылает тебе свой привет и просит, чтобы ты пришла с ним побеседовать.

Спрашивает его благородная дама:

— Кто же твой хозяин и о чем он хочет говорить со мной?

— О прекрасная госпожа, — отвечал Раш, — мой хозяин — приор соседнего аббатства, и он так сильно влюблен в тебя, что, если ты не сжалишься над ним и не придешь сегодня в его покои, к утру он точно умрет от горя.

И когда благородная дама услышала эти слова Раша, она сказала:

— Дорогой сэр, нехорошо, если джентльмен умрет из-за меня, и, чтобы не допустить этого, я пойду к нему сама и окажу ему все возможные любезности.

Раш обрадовался, что она так быстро согласилась и что он столь легко достиг цели своего предприятия, и ответил ей:

— Прекрасная госпожа, не окажешь ли ты мне любезность и не пойдешь ли со мной? Я приведу тебя прямо к моему хозяину, а он, я уверен, уже приготовил тебе радушный прием и готов вознаградить тебя золотом и серебром в изобилии, ибо человек он богатый.

Благородная дама отвечала так:

— Сэр, умоляю, отправимся без промедления, ибо джентльмен, должно быть, уже заждался нас.

О том, как демон по имени Раш пришел в дом к благородной даме и тайно привел ее к своему хозяину

— Привет тебе, прекрасная добрая госпожа, красивейшая из всех живущих. Мой

хозяин посылает тебе свой привет и просит, чтобы ты пришла с ним побеседовать.

Спрашивает его благородная дама:

— Кто же твой хозяин и о чем он хочет говорить со мной?

— О прекрасная госпожа, — отвечал Раш, -мой хозяин — приор соседнего аббатства, и он так сильно влюблен в тебя, что, если ты не сжалишься над ним и не придешь сегодня в его покои, к утру он точно умрет от горя.

И когда благородная дама услышала эти слова Раша, она сказала:

— Дорогой сэр, нехорошо, если джентльмен умрет из-за меня, и, чтобы не допустить этого, я пойду к нему сама и окажу ему все возможные любезности.

Раш обрадовался, что она так быстро согласилась и что он столь легко достиг цели своего предприятия, и ответил ей:

— Прекрасная госпожа, не окажешь ли ты мне любезность и не пойдешь ли со мной? Я приведу тебя прямо к моему хозяину, а он, я уверен, уже приготовил тебе радушный прием и готов вознаградить тебя золотом и серебром в изобилии, ибо человек он богатый.

Благородная дама отвечала так:

Сэр, умоляю, отправимся без промедления, ибо джентльмен, должно быть, уже заждался нас.

И они оба отправились в путь и вскоре достигли покоев приора. И когда тот увидел, что дама пришла, то был рад и счастлив и благодарил Раша за службу. А потом провел даму в свои покои и оказал ей радушный прием, и было у них кушаний и вина в изобилии. А когда они потрапезничали, Раш ушел на кухню, оставив приора с благородной дамой наедине, и она спасла ему жизнь. Оказавшись на кухне, демон Раш сказал себе:

— До чего же я рад, что мне удалось выполнить поручение хозяина и привести к нему эту даму. А уж что они столкуются, я не сомневаюсь, так как оба хотят одного и того же.

И когда другие братья прознали, что Раш был такой ловкий и услужливый малый, к тому же не болтливый, то стали тоже обращаться к нему за помощью, и он никому не отказывал: каждому монаху он приводил ту женщину, которую тот больше всего желал, и все были довольны и счастливы. И так они были ослеплены похотью и невежеством, что не признали в нем демона и любили и почитали его.

О том, как брат Раш бросил повара в котел с кипящей водой, отчего тот и умер

Случилось так, что однажды брат Раш вышел из монастыря поразмяться и возвратился домой поздно, а повар очень на его долгое отсутствие сердился. И вот, как только Раш вошел на кухню, повар приступил к нему с такими словами:

— Где тебя, сын шлюхи, носило? — а потом взял большую палку и больно прибил его.

Раш видел, что повар совсем потерял рассудок от злости, но побил тот его сильно, и демон тоже разозлился и сказал:

— Ах ты, разбойник, сын шлюхи, ты зачем меня побил? Погоди же, я тебе покажу! — Он сгреб повара в охапку, швырнул в большой котел с водой, которая кипела в это время на огне, и сказал: — Лежать тебе здесь во имя дьявола, теперь-то уж никогда не будешь бранить меня и драться.

Так Раш убил повара. Когда с этим было покончено, он вышел из кухни и отправился в соседний город, где жила другая прекрасная женщина, которую он обещал привести своему хозяину. В его отсутствие на кухню вошли несколько братьев. Они хотели поговорить с Рашем, но никого не нашли и решили присесть у огня подождать, когда тот вернется, ибо думали, что отсутствовать он будет недолго. И вот, когда они сидели у огня и болтали, один из них вдруг заметил, что в котле с водой кипит человек. А когда они разглядели, что это повар собственной персоной, очень испугались и огорчились. И, громко крича, побежали к приору и рассказали ему, что повар утопился на кухне в котле с кипятком. Приор, услышав такую весть, тоже сильно огорчился. А тем временем Раш вернулся домой и провел женщину

в покои хозяина. Тогда монахи рассказали ему о несчастье, которое произошло с поваром на кухне, а он сделал вид, будто опечален известием, и притворился, что ничего не знает об этом деле. Так как сам приор и все монахи очень его любили и во всем ему доверяли, то никто не заподозрил, что он имеет к этому происшествию какое-либо отношение, и о бедняге поваре все скоро позабыли. Приор распорядился, что заменять его будет Раш, и хитрый демон вскоре успокоился, перестал притворяться и очень радовался, что все идет, как он задумал, и лучшего и пожелать нельзя. Сделавшись поваром, Раш наладился готовить куда как вкусно и ладно: в пост перед Пасхой и перед Рождеством, по пятницам и во все остальные дни недели ловкий бес опускал куски свинины в котлы с кашей, отчего каша становилась лучше не надо, а мясо выходило у него такое, что и сам приор, и монахи ели — нахвалиться не могли. Вскоре все решили, что Раш справляется со своими новыми обязанностями куда лучше, чем прежний повар, и что он куда более сведущ в поварском искусстве, а стало быть, пусть хозяйничает на кухне и впредь. Так и вышло, что еще семь лет Раш оставался поваром в монастыре, и все у него получалось, и все его любили и хвалили. И вот однажды приор и другие братья собрались на совет, и, пока они разговаривали друг с другом, приор вспомнил Раша и сказал братьям:

— Друзья, Раш уже давно управляется у нас на кухне, он прилежный слуга и не однажды выполнял наши поручения, и прожил он у нас больше, чем кто-либо другой из слуг, так что, сдается мне, следует подыскать ему занятие получше и сделать его одним из нас.

На что весь совет в один голос отвечал, что так тому и быть.

Приор послал за Рашем и, когда тот предстал перед ним и другими братьями, сказал:

— Раш, ты уже давно живешь с нами, слуга ты верный и исполнительный, и мы решили тебя повысить в чине: отныне ты, как и все мы, будешь носить сутану и станешь одним из нас.

Раш в ответ молвил: — Благодарю тебя, господин мой.

Тогда приор протянул ему сутану, Раш надел ее на себя и стал монахом, но обязанности свои на кухне не бросил.

О том, как брат Раш нарезал для монахов дубин, чтобы те могли ими драться

Когда Раш надел монашескую сутану и сделался одним из братьев, у него стало больше времени для отдыха, чем было раньше. И, точно король или великий герцог, который в мирное время издает ордонансы, готовясь к войне, стал брат Раш, покончив с делами на кухне, садиться у ворот и у всех на виду вырезать большие крепкие дубины. У каждой была удобная рукоятка с упором, чтобы рука не скользила, и братья, глядя на это, дивились искусству Раша и спрашивали, для чего эти дубины потребны. А Раш отвечал так:

— Добрые мои сэры, делаю я их вот для чего: вдруг придут воры и захотят наш монастырь ограбить, тогда вам будет чем от них защититься. Для этого я их и делаю. Кроме того, всякий, кому понадобится оружие, может прийти ко мне, и я дам ему дубину, они будут лежать здесь наготове.

Братья благодарили за ответ и шли восвояси. И вот однажды случилось так, что приор и его помощник поссорились и до того оба рассердились, что чуть не подрались, да стыдно стало. Однако зло друг на друга они затаили, и все из-за какой-то шлюхи. Вскоре слух об их ссоре распространился по всему аббатству, и монахи тоже в нее втянулись. Одни принимали сторону приора, другие, кому больше был по душе помощник, защищали его. И так весь монастырь стал роптать. Постепенно монахи решили, что рано или поздно выместят зло друг на друге, и, чтобы намерение свое исполнить, стали один за другим наведываться к Рашу и брать у него дубины. Вскоре все обзавелись дубинами, и никто не выходил из кельи, не спрятав дубинку под сутану, но каждый держал это в таком секрете, что все думали, будто ни у кого больше оружия нет. А когда брат Раш раздал все дубинки до одной, то возрадовался он в сердцу своем, ибо знал, что рано или поздно начнется в монастыре

большая драка. Скоро наступил Великий пост, а с ним, как это принято в монастырях, торжественные службы, когда все монахи должны собираться в полночь к заутрене. И вот однажды ночью сошлись все монахи на хоры и готовы были начать заутреню, да не было приора, и стали его ждать. Немного погодя приор взошел на хоры, сел, огляделся и увидел своего помощника, который давно был на месте. При виде его взыграла старая обида в сердце приора, и подумал он, что лучшего случая отомстить не представится. Неожиданно он поднялся, подошел к помощнику, размахнулся и ударил того кулаком в ухо. Помощник слетел с сиденья, потом вскочил на ноги и тоже бросился на приора с кулаками, и принялись они друг друга тузить. А монахи, когда это увидели, сорвались со своих мест, выхватили из-под ряс дубинки да тоже давай один другого охаживать. Случись в этот ранний час быть там чужому человеку, то-то посмотрел бы он, как знатно монахи драться умеют! А брат Раш, когда увидел драку, задул все свечи и

все лампады, так что в церкви стало темно и нельзя было разглядеть, кто кого бьет. Сделав это, черт взял свою дубинку и тоже кинулся на хоры в самую гущу дерущихся, которые продолжали лупить друг друга и без света. Там он махал дубиной без устали направо и налево, и множество братьев полегли, словно мертвые. Но и этого мало показалось зловредному демону: залез он на балкон над самыми хорами, где стоял большой дубовый стол, поднял его, размахнулся да и швырнул вниз прямо на братьев. Покалечил их без счету: у кого рука сломана, у кого нога, а кому столешницей нос начисто срезало, так что кровь рекой течет, прямо в рот попадает. А что до проломленных голов, так этим никого удивить было нельзя, ибо у каждого было то же самое. Одним словом, никто не уцелел. Немало позабавился бы человек, увидевший, как монахи ползают по хорам на четвереньках и, вместо того чтобы петь Хвалу Господу, охают да причитают. Когда драка кончилась и шум стих, явился Раш со свечкой, как будто и не дрался сам только что, и сказал:

— Фи, стыдитесь, любезные сэры, как это могло случиться, что между вами произошла такая ужасная драка? Теперь я вижу, что вас не заботит ни ваша собственная честь, ни доброе имя обители вашей. Люди станут говорить, что вы монахи бесстыжие, благочестия в вас ни на грош, а мне будет куда как больно такие слова о вас слышать. И я не потерплю, чтобы наш монастырь так ославили, а потому, добрые господа, попрошу вас успокоиться и предоставить дело мне, а уж я так управлюсь, что все будет хорошо, и вы опять станете добрыми друзьями, и никто ничего не узнает.

Принялись тогда монахи жаловаться Рашу на свои увечья, а он стал притворяться, будто ему их всех очень жаль. Потом те, кто еще мог ходить, разбрелись по своим кельям, те же, кто на ногах не стоял, поползли как умели. Там они улеглись каждый на свою кровать и оставались в них кто три недели, а кто и больше, пока все у них не зажило. И все это время служба Господня шла из рук вон плохо: никто не служил ни вечерень, ни заутрень, даже в церковь никто не ходил, потому как всем им было запрещено туда являться до времени и они боялись, что кто-нибудь узнает. А когда все болячки у них прошли и каждый смог подниматься на ноги и свободно ходить по монастырю, пришли они к Рашу возвращать дубинки, и каждый его благодарил, на что он им отвечал: (':›р, кик только у вас снова будет нужда в дубинке, приходите ко мне, она будет ждать вас здесь.

И каждый говорил «спасибо» и уходил. Когда брат Раш увидел, что все дубинки вернулись к нему, а монахи ушли, засмеялся он и сказал:

— Как я рад, что все задуманное так хорошо исполняется! С тех пор как я здесь, сколько уже бесчинств устроено мною, а я еще больше учиню и добьюсь того, что они будут все до единого прокляты, и гореть им в адском огне душою и телом веки вечные, а слава моя и через тысячу лет не состарится.

О том, как брат Раш вымазал дегтем повозку и славно угостился в деревне

В другой раз случилось так, что приору нужно было поехать в деревню уладить одно

небольшое дельце. Он позвал к себе слугу своего Раша и сказал ему:

— Раш, ступай на двор, возьми посудину смазки да намажь как следует колеса и оси повозки, и приготовь все к утру, ибо завтра рано утром мне надо выезжать.

Раш вышел от своего хозяина и пошел справлять дело, которое тот ему поручил, но вместо смазки взял большую посудину, полную дегтя, и вымазал всю повозку как внутри, так и снаружи, а особенно щедро — сиденье, на котором обычно помещался приор. Покончив с этим, он вернулся в покои хозяина. Приор спросил у него, все ли он сделал, что ему было велено, на что Раш ответил:

— Да, господин, можно выезжать когда захотите.

С этим оба разошлись по кельям.

На следующий день приор, слуга его Раш и другие сопровождающие поднялись рано, чтобы отправиться в путь, и пошли садиться в повозку. Но когда приор ступил в повозку, то увидел, что все платье его покрыто позорными пятнами и слиплось. Тогда напустился он на Раша:

— Ах ты, негодник, признавайся, что сделал ты с повозкой, что я весь так перемазался?

Раш отвечал:

— Господин, я сделал только то, что ты велел мне.

— Лжешь! — гневался приор. — Я велел тебе взять смазку и намазать ею оси и колеса, а ты взял деготь и выпачкал все и внутри, и снаружи. Зачем ты это сделал?

— Господин, — сказал Раш, — я понял, что ты так сказал мне.

Видит тут приор, что делать нечего, велел слугам заложить другую повозку, а сам пошел тем временем менять платье. Когда он спустился в чистой сутане, все уже было готово. Сели они и поехали, и через некоторое время пришел их пути конец. Вышли они у постоялого двора, и приор заказал ужин. Скоро все было готово, и приор с хозяином уселись за стол и принялись закусывать. Потом приор заказал вина, да получше, а потом и еще раз.

Когда приор и хозяин отужинали, настала очередь Раша и его товарищей доедать, что осталось от господского стола, однако вина им не подали. Очень это огорчило Раша, и стал он думать, как бы это ему исхитриться и раздобыть вина, и придумал. Подозвал хозяйку и молвил:

— Госпожа, прошу тебя, наполни вином кувшин для меня и моих товарищей.

Она исполнила его просьбу. Когда кувшин был выпит, они попросили еще и еще, а там и ужин кончился.

На следующий день, когда приор покончил с делом, из-за которого приехал, и собрался возвращаться домой, захотел он расплатиться за все, что было съедено и выпито. Тут же пришла хозяйка и подробнейшим образом отчиталась, что съели люди, а что скормили коням. Не забыла и про кувшины вина, которые выпили Раш и его товарищи. Услышав, как много вина выдули его слуги, приор сильно рассердился и стал у хозяйки спрашивать, кто распорядился подать им столько вина. Хозяйка отвечала:

— Господин, Раш, твой слуга, распорядился принести вина и сказал, что ты за все заплатишь.

Тогда приор велел позвать Раша и спросил у него:

— Ты, распутный мошенник, зачем столько вина выпил? Неужели тебе и твоим дружкам кувшина было мало?

— Господин, — молвил в ответ слуга, — мы как раз кувшин и выпили, а остальное досталось твоим лошадям.

— Лошадям? — удивился приор. — А им-то вино зачем?

— Как же, господин, — отвечал хитрый Раш, — они работали куда больше нашего и сильно устали, а получили только сено да овес. Вот мне и подумалось, что неплохо было бы дать им вина, чтобы запить еду. Пусть порадуются да веселее тянут твою повозку на обратном пути.

А приор, услышав такие речи слуги своего, понял, что ничего тут не поделаешь, остается только терпеть, вытащил кошелек, заплатил за вино и все остальное, сел в повозку и

поехал домой. Но больше брат Раш никуда со своим хозяином не ездил.

О том, как приор назначил Раша пономарем монастырской церкви и велел ему следить за тем, кто из братьев не посещает заутреню, и докладывать об этом

Вернувшись домой, приор назначил Раша пономарем монастырской церкви. Он должен был звонить в колокола, зажигать свечи и созывать братьев в полночь на молитву. А еще приор велел ему разузнать, есть ли среди братьев такие, кто не ходит к заутрене, и если таковые обнаружатся, то незамедлительно сообщить ему об этом. На что Раш отвечал:

— Господин, все будет исполнено. — На этом они и расстались.

Три или четыре ночи спустя Раш заметил, что несколько монахов отсутствуют. Он запомнил их имена, а наутро пошел к приору и обо всем рассказал. Приор тут же призвал нарушителей к себе и как следует их отчитал. Немного погодя Раш снова пришел к приору с докладом, и тот очень сердился. Монахи же, когда поняли, кто на них доносит, затаили на Раша большую обиду, однако поделать ничего не могли: держал он их в таком страхе, что никогда больше не смели они не то что пропускать заутреню, но даже и опаздывать, и каждый норовил прибежать на хоры первым.

Раш, сообразив, что монахи стали его бояться, решил сыграть с ними злую шутку. Однажды ночью, перед тем как звонить к заутрене, пошел пономарь к лестнице, что вела в кельи монахов, и сломал на ней ступеньку. После этого прозвонил к заутрене, зажег в церкви все свечи и лампады, подошел к лестнице, встал у ее подножия, как обычно, и стал созывать братьев. Немного погодя появился первый монах. Ничего не подозревая, направлялся он, по своему обыкновению, на хоры, как вдруг ступенька под ним подломилась и он упал и сильно расшибся. Раш, увидев это, молвил:

— Вот и первый.

Вскоре подоспел другой монах и тоже упал с лестницы и убился.

— А вот второй, — сказал на это злобный бес.

Тут прибежал третий монах. Человек он был тучный, с большим животом, да к тому же сильно торопился, думая, что уже опоздал. Сверзился и он с лестницы, да прямо на братьев, которые уже внизу лежали, и чуть шеи им не переломал.

— Третий, — отозвался пономарь.

Сразу вслед за третьим появились еще семь или восемь монахов сразу, и так все вместе и свалились.

— Тише, господа, как не стыдно, — обиделся Раш. — Вы слишком торопитесь, раньше вы так не спешили. Я знаю, что вы задумали: хотите, чтобы я в суматохе не разобрал, кто есть кто, а потом не смог доложить приору, кто отсутствовал на заутрене. Вы меня перехитрили, лучше бы кто-нибудь другой занял мое место. — И хитрый бес сделал вид, будто очень рассердился.

Тогда братья, которые еще могли идти, хотя и очень страдали от боли, поднялись на ноги и потащились на хоры. Те, которые упали первыми и лежали в самом низу, идти не могли, так как сильно расшиблись, особенно один, с большим пузом. Однако и они поползли на молитву. Собравшись вместе, пожаловались они друг другу на свои ушибы и с тем начали заутреню. Будь в ту ночь в церкви кто-нибудь чужой, услышал бы он много тяжких вздохов и заунывных песнопений, ибо монахи страдали от боли и на сердце у них было невесело. Когда служба окончилась, те, кто мог идти, разошлись по своим кельям, а те, кто не мог, пролежали на хорах всю ночь.

Наутро известие о печальном происшествии с братией дошло до приора. Опечалился он и рассердился и велел позвать Раша, так как был уверен, что именно он подстроил это несчастье, поскольку и раньше уже доводилось ему выкидывать подобные штуки. Тот явился. Приор спрашивает у него:

— Как случилось, что братьев ночью постигло такое несчастье?

— Господин, — отвечал хитрый бес, — сейчас я все объясню. Когда ты назначил меня на эту должность, то распорядился, чтобы я присматривал за братьями, не пропускает ли кто заутреню, и тебе обо всем докладывал. Так я и делал, отчего многие братья были тобою сурово наказаны. По этой причине держат они на меня зло и рады были бы меня с этой должности выжить, да не знали как, а прошлой ночью придумали. Дело было так: когда настала полночь, я прозвонил к заутрене, зажег в церкви все свечи и лампады, все приготовил и пошел по кельям будить братьев. Потом встал внизу лестницы, чтобы видеть, кто пройдет мимо; но они нарочно, чтобы я не успел никого заметить, пробежали мимо меня всей толпой, да так спешили, что спихнули друг друга с лестницы, а тот, с большим брюхом, больнее всех ударился. Так какая же моя вина, если они расшиблись?

Услышав такие слова Раша, приор не знал, что сказать, однако, дабы избежать подобных происшествий и неприятностей в будущем, разжаловал его из пономарей и отправил назад на кухню. Оказавшись там, демон веселился и говорил:

— Еще одно предприятие прошло удачно, а приор остался в дураках. То ли еще будет, прежде чем я уйду отсюда!

О том, как Раш ходил гулять, да опоздал домой, а по пути нашел корову и разделил ее на две части, из которых одну взвалил на плечо и принес с собой, а другую оставил лежать на месте; и о том, как приготовил он для братьев ужин

Повадился Раш, все дела на кухне справив, ходить гулять, время провести да повеселиться в честной компании. Вот однажды вышел он из монастыря и пошел, куда дорога приведет, и зашел в деревню, которая была в двух-трех милях от того места, где он жил. Поглядел он в одну сторону, в другую, нет ли где веселой компании, и увидел трактир. Вошел, видит — сидят люди, едят, пьют, в карты играют. Подошел к ним Раш, почтительно поклонился и тоже сел с ними. Сначала выпил, потом стал играть, и было ему так же весело, как и всем остальным. И так он заигрался, что начисто забыл про все дела дома, а день между тем проходил, и ночь приближалась.

Наконец опомнился Раш, глядит — уже вечер наступил, ужин скоро, а у него на кухне еще ничего не готово ни для приора, ни для братии. Решил он, что пора идти, расплатился за выпивку, встал и отправился восвояси. По дороге увидел он жирную корову, что паслась на лугу, подскочил к ней и разорвал на две части. Одну оставил лежать, а другую перекинул через плечо и понес в монастырь. Придя домой, он стал готовить ужин: сколько-то мяса положил в котел, остальное нанизал на вертел, развел большой огонь, поставил на него горшок, положил вертел и сварил превкусную похлебку и пожарил мясо, да так быстро, что успел как раз вовремя. Приор и братья несказанно удивились, что он так быстро и хорошо все приготовил: они знали, что домой он пришел поздно. Некоторые монахи ходили в кухню и не видели там ни повара, ни огня в очаге, никаких приготовлений к ужину. И стали они тогда Раша хвалить и говорить, как быстро он справляется со своим делом.

О том, как монастырский крестьянин искал свою корову и как на обратном пути застигла его ночь, так что он был принужден забраться в дупло, и о видении, которое ему было

Жил-был бедный монастырский крестьянин, и была у него корова, которая каждый день паслась на лугу, а вечером сама приходила обратно, и никогда не случалось такого, чтобы она на ночь не вернулась домой. Но однажды стряслась с коровой беда: брат Раш убил ее, когда она паслась в поле, и потому не пришла она домой в обычный час. Видит крестьянин, нет коровы, подумал, не случилось ли чего, и пошел ее искать. Долго бродил он по полям и лугам, пока не увидел наконец половину коровьей туши, лежавшую на земле.

Другой половины нигде не было видно. Посмотрел крестьянин, как ровно туша разделана, и решил, что это человеческих рук дело, ибо никакой зверь не сумел бы отгрызть половину, не попортив остального мяса. Повернулся он и пошел домой, но на полпути застала его ночь, и сделалось так темно, что и дороги не было видно. Тогда начал крестьянин искать, где бы ему заночевать, и, не увидев никакого жилья, залез в большое дупло и приготовился провести в нем всю ночь.

Однако не успел крестьянин в дупло забраться, как вдруг появилась целая стая демонов вместе с Люцифером, их предводителем, который стал держать речь. Сначала обратился он к демону по имени Вельзевул и громким голосом спросил:

— Вельзевул, что ты для нас сделал? На что Вельзевул отвечал так:

— Господин, я заставил брата поссориться и подраться с братом, так что один из них убил другого.

— Ты хорошо сделал, — молвил дьявол, его хозяин. — За твои труды я тебя щедро награжу.

Затем вызвал он другого демона, имя которому было Инкубус, и стал спрашивать, что тот сделал.

— Господин, — сказал Инкубус, — моими стараниями поссорились два могущественных лорда, из-за чего началась война, в которой много людей было убито.

На что дьявол, его хозяин, ответил так:

Ты наш верный слуга и за свои труды и старания получишь щедрую награду.

После чего обратился могучий хозяин к третьему демону, которого звали Норпель, и спросил:

— Ну а ты что для нас сделал?

— Господин, — молвил тот, — я пошел к игрокам в карты и в кости и заставил их ругаться и божиться, а потом сделал так, что один из них набросился на другого. А еще поссорил я жену с мужем, и дошло у них до того, что жена перерезала мужу горло.

— Очень хорошо, — говорит его хозяин, — получишь ты за труды свои щедрую награду.

Тут вышел вперед другой демон по имени Даунзнест и говорит:

— Господин, я заставил двух старух разодраться, и они колотили друг друга по головам до тех пор, пока у одной из них глаза не вылетели.

— Ты очень хорошо сделал, — ответил дьявол, его хозяин, — и я благодарю тебя за труды твои и щедро награжу.

И тут вышел, растолкав остальных демонов, брат Раш и стал похваляться:

— Господин, я живу в монастыре и распоряжаюсь приором и другими монахами как самим собой, и все они меня любят и почитают, ибо я не однажды доставлял им удовольствие, приводя каждому ту женщину, которую он вожделел. Много раз заставлял я их ссориться и драться, а однажды вырезал для них дубинки, которыми они так переколотили друг друга, что не осталось ни одного, у кого не была бы сломана рука либо нога или пробита голова. Но и этого мало: прежде чем я уйду из этого места, заставлю я их так враждовать, что один будет бросаться на другого, пока не окажутся все с нами в преисподней, и гореть им тогда в адском огне веки вечные.

Так ответил дьявол на слова Раша:

— Если ты и впрямь совершил все то, о чем поведал, честь тебе и хвала, и, умоляю, постарайся, чтобы монахи и дальше предавались греху, в особенности же этим трем: гневливости, обжорству и сластолюбию. Доведи начатое до конца как можно скорее, да не ошибись, а когда закончишь, возвращайся домой, и будешь среди других демонов славен и щедро награжден за труды твои и старание.

После этого велел дьявол слугам своим возвращаться к делам и выполнять их со всем возможным усердием. И разбрелись демоны опять кто куда по всему свету заканчивать свои черные дела. А когда бедный крестьянин, который сидел в дупле, услышал, что все демоны ушли, возрадовался он в сердце своем, ибо все то время, пока они оставались поблизости,

пребывал он в ужасном страхе, как бы они его не заметили. Молил он Всемогущего Бога быть ему защитой и спасти его от поганых и злокозненных демонов, а также послать поскорее на землю утро, чтобы он мог выбраться из дупла, ибо устал сидеть в нем так долго. То и дело крестьянин поднимал голову и вглядывался в окружающий мрак, надеясь увидеть проблеск света, при котором он мог бы найти дорогу домой, а в потемках двинуться не решался, так как боялся, что не все демоны еще ушли. Через некоторое время начало светать, и, увидев это, крестьянин высунулся из дупла, огляделся, убедился, что вокруг никого нет, возблагодарил Бога, который избавил его от неминуемой гибели, и снова тронулся в путь.

О том, как на следующее утро крестьянин, прятавшийся в дупле дерева, пошел к приору и пересказал ему все, что слышал, включая и слова брата Раша, который оказался демоном

Как только наступило утро, крестьянин вылез из дупла и отправился прямо к приору, и не знал ни минуты покоя до тех пор, пока не рассказал ему обо всем.

Придя, он сказал приору так:

— Господин, прошлой ночью со мной произошла удивительная вещь.

— Какая же? — спросил тот.

— Вчера поздним вечером вышел я в поле поискать корову, которая не приходила домой четыре или пять дней. Долго ходил я, пока наконец не нашел одну половину моей коровы, а второй нигде не было видно. Тогда я повернулся и зашагал к дому, но в дороге застигла меня ночь, и стало так темно, что я сбился с пути. Не зная, где оказался, огляделся я по сторонам и увидел полое дерево. Я залез в него и решил, что переночую, а с рассветом двинусь дальше. Но не успел я в него забраться, как вдруг появилась большая компания демонов. Они подняли страшный шум, отчего я сильно испугался. Был с ними и их хозяин по имени Люцифер, который расспрашивал остальных о том, что они сделали с тех пор, как покинули ад. Много разных историй услышал я тогда. Под конец выступил вперед брат Раш, и спросил у него Люцифер, его хозяин: «Раш, а что ты сделал с тех пор, как ушел из ада?» А тот отвечал, что вертел тобою и всем твоим монастырем как хотел, заставлял монахов ссориться и драться между собой, так что не стало в обители ни мира, ни покоя. Говорил он также, что вводил вас в грех, и обещал, что, прежде чем уйти отсюда, заставит братьев убивать друг друга, чтобы вы все, проклятые телом и душою, попали в ад на веки вечные. После этого демоны разошлись и отправились по своим делам. Берегись же, ибо брат Раш есть не кто иной, как демон.

Приор, выслушав крестьянина, поблагодарил его за труды и отпустил с миром. Крестьянин отправился домой, а приор, немало его словами потрясенный, пошел в свою келью и стал сокрушаться о собственном распутстве и грехах против Господа Бога нашего. В великом раскаянии приор преклонил колена и молил Всевышнего милосердно даровать ему прощение за великие и тяжкие грехи, которые он совершил, а также за то, что так дурно пользовался он своим духовным саном.

После этого вышел он из своей кельи и отправился в монастырь говорить с братьями. Когда они собрались вместе, приор передал им рассказ крестьянина и объявил о том, что брат Раш демон, а не земное создание. Услышав это, монахи сильно удивились и пожалели, что так часто поступали, как он им говорил, и ходили к нему за советом. Тяжко стало у них на сердце, когда припомнили они все свои омерзительные прегрешения, и преклонили они колена и стали молить Всемогущего Господа о прощении и помиловании. Видя их раскаяние, приор повелел всем готовиться к службе. Монахи, повинуясь ему, не мешкая пошли, все приготовили и начали молиться.

Когда служба была в самом разгаре, вышел приор из церкви и отправился на кухню, где хозяйничал Раш. Там он повелел демону стоять смирно и, с помощью Господа и всех небожителей, превратил его в коня, а потом приказал идти к воротам, и встать на том месте,

где он стоял в самый первый день, и ждать окончания службы. Раш в обличье коня отправился, куда ему было сказано, и встал там. Когда служба подошла к концу, приор вместе со всей братией пошел к воротам посмотреть, что сталось с Рашем. Подойдя к воротам, они увидели, что он стоит там в облике коня. Стали они тогда его спрашивать, за какой надобностью пришел он в их обитель и отчего задержался так надолго.

— Господа, — отвечал Раш, — я пришел к вам для того, чтобы подбить вас на все те бесчинства, которые вы совершили. Но, прежде чем уйти отсюда, сделал бы я и больше: я заставил бы вас поубивать друг друга, чтобы оказались вы прокляты душою и телом.

Услышав эти слова, все монахи как один воздели руки и возблагодарили Милосердного Господа за счастливое избавление от грозившей им ужасной опасности. Раш стал просить у приора разрешения покинуть их обитель, пообещав, что никогда больше не вернется назад и не причинит вреда ни одному человеку. Приор согласился и позволил ему уйти. Демон отправился прочь, а монахи вернулись в свою обитель и жили с тех пор в молитве и уединении, служа Всемогущему Господу усерднее, чем когда-либо.

Жалоба Раша после изгнания его из монастыря

Изгнали Раша из монастыря, вернув ему прежний вид, и пошел он с тяжелым сердцем куда глаза глядят, приговаривая:

— Увы мне, увы, что же я стану делать, куда пойду, пропали семь лет трудов моих понапрасну.

И так скитался он некоторое время, пока не набрел случайно на хозяина своего, Люцифера. Не хотел Раш попадаться ему на глаза, но дьявол сразу заметил своего подданного и молвил:

— Что скажешь, Раш, какие новости?

— Господин, — отвечал ему Раш, — все, над чем трудился я целых семь лет, пропало безвозвратно.

— Как же это произошло? — спросил его хозяин.

— Господин, сейчас я все объясню, — сказал тогда демон и начал рассказывать: — В последний раз, когда мы собирались вместе, случился поблизости, в дупле старого дерева, один бедняк, который слышал все, о чем мы говорили. И как только мы разошлись, отправился он прямиком к приору и доложил ему обо всем, что слышал, а особенно подробно пересказал мои слова. Вот так и вышло, что труды мои пропали даром, а самого меня из монастыря изгнали.

— Ну что ж, — молвил в ответ дьявол. — Иди куда хочешь и ищи себе другое занятие.

Долго бродил Раш по белу свету, все никак не мог найти себе работу. Наконец набрел он на дом фермера, где не было слуги. Там его приняли, но жена хозяина дома была сильно недовольна. Женщина она была пригожая и очень любила своего приходского священника, да и сама была ему по нраву, так что они частенько встречались, пили, ели, веселились, и продолжалось все это уже долгое время. Свидания их сохранялись в такой строгой тайне, что никто ничего не подозревал, а мужа они не боялись, ибо он вставал каждое утро рано и уходил в поле, а жена, чтобы он подольше не возвращался, всегда давала ему с собой котомку еды и бутыль питья. Жена ни за что не хотела, чтобы ее муж нанял слугу или завел еще какого-нибудь помощника в доме, ибо боялась, что ее секрет раскроется. Да и муж тоже опасался заводить слугу, ибо думал, что ни один надолго не задержится: так сердита да бранчлива была его супруга, что ее ни один черт не вытерпел бы. Так вот и получилось, что в доме фермера не было слуги: жена думала, что, пока ее муж в поле, она может продолжать встречаться со священником, да, как видно, ошиблась.

О том, как брат Раш пришел к крестьянину, который работал в поле, на службу

наниматься

Долго ли, коротко ли бродил брат Раш по свету, как набрел он на крестьянина, который работал в поле один-одинешенек, и обратился к нему с такими словами:

— Доброго тебе здоровья, господин! Мне кажется, работы у тебя для одного человека многовато, не нанять ли тебе слугу? Я бедный юноша, ищу себе хозяина и, коли ты пожелаешь, с радостью стану тебе служить. Службой моей, думается мне, ты останешься доволен.

На эти его слова так отвечал крестьянин: — Я бы и рад взять тебя к себе в услужение, юноша, да жене моей ни один работник не может угодить.

— Господин, — молвил Раш, — об этом не беспокойся. Я устрою так, что супруга твоя всем будет довольна.

— Ну что ж, — сказал крестьянин, — тогда оставайся со мной, пока я не сделаю работу, а вечером вместе домой пойдем.

Когда крестьянин закончил свою дневную работу, Раш пошел с ним в его дом. Не успели они перешагнуть через порог, как жена крестьянина увидела Раша, помрачнела и злобно на него уставилась. Крестьянин, заметив это, обратился к ней с такими словами:

— Не сердись, супруга, ты ведь знаешь, что работы у меня больше, чем я один могу осилить, вот я и нанял этого юношу в помощники.

Жена, услышав это, рассердилась больше прежнего и принялась ворчать да браниться, будто сам дьявол в нее вселился:

— Что ты за барин такой выискался, что тебе слуга нужен? Сам со всем справишься, и ни к чему нам еще лишнюю обузу на себя взваливать, работника в дом принимать. Совсем ты, как я погляжу, обленился, работать не хочешь.

Муж, услышав ее недовольство, сказал так:

— Супруга моя, прошу тебя, успокойся, это честный юноша, и он пообещал служить хорошо.

Но женщина все никак не могла успокоиться и продолжала браниться. Тогда Раш, видя ее нетерпение, сам взялся ее уговаривать:

— Не сердись, госпожа, понапрасну: твой супруг нанял меня на время, для пробы. Но я надеюсь так угодить вам обоим, чтобы, когда моя временная служба закончится, вы захотели оставить меня у себя. Если же нет, что ж, я уйду не жалуясь.

Жена крестьянина, услышав разумные речи нового работника, утихла и ни слова больше не сказала, чему муж ее сильно обрадовался. Собрала она на стол, и сели все трое ужинать. За едой Раш спросил крестьянина:

— Что мне завтра делать?

— Вставай пораньше и отправляйся в поле, закончи то, что я сегодня не доделал, — ответил крестьянин (а работы там было еще на целый день).

Поели они и улеглись спать. На следующее утро поднялся Раш спозаранку, вышел в поле и начал работать. И так он споро трудился, что, когда пришел хозяин с завтраком, все уже было сделано, чему крестьянин сильно удивился. Позавтракали они вместе и пошли домой другие дела делать. Когда жена крестьянина увидела, как быстро новый работник со своим заданием справился, она решила, что держать его выгодно, и не стала браниться.

Вечером, когда Раш снова спросил, что ему завтра делать, хозяин назначил ему задание вдвое больше прежнего. Работник не стал спорить, а, встав спозаранку, пошел в поле и принялся за дело. Пока крестьянин проснулся и, прихватив завтрак, тоже вышел в поле помочь работнику, тот уже все сделал, так что хозяин опять сильно удивился. (А между тем, как только крестьянин вышел из дому, явился к его жене священник, и она начала готовить им обоим угощение. Пока горшки стояли на плите, начали священник с крестьянской женой миловаться, и, случись кому-нибудь заглянуть в это время в дом, увидел бы он немало интересного.)

Тем временем сели хозяин с работником завтракать. Раш заметил, что башмаки у

крестьянина жесткие, плохо смазанные, и говорит:

— Отчего твои башмаки так плохо смазаны? Удивляюсь, как ты в них вообще можешь ходить, они ведь жесткие. Разве у тебя нет других, получше?

— Есть, — ответил крестьянин, — дома лежат, под сундуком в моей комнате.

— Тогда, — говорит ему Раш, — я пойду домой и как следует их почищу, чтобы ты мог их надеть завтра.

С этими словами, весело напевая, отправился он к дому крестьянина. И чем ближе он подходил, тем громче пел. Хозяйка, услышав шум, выглянула в окно, увидела слугу и говорит священнику:

— Увы, что же нам делать? Слуга идет домой, а за ним и муж скоро пожалует. — Засунула она еду обратно в печь и стала со стола убирать.

— Куда мне спрятаться? — спрашивает ее священник.

— Иди в ту комнату и полезай под большой сундук, где старые башмаки стоят, а я тебя чем-нибудь прикрою.

Так они и сделали.

Раш вошел в дом, а хозяйка его спрашивает:

— Ты чего так рано вернулся?

— Я все в поле сделал, и хозяин отправил меня домой башмаки ему почистить, — ответил Раш и пошел в комнату. Наклонился, заглянул под сундук и увидел там священника. Схватил он его за ноги, выволок из-под сундука и спрашивает: — Ах ты, сукин сын, ты что тут делаешь?

Тот взмолился, чтобы Раш смилостивился и никому о его позоре не рассказывал, и обещал больше в дом крестьянина не ходить. С этим Раш его и отпустил.

О том, как Раш вернулся домой чистить конюшню и нашел под яслями священника, прикрытого соломой

Немного погодя священник пришел в себя и начал подумывать о том, как бы еще раз наведаться в дом крестьянина. Узнав, что хозяин и его работник Раш заняты в поле, он поспешил к своей любовнице. Жена крестьянина отворила ему дверь и очень обрадовалась его приходу. Она приготовила мясо, нацедила пива и поставила угощение перед священником, а сама села рядом с ним. Случись кому-нибудь заглянуть к ним, увидел бы он немало распутства.

Но недолго они так сидели. Вскоре снова послышалась песня, и появился Раш. Жена крестьянина, увидев его, сильно смутилась и, не зная, как быть, засунула мясо обратно в духовку, как и в прошлый раз.

— Куда мне спрятаться? — спрашивает ее священник.

— Пойдем со мной на конюшню, — отвечает ему хозяйка, — залезешь там под ясли, а я тебя соломой закидаю, там и подождешь, пока он снова уберется.

Вслед за этим вернулась хозяйка в дом, увидела там работника Раша и спросила, почему он опять так рано вернулся. Тот ответил, что все в поле сделал и пришел чистить конюшню. Услышав эти слова, хозяйка испугалась, ибо знала, что он наверняка опять найдет священника.

А Раш тем временем пришел на конюшню, взял вилы и принялся разбрасывать солому. Дошел он до той охапки, в которую зарылся священник, и показалась она ему слишком большой, но он все-таки поддел ее вилами, поднял, вынес во двор и положил на кучу навоза. Теми же вилами принялся он ворошить солому и, сняв немного сверху, увидел под ней сутану священника.

— Что за черт? ~ удивился он, раскидал солому и понял тогда, что священник опять пожаловал. Дал он ему своими вилами три-четыре хороших шлепка и молвил: — Ах ты, сукин сын, священник, ты что тут делаешь? Ты ведь обещал, что не станешь больше сюда

приходить, а сам, что же, обманывать? Вот я тебя сейчас прибью, чтобы не лгал мне впредь.

Священник, услышав такие слова, повалился на колени, воздел руки и стал молить Раша, чтобы он и на этот раз пощадил его честь, и обещать, что никогда больше не придет в дом крестьянина, а если слово свое нарушит, то пусть тогда Раш делает с ним что хочет.

Так Раш отпустил священника и во второй раз.

О том, как Раш вернулся домой и, найдя священника в корзине для сыра, протащил его через весь город

Две или три недели спустя подумал священник, что давно уже не бывал он у жены крестьянина. Он знал, что это может стоить ему жизни, но уж очень ему хотелось туда пойти.

И вот однажды, проведав, что крестьянин ушел в поле, направился священник в его дом, да так спешил, что, не успев войти, полез к хозяйке обниматься. Она же от него вырвалась и пошла приготовить ему еду, как у нее было заведено. Оба думали, что времени у них предостаточно, однако они ошибались.

Когда крестьянин добрался до своего поля, Раш всю работу сделал, и сели они завтракать хлебом и сыром. Пока они ели, Раш углядел в сыре волос и говорит:

— Господин, похоже, твоя хозяйка задумала нас отравить, или же она совсем не моет корзину, в которой лежит сыр: смотри, в ней полно волос. Пойду-ка я домой и помою корзину, пусть будет чистая. — С этими словами оставил он своего хозяина в поле, а сам пошел домой, напевая по пути веселую песенку.

Подошел Раш к дому, а хозяйка уже узнала его голос и увидела, что он идет. Стала она заламывать руки и кричать священнику:

— Прячься, а не то он тебя убьет!

— Куда же мне спрятаться? — спрашивает ее священник.

— Ступай наверх, в комнату, да полезай в корзину, что висит за окном, а я скажу тебе, когда он уйдет.

Вот снова входит Раш в дом, а хозяйка спрашивает его, почему он так рано пришел. Он отвечает:

— В поле я всю работу сделал, вот хозяин и послал меня домой помыть корзину для сыра, ибо в ней полно волос.

Поднялся он в комнату, подошел к окну, вытащил нож и перерезал веревку, на которой висела корзина. Полетел священник вместе с ней прямо в огромную лужу, что была под самым окном. А Раш тем временем спустился в конюшню, сел на лошадь, въехал прямо в середину лужи, схватил корзину за обрывок веревки, привязал ее к лошадиному хвосту и протащил по воде взад и вперед три или четыре раза. Потом пустил он коня вскачь по городу, корзина за ним волочится, люди смотрят и удивляются. Все это время он притворялся, будто не замечает священника, и, только повернув домой, оглянулся и увидел его в корзине. Слез он тогда с коня и говорит:

— Ну, больше ты от меня не уйдешь, прощайся с жизнью.

А священник поднял руки и говорит:

— Вот тебе сто золотых монет, возьми и отпусти меня.

Раш взял деньги и дал священнику уйти. А когда его хозяин пришел домой, отдал он ему половину денег, простился и пошел со двора, ибо хотелось ему мир посмотреть.

О том, как Раш стал слугой одного джентльмена, и об изгнании беса из тела его дочери

После того как Раш оставил дом крестьянина, пошел он опять по свету в поисках приключений. Долго он шел, пока не увидел наконец дом некоего джентльмена, к которому

и направился. Случилось так, что в это время сам джентльмен как раз прогуливался возле ворот. Подошел к нему Раш, снял шапку и приветствовал такими словами:

— Будь весел, добрый джентльмен!

— И ты также, — отвечал тот.

— Господин, — продолжал Раш, — я бедный молодой человек, нет у меня службы, и потому ищу я себе доброго хозяина.

— А из какой стороны ты родом? — спросил его джентльмен.

— Господин, — молвил Раш, — родился я далеко отсюда и много миль прошел в поисках хорошей службы, но ничего не нашел.

— А что ты умеешь делать? — поинтересовался джентльмен. — И как тебя зовут?

— Господин, — был его ответ, — я могу делать все, что ты только пожелаешь, а зовут меня Раш.

Тогда джентльмен ему и говорит:

— Оставайся здесь, Раш, я беру тебя к себе на службу.

Услышав такие слова, Раш поблагодарил его и остался. Потом, разговаривая с новым слугой, джентльмен спросил:

— Раш, ты много странствовал, бывал в чужих странах, не знаешь ли ты, где мне найти человека, который мог бы изгнать беса из тела женщины?

— Господин, — удивился Раш, — почему ты меня об этом спрашиваешь?

— Сейчас объясню, — ответил его хозяин. — Есть у меня дочь, молодая и красивая, однако она не в себе, и кажется мне, что в тело ее вошел какой-то демон.

— Господин, дозволь мне взглянуть на нее, — попросил Раш, — и я тут же найду для нее лекарство.

Тогда привел джентльмен нового слугу в дом и показал ему свою дочь. Увидев ее, Раш сразу понял, что находится внутри ее тела, и так сказал ее отцу:

— Господин, я знаю, кто может ей помочь.

— Что ж, — ответил джентльмен, — найди этого человека, и я щедро отблагодарю его за труды, и тебя тоже.

— Господин, вот что надо сделать: милях в сорока или пятидесяти отсюда есть один монастырь, где я долгое время был слугою, и тамошний приор в этой науке преуспел. Будь он сейчас здесь, твоей дочери полегчало бы уже через час.

Услышав такие слова Раша, джентльмен возрадовался в сердце своем доброй вести. И вот на следующее утро послал он своего слугу в тот монастырь с письмом, в котором просил приора приехать к нему обсудить одно дело. Приор, прочитав письмо и узнав, за какой надобностью его зовут, приготовился ехать вместе с посыльным. Так они и отправились вместе, а через день прибыли в дом джентльмена. Тот, услышав о приезде приора, обрадовался и побежал к воротам его встречать. Принял он настоятеля с большим почетом и проводил в дом, где приказал слугам наполнить кубки вином, чтобы они с приором могли выпить вместе. И вот, утолив жажду и подкрепив силы, вышли они в прекрасный сад и стали разговаривать о многих вещах, а когда беседа их подошла к концу, молвил джентльмен:

— Сэр, послал я за вами вот по какой причине. Есть у меня дочь, которая сильно повредилась в рассудке, и я боюсь, что телом ее завладел какой-то злой дух. Один мой слуга, который долго жил в вашем монастыре, говорит, что вы можете ей помочь.

— Сэр, — отвечал приор, — а как имя вашего слуги?

Джентльмен сказал, что его зовут Раш. Приор, услышав это имя, сразу понял, о ком идет речь, и попросил джентльмена:

— Сэр, пусть ваша дочь придет ко мне немедленно, и я с Божьей помощью надеюсь найти для нее лекарство.

Обрадовался джентльмен, услышав такие слова приора, и тут же послал за дочерью. Когда она пришла, приор велел ей встать на колени и то же самое велел сделать матери, и отцу ее, и всем, кто там еще был, и сказал, чтобы они молили Господа за девушку. Сам же произнес над ней несколько молитв, поднял руку и благословил больную, отчего изо рта ее

сразу вылетел огромный демон. А приор заклял того демона так, что тот никогда больше не смел приходить в дом джентльмена. Девушка же снова пришла в себя и стала здорова и душою, и телом.

После этого захотел джентльмен наградить приора значительной суммой денег за его труды, но тот отказался и так ему молвил:

— Сэр, в моем монастыре строится новая церковь, и мне не хватает железа покрыть крышу. Мне говорили, что в ваших местах этого товара в изобилии. Поэтому, если вы соблаговолите дать мне столько железа, сколько мне необходимо, то я и мои братья вечно будем за вас Бога молить и ваше имя будет упоминаться в службах, пока свет стоит.

— Берите, сколько хотите, — отвечал на это джентльмен. — Но только как вы его повезете?

— Об этом не беспокойтесь, — молвил приор. Тогда джентльмен подвел его к большой куче железа и попросил взять столько, сколько он пожелает. Приор тут же кликнул Раша и приказал ему взвалить на шею столько железа, сколько необходимо для покрытия крыши, снести его домой и сразу же возвращаться обратно. Взвалил Раш железо себе на шею и понес его домой, а через полчаса вернулся. Попрощался тогда приор с джентльменом и велел Рашу отнести его домой. Посадил его Раш себе на шею, и через четверть часа были они уже дома. После этого приор вернул Рашу его истинный облик и приказал отправляться в старый замок, что стоял в глухом лесу, затвориться там и никогда больше не выходить наружу. От этого демона и от всех других демонов да оборонит нас Всемилостивый Господь. Аминь.

БИБЛИОГРАФИЯ

Тексты романов публикуются по изданиям:

«Книга о жизни Вергилия, и о его смерти, и о многих чудесах, которые он совершил благодаря колдовству и некромантии при помощи дьяволов преисподней».

The lyfe of Virgilius with many dyuers consaytes he dyd. Emprynted in the city of Anwarpe By me John Doesborcke dwellynge at carmer porte // Early English Prose Romances with Bibliographical and Historical Introductions / Ed. by William J. Thorns. Second. Ed. London, 1858. Vol. II. Virgilius. Robin Hood. George A Green. Tom a Lincolne. P. 1-59.

«Знаменитая история монаха Бэкона, содержащая также чудеса, совершенные им при жизни, и рассказ о его смерти с описаниями жизни и смерти двух волшебников, Банджи и Вандермаста. Чрезвычайно занимательное и поучительное чтение».

The Famout Historic of Fryer Bacon, containing the wonderfull things that he did in his life also the manner of his death; With the lives and deaths of the two conjurers, Bungye and Vandermast. Very pleasant and delightfull to be read. Printed at London by E. A. for Francis Groue, and are to be sold at his shop, at the upper-end of Snow-hill, against the Sarazens head. 1630 // Early English Prose Romances with Bibliographical and Historical Introductions / Ed. by William J. Thorns. Second. Ed. London, 1858. Vol. I. Robert the Deuyll. Frier Bacon. Frier Rush. P. 179-250.

«Жизнь Роберта Дьявола, прославившегося своими пороками, однако названного впоследствии слугой Господа».

The lyfe of the most feerfullest and unmercyfullest and myscheuous Robert the Deuyll, whiche was afterwarde called the Seruaunt of our Lorde Jhesu Cryste. Emprynted in Flete-strete in the sygne of the sonne, by Wynkyn de Worde // Early English Prose Romances with Bibliographical and Historical Introductions / Ed. by William J. Thorns. Second. Ed. London, 1858. Vol. I. Robert the Deuyll. Frier Bacon. Frier Rush. P. 1-56.

«История брата Раша, о том, как он пришел в аббатство наниматься на службу, и был принят приором, и назначен поваренком».

The Historic Frier Rush: how He came to a house of Religion to seeke Service, and being entertained by the Priour, was first made Under Cooke. Being full of pleasant mirth and delight for

young people. Imprinted at London By Edw. All-De, Dwelling Neere Christ-Church. 1620 // Early English Prose Romances with Bibliographical and Historical Introductions / Ed. by William J. Thorns. Second. Ed. London, 1858. Vol. I. Robert the Deuyll. Frier Bacon. Frier Rush. P. 251 — 304.

Наиболее подробным исследованием преданий о Вергилии, бытовавших в Средние века, является работа: Spargojohn Webster. Virgil the Necromancer: Studies in Vir-gilian Legends. Camb., Mass. 1934. (Текст истории о Вергилии в корзине цитируется по этой книге, с. 372 — 373.)

Во вступительной статье цитируются произведения средневековых авторов и писателей Нового времени:

Александр Некам

«О природе вещей» — Alexandri Neckami. De naturis libri duo / Ed. Th. Wright. London, 1863.

Алъберик из монастыря Трех Источников

«Хроника» — Chronica Albrici monachi trium fontium a monacho novi monasterii Hoiensis interpolata / Ed. P. Schef-fer-Boichorst // Monumenta Germaniae historica, Scriptores. T. XXIII. Hannoverae, 1874. P. 631-950.

Сэр Томас Браун

«О всеобщих заблуждениях» — The Works of Sir Thomas Browne. Vol. II. Pseudodoxia Epidemica. Books I-VII / Ed. G. Keynes. Chicago, 1964.

Винсент из Бовэ

«Историческое зерцало» — Vincentii Bellovacensis Speculum Historiale. Strassburg, 1473. Vol. I IV

Гиралъд Уэльский

«Путешествие по Уэльсу»

Giraldi Cambrensis. Itinerarium Kambriae. Descriptio Kam-briae / Ed. J. F. Dimock // Giraldi Cambrensis. Opera / Ed. J. S. Brewer, J. F. Dimock, G. F. Warner. London, 1868. Vol. VI.

Гервазий Тилъсберийский

«Императорские досуги» — Gewasius Tilsberiensis. Otia Imperialia / Ed. G. W. Leibnitz // Scriptore rerum Bruns-vicensium. Hannover, 1707-1710. Vol. I. S. 881-1004. Vol. II. S. 751-784.

Des Gervasius von Tilbury Otia Imperialia / Hrsgbn. von F.Leibrecht. Hannover, 1856.

Иоанн Солсберийский

«Поликратик» — Joannis Saresberiensis Policratici libri VIII / Ed. C.C. C J.Webb. Oxford, 1909.

Конрад Кверфуртский

Послание — Arnoldi Chronica Sclavorum / Ex rec. I. M. Lappenberg. Hannoverae, 1868. S. 174-183.

Уолтер Мап

«Придворная маета» — Map W. De Nugis Curialiurn — Courtiers' Trifles / Ed. and transl. M. R. James; Rev. by C. N. L. Brooke and R. A. B. Mynors. Oxford, 1983.

«Плавание лодки трех сыновей Коналла» — The Voyage of Hui Corra / Ed. W. Stokes // Revue Celtique. 1893. XIV. P. 26-63.

Рукопись XIV века с историей о найденной евреем книге

Exempla aus Handschriften des Mittelalters / Herausge-geben von J. Klapper. Heidelberg, 1911. S. 63-64.

Цезарий Гейстербахский

«Диалоги о чудесах» — Caesarii Heisterbacensis, mon-achi ordinis Cisterciensis, Dialogue Miraculorum / Rec. J. Strange. Vol. 1-Й. Coloniae, Bonnae et Bruxellis, 1851.

Яков Ворагинский

«Золотая легенда» — Jacobi a Voragine Legenda Aurea vulgo Historia Lombardica dicta / Rec. Th. Graesse. Lipsae, 1850.